BASE 66

A story of fear, fun and freefall

by Jevto Dedijer

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

BASE
(Building, Antenna, Span, Earth)

Для членства в особом клубе BASE нужно прыгнуть с парашютом с крыши здания, антенны, моста и скалы и остаться в живых, чтобы рассказать об этом.

© 2004 Jevto Dedijer

- Йефто Дедьер
  - Пролог
  - Великий старик из Сконе
  - Мой спорт
  - Новые друзья из высшего света
  - BASE
  - Внимание! Низкий мост
  - Игра со смертью
  - Этот сумасшедший швед
  - Дом богов
  - Тост камикадзе
  - Охота началась
  - Лестница Иакова
  - Прости, мама, — на очереди Тролльвегген
  - BASE 66
  - Прыжок через Атлантику
  - Назад в Город огней
  - Клуб Идиотов сегодня

Йефто Дедьер
BASE 66
Повесть о страхе, кайфе и свободном падении

Моя замечательная Клаудия! Огромное спасибо за то, что снова и снова спасала мою жизнь. Я не всегда хорошо за тобой ухаживал, но ты никогда меня не подводила, что бы ни случилось.

Эта книга посвящена тебе.

«СОВЕРШЕННО НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК — РЕДКОСТЬ В НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.»

Карин Хорни (1885–1952), психоаналитик

«ЖЕЛАТЕЛЬНО УМЕРЕТЬ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ЗАСЛУЖИШЬ СМЕРТЬ».

Анаксандид, 250 г. до н. э., правитель Спарты

Пролог

Выпуск новостей Ассошиэйтед Пресс от 7 июля 1999 года привлёк мое внимание фразой: «Норвежский сорвиголова погиб в прыжке». Прочтя короткую статью, я узнал, что молодой норвежский бейсер разбился, прыгнув с 3300-футового утеса Кьерог около Ставангера. У него было больше 200 прыжков со зданий, скал, мостов и антенн. Несмотря на обширный опыт, он взял на себя огромный риск, прыгнув в густом тумане, и ударился о скалу, когда его купол уже раскрылся.

Мои мысли вернулись на 15 лет назад, к прыжку с 2000-футовой скалы Тролльвегген в Норвегии. Я видел, как мой друг Бернар с воодушевлением прыгнул с голой серой скалы, полетел вдоль отвесного склона и исчез из вида.

Как удар, меня поразило непередаваемое ощущение, что я потерял друга. И я решил довести прыжок до конца в честь Бернара. Подойдя к месту отделения, я проверил парашют, поправил очки и заполнил легкие холодным свежим воздухом. Спустя несколько мгновений я был в свободном падении почти на 2000 футов над землёй.

Великий старик из Сконе

Спустя несколько месяцев после того, как моему отцу исполнилось 69 лет, он объявил матери, младшему брату Мики и мне, что собирается заняться прыжками с парашютом. Конечно, сначала мы думали, что он пошутил. Когда поняли, что он это серьезно, все мы притихли. Он сказал, что записался на очередные курсы для новичков, проводимые парашютным клубом городка Сконе. В Швеции для занятия парашютным спортом необходимо медицинское заключение от доктора, одобренного шведской парашютной ассоциацией. Папа был, правда, в хорошей физической форме, но я сомневался, что доктор его допустит.

Мама только вздохнула, услышав о замыслах ее мужа. Это была не первая из ряда вон выходящая идея, пришедшая ему в голову за 20 лет совместной жизни. Я помню, как она спросила: «Стефан, ну зачем тебе в твоем-то возрасте прыгать с парашютом? Ты же все кости переломаешь, если неудачно приземлишься!»

Я хорошо изучил характер отца и знал, что чем больше народу сомневается в его способности что-то сделать, тем более он становится решительным и упрямым. Во Вторую мировую войну он служил в 101-ой воздушно-десантной дивизии армии США и сделал восемь прыжков в Голландии и Бельгии. Он был также телохранителем генерала Максвелла Тэйлора, командующего дивизией, и находился с ним рядом 24 часа в сутки. Один из его прыжков был у Арнема в Голландии, недалеко от города Бастонь, где часть 101-ой дивизии была окружена немцами. Генерал Тэйлор в то время вернулся в Штаты на лечение от шрапнельной раны. Когда немцы предложили дивизии сдаться, действующий командующий, генерал Маколифф, ответил: «Идиоты!»

Парашюты десантников были из белого шелка. Они прыгнули с 1 300 футов с 65 фунтами снаряжения, свисавшего снизу на 15-футовых веревках. Солдат учили, что, если основной парашют не раскроется, надо вытянуть специальную ручку, чтобы раскрыть запасной. Папа рассказывал, что многие из его друзей погибли, не успев прыгнуть, когда немецкие зенитные орудия сбили несколько дивизионных DC-3. Некоторые солдаты, благополучно приземлившись, стали жертвами немецких снайперов. Я уверен, что, кроме сильного духа товарищества среди служивших в 101-ой дивизии, у папы было немного приятных воспоминаний о его восьми военных прыжках.

За месяц до того, как должно было начаться обучение прыжкам, отец начал укреплять себя физически. Он не мог

похвастаться особой гибкостью и решил её улучшить. По утрам он бегал трусцой по округе, переходя затем к приседаниям, отжиманиям и упражнениям на растяжку. Через день он пробегал в быстром темпе три — четыре мили. Когда приблизилось время медицинского обследования, он очень волновался. Все зависело от отношения доктора к этому необычному, упрямому 69-летнему человеку.

Однажды, вернувшись из школы, я увидел, что к зеркалу в гостиной скотчем приклеена какая-то бумага. В правом нижнем её углу несколько строк были подчеркнуты красным:

«Стефан Дедьер, несмотря на относительно пожилой возраст, в превосходном физическом состоянии. Я не вижу никаких психологических или физических причин, препятствующих Стефану заниматься парашютным спортом».

Внизу стояли подпись и печать доктора.

Папа прошёл первое испытание. Он гордо показал матери медицинское заключение, когда та пришла вечером домой, только она уж точно не разделяла его энтузиазма. Ведь доктор был единственным человеком, который мог остановить папины сумасшедшие планы. Помню, я похвастался одноклассникам, что мой папа собирается прыгать с парашютом. На них это произвело большое впечатление.

Курсы должны были проходить две пары выходных, и на второе воскресенье намечался первый прыжок. В начале недели перед курсами папа получил от парашютного клуба информационный буклет, из которого он узнал, что он того же возраста, как и остальные три студента, которые станут обучаться вместе с ним. Это были одна женщина и двое мужчин. Обучение началось в субботу утром. Им говорили, что студенты всегда беспокоятся перед первым прыжком (экая новость!). Инструктор объяснил, что это только естественно, так как человеческая природа вообще-то против того, чтобы прыгать с объектов, летящих на 2000 футов над землей. Он подчеркнул, что надо принять страх как должное и в то же время стараться преодолеть его. «Самое худшее, что вы можете сделать, — не признаваться в своём страхе, когда в действительности вы испуганы,» — сказал он. «Этот спорт не для мачо, которые верят, что могут держать в себе свои эмоции».

После короткого вступления началось обучение, сочетающее теорию и практику. Особое внимание было уделено действиям в особых случаях и приземлениям. Парашюты, используемые для обучения, назывались TU-35. Они были куплены в армии США в начале шестидесятых годов и назывались так из-за формы отверстий в куполе, которые напоминали буквы TU. Купола были

сделаны из зеленого нейлона и имели площадь 1000 квадратных футов. Вместе с запасным парашютом, который крепился на животе парашютиста, снаряжение весило приблизительно 50 фунтов. И основной, и запасной парашюты были с круглыми куполами. Круглый парашют замедляет падение парашютиста на землю; при правильно выполненном PLF (Parachute Landing Fall, падение при приземлении с парашютом) встреча с землёй обычно обходится без травм. На высоте сто пятьдесят футов парашютист должен принять положение для приземления: ноги вместе, носки ног вверх, подбородок прижать к груди, а взгляд направить на горизонт. Группировка и перекат при приземлении в такой позе помогают распределить нагрузку от удара о землю настолько равномерно, насколько это возможно.

Для обучения приземлениям в парашютном клубе использовалось хитрое изобретение, состоящее из металлического кольца, прикрепленного к веревке, висящей на перекладине турника. Студент повисал на кольце, держась за него обеими руками, а инструктор раскачивал его, имитируя ветер. По команде студент отпускал кольцо и приземлялся в песок. Эта часть обучения оказалась самой трудной для папы. Ему не хватало гибкости в движениях при перекате по песку. Инструктор Скерис по прозвищу Скребок дал ему возможность поучиться этому подольше. Скерис получил своё прозвище из-за сходства его черных стриженных ёжиком волос со щеткой-скребком. Первые выходные заканчивались тренировкой выхода из макета самолета, с которого они должны были сделать свой первый прыжок. Скерис быстро дал одну за другой команды:

«Приготовиться!» Сядьте в дверном проеме и спустите ноги вниз.

«Внимание!» Приготовьтесь прыгать. Голову вверх, помните о прогибе!

«Пошёл!» Подвиньтесь наружу, прогнитесь и раскиньте руки и ноги.

Положение тела — важная часть прыжка. Нужно развернуться лицом по направлению полёта и зафиксировать прогиб, чтобы не оказаться в беспорядочном падении.

Целую неделю перед прыжком папа несколько часов в день отрабатывал действия при приземлении на лужайке перед нашим домом. Соседи, должно быть, думали, что он свихнулся: 69-летний человек в спортивном костюме катается по лужайке. Люди не могли его понять. Я заметил, что папа беспокоится. Он не говорил, как себя чувствует или о чём думает. Под угрозой был не только прыжок, но и его будущее в университете Лунда. Все его недавние заявления о предоставлении гранта были отклонены, и

он даже услышал слухи о «пенсионерах», которые «слишком стары, чтобы тратить на них деньги». И папа собирался доказать, что это не так, став самым старым парашютистом Скандинавии.

В день перед прыжком папа и его сокурсники должны были показать, что они освоили PLF, действия в особых случаях и отделение от самолёта. Под внимательными взглядами двух инструкторов они должны были сделать четыре правильных приземления с висящего на верёвке кольца. Папа проделал всё в лучшем виде, что было просто здорово, поскольку являлось самой трудной частью обучения. На нём была надета подвесная система с запасным парашютом на животе, и далее нужно было проверить, как студент действует в чрезвычайной ситуации. Скерис попросил, чтобы папа представил, что купол не раскрылся вообще.

«Каково ваше решение?» — хотел он знать.

Папа схватил кольцо запасного парашюта, сильно сжал ноги вместе и решительно дёрнул кольцо. Это были правильные действия при полном отказе, ужасающей ситуации, когда купол не раскрывается даже частично. После демонстрации действий еще в нескольких особых случаях настало время для отделения от самолёта. Папа поднялся в макет самолета и принял нужное положение. По команде Скериса он сильно оттолкнулся и приземлился на мат, лежащий на земле. Он был должен проделать это несколько раз, прежде чем его выход был одобрен. После прохождения всех практических испытаний оставались только теоретические. Инструкторы хотели удостовериться, что нет чего-то такого, что студенты поняли неправильно и что могло иметь опасные последствия в воздухе. Папа и его три сокурсника прошли письменный тест, и Скерис со старшим инструктором объявили, что они готовы к первому прыжку. Остальная часть дня прошла в подготовке снаряжения к завтрашнему прыжку.

Когда на другой день мы с мамой добрались до поля Ринкабю, расположенного немного южнее города Кристианстад, папа уже собирался прыгать. Инструктор проверил его снаряжение и откалибровал AAD (Automatic Activation Device, прибор автоматики раскрытия). Эта небольшая коробка на запасном парашюте спасла много жизней. AAD определяет высоту по атмосферному давлению, измеряемому встроенным в него барометром, и срабатывает, если парашютист находится на высоте 1000 футов ещё в свободном падении, то есть без раскрытого купола.

Папа помахал нам, влезая в маленькую Сессну-205, которая доставит студентов на высоту прыжка — 2000 футов. Пилот рулил к взлетно-посадочной полосе, и мы наблюдали, как

небольшой самолет взлетел с характерным гудением. Папа был должен прыгать последним. Инструктор, стоящий рядом со мной, сказал, что будет два захода, в каждом из которых прыгнет по два студента. Взглядом я следовал за самолетом, поднимавшимся на 2000 футов. Внезапно появилась чёрная точка, падающая от самолета, а десять секунд спустя — другая. Два студента совершили прыжок в мир парашютистов. Я был очарован красивым видом и думал про себя: «Однажды я это попробую».

Пока я мечтал, подошла очередь папы. Самолет приблизился с южной стороны. Я лёг на землю, чтобы лучше видеть. Едва я увидел его падение из самолета, как, открывшись, расцвел купол. Папин купол. Он сделал это: после свободного падения приблизительно 165 футов его купол раскрылся, как надо. Но ему еще оставалось сесть. Выглядело так, как будто он приземлится в конце поля. Я видел, как примерно на 150 футах папа подготовился к приземлению. Ветер был слабым, и купол снижался практически вертикально. Папа мягко приземлился на высохшую на солнце траву.

Он собрал купол и пошёл к ангару, где должен был его уложить. Мы встретили его на полпути. Мама и папа долго обнимались; у мамы упала гора с плеч, поскольку ее муж остался жив, а папа был взволнован тем, что смог совершить в его возрасте. Я спросил его, как всё прошло, и он ответил большущей улыбкой. Оказалось, он ничего не помнил с момента отделения от самолета до того, пока благополучно не повис под раскрытым куполом.

Скерис сказал нам, что он все же должен встретить кого-то, кто помнил бы детали своего первого свободного падения. Мозг очень занят, будучи загружен новыми впечатлениями, и нуждается в некотором времени, чтобы приспособиться. Поэтому папа ничего и не помнил. В чрезвычайной же ситуации в действие должны вступить рефлексы, отработанные при обучении перед первым прыжком. Папа рассказал, что одним из основных моментов прыжка было снижение под куполом. Он восхищался красивым видом и наслаждался тишиной, которую он назвал «странной». Купол не издавал никакого звука, медленно приближаясь к земле. Различие между прыжками в Бельгии в 1944 году и его первым прыжком в Ринкабю было в том, что не надо было волноваться, не застрелят ли его немецкие солдаты.

В ангаре Скерис поздравил папу с первым прыжком. Папа, в свою очередь, поблагодарил Скериса за помощь и моральную поддержку при обучении. Три его сокурсника также успешно совершили прыжки и укладывали в ангаре парашюты. Папа был доволен. Он доказал себе, что ещё кое-что может. Он все еще в

состоянии сделать то, что другим кажется невозможным. А ещё он показал научному сообществу в Лунде, что пенсионер может быть активным и, следовательно, полезным.

Спустя месяц после папиного первого прыжка журнал Svensk Fallskarmssport («Парашютный спорт в Швеции») опубликовал статью на четыре страницы о его прыжке в Ринкабю. «Это — история Великого Старика из Сконе», — было там сказано. Одна из фотографий была сделана в Европе, когда папа был молодым десантником, а на другой он забирался в самолет в Ринкабю. Журналист спрашивал, зачем 69-летний пенсионер добровольно прыгнул с самолета, и папа убеждённо ответил: «Чтобы показать, что жизнь не кончается в 69 лет, что нехватка гибкости тела может быть исправлена решимостью и тренировкой, и что если ты уверен в себе, можно совершить то, что кажется невозможным». Статья заканчивалась стихами «Вечерний прыжок в Джорджии», которые папа написал в 1944 году, когда учился парашютно-десантному делу в Форт-Беннинге в штате Джорджия.

Коллеги в отделе экономики предприятий и управления в Лунде поздравили его. Те, кто сомневался в его способностях, притихли. Папа послал копии статьи из Svensk Fallskarmssport президенту университета Лунда и в учреждения, где он просил гранты. Очень скоро у него появился собственный офис в отделе, президент поздравил его, а заявления о предоставлении грантов были внезапно одобрены.

Папа сделал в этом клубе восемь прыжков. Но однажды при посадке по ветру он получил травму спины. После того, как два месяца он носил корсет, доктор посоветовал ему прекратить прыжки. Однако он каждый месяц навещал своих друзей в Ринкабю. Он часто говорил о сильном чувстве товарищества, объединяющем парашютистов. Водопроводчики, сварщики и электрики прыгали вместе с докторами, адвокатами и инженерами. Все были одеты в похожие спортивные костюмы и футболки. Они собирались с единственной целью — прыгать с парашютом, а по вечерам вместе ходили в сауну и готовили пищу.

Я много раз сопровождал папу на дропзону. Я сидел рядом с ангаром, наблюдая за парашютами, летающими в разных направлениях. Время от времени я входил в ангар и внимательно смотрел, как парашютисты укладывали их парашюты. Когда самолет въезжал в ангар на заправку, я влезал внутрь. Сидя в дверном проеме, я воображал, что готовлюсь прыгнуть. Запах авиационного топлива вызывал и радостное возбуждение, и волнение.

Мой спорт

Первый раз я прыгнул с парашютом из маленького спортивного самолета «Сессна-205» за несколько дней до моего восемнадцатого дня рождения. За не сколько часов до прыжка меня охватило сильное волнение, но, как ни странно, я забыл о нем, как только вошел в самолет.

Самолету было 25 лет, раньше он летал в Эфиопии в составе авиации Красного Креста. Чтобы прыгнуть с него, сначала нужно было, держась за подкос крыла, вылезть наружу, встав на подножку лицом по направлению полёта. Это казалось непростым уже из-за встречного потока воздуха, усиленного потоком воздуха от винта, и мои опасения только возросли. Я был очень рад, что трое моих одноклассников прыгнули и остались живы, прежде чем подошла моя очередь.

Я глубоко вздохнул, когда инструктор позвал меня к открытой двери. «Ну — сейчас или никогда», — подумал я. Он помог мне переместиться к зияющему отверстию; парашют был очень тяжелым и громоздким, мешая передвигаться самому. По команде «Приготовиться!» я схватился левой рукой за подкос и быстро перенёс туда же и правую. Почувствовав, что теперь не упаду, я поставил левую ногу на подножку, а правую оставил висеть в воздухе. Из-за рева двигателя и шума винта ничего не было слышно, поэтому заключительную команду инструктора я должен был прочесть по губам. И вот он крикнул: «Пошёл!» Я отпустил подкос, прогнулся и раскинул руки и ноги в стороны.

Я падал по крайней мере 160 футов, прежде чем купол открылся; казалось, что я беспорядочно кувыркаюсь в черную дыру. Парашюту, чтобы открыться, потребовалась только доля секунды. Только я успел поздравить себя с тем, какой я храбрый, что прыгнул с 2000 футов, как спохватился, что это не всё: надо управлять парашютом. С некоторой тревогой я стал искать на земле ветровой конус, указывающий направление и скорость ветра. Когда я наконец его нашёл, стало ясно, что меня уносит от дропзоны и, значит, площадки приземления. Схватив ручки на стропах управления, я повернул купол на сто восемьдесят градусов. Теперь можно было наслаждаться красивым пейзажем. Достаточно скоро, однако, земля приблизилась, и расслабляться опять стало некогда. Когда я решил, что нахожусь приблизительно на 150 футах, я подготовился к приземлению. Напомнив себе не смотреть вниз, я направил взгляд на горизонт. Мои ноги ударились о землю на несколько секунд раньше, чем я думал. Перекатившись, я как можно быстрее встал на ноги. Поток

адреналина, захлестнувший меня в этот момент, нельзя было сравнить ни с чем.

Мой инструктор встретил меня в ангаре и поздравил с приходом в мир парашютистов. Каждый год только десять процентов тех, кто побывал в этом особенном мире, остаются в нём. У большинства из них радость свободного падения и полёта никогда не преобладает над волнением, которое каждый чувствует перед прыжком. Я поклялся, что продолжу прыгать, поскольку был взволнован мыслью, что можно свободно падать в воздухе целые тысячи футов.

Две недели спустя я был готов к первому прыжку с ручным раскрытием парашюта и ужасно волновался. Теперь я должен был сам решить, когда раскрыть парашют. До этих пор я сделал восемь прыжков с автоматическим раскрытием, где моей единственной заботой было поддержание правильного положения тела в течение короткого свободного падения. Автоматически парашют раскрывался с помощью фала, прикрепленного одним концом к самолету, а другим — к шпилькам, удерживающим ранец закрытым. Когда, выпрыгнув, я натягивал фал своим весом, шпильки выдёргивались и оставались на нём, а купол выходил из ранца.

На сей раз моя жизнь была в моих собственных руках. Вместо фала, прикрепленного к самолету, было металлическое кольцо на правой стороне подвесной системы. Если его выдернуть, три шпильки, чекующие ранец, также выдёргивались из своих гнёзд, и купол выходил наружу. Другое различие было в том, что время свободного падения увеличивалось до пяти секунд. Чтобы прыжок был одобрен, нужно было падать от двух до пяти секунд в стабильном положении спиной вверх. Принцип прост: чтобы оставаться в этой основной позе свободного падения, необходим хороший прогиб. Он заставляет человека автоматически падать в так называемой позе «коробочка» — спиной вверх, с раскинутыми руками и ногами. Хорошая аналогия — воланчик для бадминтона, который всегда падает в одинаковом положении. Поддержание этого положения не так легко, как кажется. Практика — ключ к инстинктивному достижению правильного положения тела. Забудьте о прогибе, и вы немедленно окажетесь в беспорядочном падении.

Перед входом в самолет я потренировался в том, чтобы с закрытыми глазами найти жизненно важное кольцо. Я представлял, как раскрываю парашют, хватая кольцо правой рукой и сильно его дёргая. Инструктор перед прыжком дал мне несколько советов. Он сказал, что в первом «ручном» прыжке немногие парашютисты падают больше чем две секунды. Очень

редко попадаются те, кто падает максимальные пять секунд. Дело в страхе и неправильной позе. «Когда твоя жизнь зависит от того, дёрнешь ли ты эту железную штуку, многие делают это сразу же, как только выпрыгнут». Я решил во что бы то ни стало падать пять секунд. Чтобы контролировать это время, нужно было говорить вслух: «Прогнись тысяча, посмотри тысяча, найди тысяча, тяни тысяча». На «посмотри тысяча» находят кольцо взглядом, на «найди тысяча» сильно его хватают и на «тяни тысяча» тянут. Высотомер на запасном парашюте для меня тоже оказался новостью. Его циферблат был разделён на сектора, а ноль совпадал с 12500 футов. Легко видимая красная линия на 2000-футовой отметке напоминала, что пора просыпаться и раскрывать основной парашют. Согласно шведским правилам это должно быть сделано до высоты 2000 футов независимо от высоты прыжка. Для этого кольцо надо тянуть на 2500 футах, чтобы учесть время, нужное для того, чтобы купол полностью наполнился.

Удобно сидя в самолете клуба, который мы назвали Эстер, я старался выкинуть из головы всё, что не касалось прыжка. С закрытыми глазами я представил прыжок несколько раз. Подъем на высоту 3000 футов дал мне вполне достаточно времени, чтобы несколько раз пройти каждую деталь прыжка, от отделения до рывка кольца. Способность мысленно визуализировать прыжок — важный навык парашютиста. Как только мы достигли 3000 футов, инструктор направил пилота к точке выброски. Он попросил его уменьшить мощность двигателя, чтобы самолёт снизил скорость, затем посмотрел на меня и сказал: «О'кей».

Настала моя очередь. Концентрируясь на прыжке, я вылез наружу и встал на подножку. Глубоко вздохнул и отделился от неё. Началось моё первое настоящее свободное падение.

«Прогнись тысяча, посмотри тысяча, найди тысяча», — говорил я вслух. Посмотрев туда, где должно было быть кольцо, я обнаружил, что его там не было. К сожалению, не было никакого времени, чтобы выяснять, что там с ним случилось. Надо было что-то делать, и быстро. Моя правая рука наткнулась на что-то, похожее на трос. Я сжал его указательным и большим пальцами и с силой потянул. Какое счастье, купол раскрылся!

Инструктор не одобрил мой первый «ручной» прыжок. Он сказал, что три секунды я падал в правильном положении, а затем внезапно начал кувыркаться. Кроме того, когда купол раскрывался, я падал спиной вниз. В общей сложности я был в свободном падении целых десять секунд, дважды максимальное время. Инструктор, который, как оказалось, наблюдал мое падение в бинокль, знал, что случилось и заставило меня так

действовать. При отделении от самолёта кольцо вывалилось из своего кармана и оказалось у меня за спиной. Только благодаря тому, что у меня длинные руки, я смог достать до троса, присоединенного к кольцу, и дёрнуть его. Ещё чуть-чуть, и надо было бы раскрывать запасной парашют.

Позже, в тот же день, я сделал еще два прыжка с той же высоты, оба из которых были одобрены. Вечером, следуя старой парашютной традиции, я угостил всех пивом. Существует неофициальное международное правило, определяющее, в каких случаях парашютисты должны так поступать: первый «ручной» прыжок, отказ с применением запасного парашюта, сотый прыжок, первый прыжок в голом виде и дни рождения. Парашютист несет пиво в здание клуба, ставит его на стол и кричит об этом так, чтобы все слышали. То, что происходит потом, похоже на паническое бегство или сумасшедший дом; каждый с нетерпением вбегает в комнату и как можно быстрее хватает своё пиво. За всю свою парашютную карьеру я никогда не видел, чтобы всё пиво исчезло больше чем за десять секунд.

В парашютном клубе царил фантастический дух товарищества. Мы очень хорошо узнали друг друга, несмотря на то, что встречались только по уикэндам. Здание клуба стало вторым домом, где мы готовили пищу, наслаждались сауной и ухаживали за парашютами и нашим самолетом, Эстер. Конечно, главным делом оставались прыжки. Внешность и происхождение значили мало. Самой успешной командой клуба были «Розовые Пантеры», состоявшие из анестезиолога, сварщика, разносчика газет и садовника. Мне иногда было трудно выбрать между моими родителями в Лунде и парашютным клубом в Ринкабю. Я просто помешался на прыжках. Моя бедная мама каждый раз волновалась, когда я был в Ринкабю. Она читала все сообщения о несчастных случаях и беспокоилась, не случилось ли со мной чего.

Ещё она часто спрашивала, не собираюсь ли я теперь, когда доказал своё мужество, перестать прыгать. Я объяснил, что свободное падение стало для меня образом жизни. Я нашел занятие, которое помогало осуществить все мои мечты о приключениях. Иронией судьбы было то, что именно мама позволила мне войти в мир приключений. Ведь на момент первого прыжка мне было только 17 лет, и чтобы меня до него допустили, требовалось разрешение родителей. Я упрашивал её два месяца, прежде чем она наконец согласилась и подписала бланк разрешения. Мой отец подписался бы немедленно, спроси я его, но я хотел, чтобы и мама была на моей стороне, пусть даже неохотно. То, что мои усилия увенчались успехом, стало ясно в

мой восемнадцатый день рождения, когда родители дали 1 500 крон на покупку моего первого парашюта. Он был сине-желтым. Я назвал его Оке.

За первый год моей парашютной карьеры я сделал 100 прыжков. Научившись стабильно падать в правильной позе в течение больше чем 20 секунд, я начал практиковаться в поворотах. Идея была в том, чтобы научиться управлять своим телом в свободном падении. Я начинал прыжок с 12 секунд свободного падения, чтобы достигнуть предельной скорости. Чем быстрее ты падаешь, тем легче управлять своим движением. Конечно, согласно законам физики есть предел тому, как быстро ты можешь падать. Максимальная скорость свободного падения человека в позе «коробочка» — 120 миль в час, она достигается после 12 секунд падения. Можно падать и быстрее, но в другом положении: опустив голову вниз, руки расположив вдоль тела, а ноги сжав вместе. Так скорость доходит до 250 миль в час.

Чтобы удостовериться, что при поворотах я возвращаюсь в первоначальное положение и не поворачиваюсь слишком намного, я фиксировал взгляд на каком-нибудь объекте на земле. Это мог быть дом, угол рощи деревьев или что-то подобное. Я поворачивал на четверть оборота налево, опуская левую руку. Чтобы остановить поворот, я немного раньше, чем повернуть на нужный угол, опускал правую руку, возвратив левую в исходное положение. Затем, возвратившись в первоначальное положение, я делал такой же поворот, но направо. Справившись с поворотами на четверть оборота, я перешёл к обучению поворотам на 360 градусов. Тут развивается большая скорость поворота, и важно остановиться в нужный момент, не повернувшись по инерции еще градусов этак на 180. Один поворот налево, стоп! Один поворот направо, стоп! Один поворот налево, стоп! Позже я узнал, как сделать переднее и заднее сальто, стабильно падать спиной вниз и делать бочки.

При подготовке к прыжкам на RW (Relative Work, групповая акробатика), которые состоят в построении формаций (фигур в свободном падении) из различного количества парашютистов, от двух до 250, меня учили тречке (tracking). Положение тела, нужное для этого, похоже на позу лыжника, прыгнувшего с трамплина: руки вдоль тела, туловище прогнуто вверх, носки ног оттянуты, голова и плечи опущены, и ты со свистом несёшься как можно более горизонтально. Чем больше участников прыжка, тем раньше они должны развернуться друг от друга и перейти в тречку, перед тем как раскрывать парашюты. Четыре парашютиста могут начать «тречить» на 3000 футов, восемь — на 3600 футов и т. д. Прыгая в больших формациях из 50–60

человек, важно быть дисциплинированным и оставаться в пределах собственного сектора воздушного пространства, как подлетая к формации, так и во время тречки, или может быть серьезная неприятность. Врезавшись с приличной горизонтальной и вертикальной скоростью в другого парашютиста, можно получить два мёртвых тела.

Мои прыжки «на тречку» получались хорошо, и вот я был готов к первому прыжку на RW. Я впервые увижу другого парашютиста, падающего рядом со мной! Моим партнером в прыжке был инструктор Стефан Олссон по прозвищу Сол. Сол сделал 700 прыжков и считался опытным в групповой акробатике. Мы должны были одновременно прыгнуть с 10 000 футов, и моя задача состояла в том, чтобы подлететь к Стефану и осторожно взять его за руки. На 4000 футов мы собирались отпустить друг друга, «тречить» в противоположные стороны и раскрыть наши парашюты. После прыжка я написал в парашютной книжке: «Я состыковался с Солом и был вознагражден большим влажным поцелуем, отпустил его на 4000 футов, тречил, очки с меня соскользнули, ничего не видел, поэтому тречил плохо». Прыжок я провалил, потому что тречил недостаточно далеко. С очками на подбородке на скорости 120 миль в час я был фактически слеп, потому что глаза у меня слезились, и решил раскрыть парашют.

Теперь я понимал, почему опытные парашютисты говорили мне, что групповая акробатика — фантастическая вещь. Свободное падение больше чем минуту со скоростью 120 миль в час вместе с хорошими друзьями — это нечто такое, что я желаю каждому испытать хотя бы раз в жизни. Вид лица друга, искаженного сильным потоком воздуха, может заставить даже самого угрюмого человека смеяться до слёз. Те, кто открывает рот в падении, похожи на каких-то морских иглобрюхих, когда воздушный поток заполняет полость рта. Посмотрев свои фотографии, сделанные в падении, они обычно никогда так больше не делают. А если падать с закрытым ртом, поток прижимает щеки к глазам, придавая парашютисту вид некоего чёрта с квадратным лицом.

Что меня прямо-таки интриговало в групповой акробатике, так это возможность управления своим свободным падением. Вытянул ноги — и ты летишь вперёд, вытянул руки — назад. Даже скоростью падения можно управлять, прогибаясь. Чем больше ты прогнут, тем быстрее ты падаешь, и наоборот. Это очень важно в формациях, где все должны быть на одной высоте. Если один парашютист падает на полтора фута выше группы остальных, то стоит ему прогнуться ещё немного, и он окажется на одном уровне с другими и сможет сделать захват за них. Чтобы

ещё больше усложнить групповую акробатику, природа создаёт людей различных размеров и формы. Высокий и худой, низенький и пухлый — каждый имеет свою скорость падения. Теоретически камень и перо падают с одинаковой скоростью — но в вакууме. Мы же падаем в воздухе, и его сопротивление становится очень важным. Четыре человека разного телосложения должны сделать хотя бы несколько прыжков вместе, чтобы падать на одной высоте, не имея необходимости при этом постоянно думать, как же это сделать.

В тот же день я сделал еще три прыжка на RW с опытными парашютистами. От прыжка к прыжку моя техника улучшалась, и я невольно сравнивал себя с птенцом, который учится летать. Поначалу я был нерешителен и чрезмерно осторожен в движениях.

С началом прыжков на RW свободное падение в моих глазах перешло в другое измерение. Передо мной открылся новый мир неба. Раньше я только смотрел на него изнутри пассажирских самолетов, а теперь оказался в нём самом, на его просторах, свободно падая на высокой скорости.

После 69-го прыжка я принял участие в бугах. В данном случае буги — не танец, а карнавал парашютистов. Мои первые буги назывались «Геркулес Буги-82». Организаторы сумели уговорить шведские ВВС сдать в аренду один из их транспортных самолётов С-130 «Геркулес». «Геркулес» берёт на борт 20 тонн груза, это могут быть и автомобили, и лёгкие бронированные машины. Парашютистов в него помещается целых 85. Самолет имеет широкую рампу для входа и въезда внутрь, если опустить которую, то с неё одновременно могут прыгнуть 25 человек. «Геркулес» поднимается на 13 000 футов всего за 10–12 минут, что парашютисты очень ценят. Для прыжков на бугах, продолжавшихся четыре дня, зарегистрировались парашютисты из 15 стран, а в общей сложности их было 600. Мы спали в палатках или трейлерах на дропзоне. В одном углу разместились голландцы, в другом — британцы, а в третьем — французы. Турбовинтовые двигатели «Геркулеса» ревели с раннего утра до позднего вечера. По вечерам мы развлекались тем, что пили пиво в огромных количествах, и играми вроде жонглирования, построения человеческих пирамид, фрисби и тряпичных мячиков.

Мы также арендовали F-28 у шведской авиакомпании «Линиефлюг». Там были несколько удивлены, когда организаторы буг настаивали на том, чтобы снять с этого самолета все сиденья, ковры и дверь. Парашютисты сидят на полу самолета, чтобы их втиснулось туда столько, сколько возможно, и двери только мешают. Я особенно любил добавлять новый самолет в список

тех, с которых прыгал. В Сконе была только Эстер — Сессна-205, в которую помещалось пять парашютистов. Несколько раз я прыгал с Сессны-206, а теперь мог добавить в мой список еще две модели — C-130 «Геркулес» и F-28 «Фоккер Фэрчайлд».

За четыре дня было сделано больше 4000 прыжков, и не сообщалось ни об одном серьезном несчастном случае. Мои самые весёлые воспоминания от буг состояли в том, что однажды группа девушек внезапно начала раздеваться в самолете на высоте 12 000 футов. Они сняли каждый предмет своей одежды по отдельности, пока на них не остались надеты только парашюты. Само собой разумеется, мы искренне приветствовали их инициативу. На 13 000 футов рампа опустилась, и все они выскочили. Военный инструктор-парашютист, не представлявший, что в самолете могут находиться так скудно одетые леди, долго не мог вернуть на место отвисшую челюсть. Их прием после приземления был более чем восторженным.

Новые друзья из высшего света

Большинство моих друзей поступило в университет Лунда. Я думал изучать журналистику, но мои школьные отметки были хуже, чем требовалось для приёма на эту специальность. Ничто иное в университете не интересовало меня настолько, чтобы потратить на это три или четыре года. После глубоких раздумий я решил поехать за границу.

Едва я вспомнил о замечательном Рождестве, которое наша семья провела в дельте Луары, когда мне было 15 лет, моим естественным выбором стал Париж. Тогда, после посещения красивых замков Шанонсо, Шамбор и Шомон, я впервые попробовал и сразу же влюбился во французское фирменное блюдо — устрицы! В Швеции я слышал ужасные истории о том, как французы ели живых устриц. Я воображал, как бедные животные ползают взад и вперед по тарелке, крича: «Помогите!». Когда же на столе передо мной оказался поднос с устрицами, оказалось, что они спокойно лежат там, дожидаясь, пока их съедят. Если они и были живыми, то не показывали этого. Я съел дюжину fines de claire № 5, и до сих пор это мой любимый вид устриц, и по размеру, и по вкусу. Ам! Мммммм. Ам! Мммммм.

Я послал письма 200 шведским компаниям с филиалами во Франции в надежде получить там работу. Довольно скоро я стал получать ответы; к сожалению, все они оказались отрицательными. Тон писем был учтивым, но твёрдым. «Дорогой г-н Дедьер, мы благодарим Вас за Ваш интерес, но, к сожалению, сообщаем, что у нас нет вакансии, которую мы могли бы Вам предложить. Мы желаем Вам удачи в дальнейшем поиске. Искренне Ваш…» После больше 50 отрицательных ответов я получил один положительный, от «Гамбро», шведского изготовителя оборудования для почечного диализа. Я понятия не имел, что я могу там делать, но предполагал что-то вроде офисной работы, потому что работать на «Гамбро» я должен был три месяца, которые секретарь был в отпуске. Проблема моего проживания решилась, когда женщина, которая меня наняла, написала другое письмо, в котором «была счастлива сообщить», что фирма нашла мне комнату рядом с Ла Бастиль. Моя зарплата была установлена равной минимальной зарплате во Франции — 5000 франков в месяц. Я не думал, что этого хватит на многое, и попросил маму помочь мне купить хорошую костюмную рубашку и соответствующий галстук. В такой экипировке я мог бы также произвести хорошее первое впечатление. Как будто одного хорошего сообщения было недостаточно, прибыл и другой

положительный ответ, на сей раз от фирмы «Фаси», где спрашивалось, смогу ли я начать работать как стажер к концу сентября. Ответ от «Фаси» был написан неразборчивым почерком на маленькой белой карточке и подписан Стелланом Хорвицем, исполнительным директором компании. Сосчитав все вещи, которые нужно было взять с собой, я решил путешествовать поездом. Билет я купил в спальный вагон, чтобы можно было спать всю дорогу. Мама проводила меня до станции, чтоб помахать рукой на прощание. Это было грустное прощание, потому что я не знал, когда увижу ее снова.

Доехал я быстро и без приключений. Добравшись до Гар-дю-Норд, одного из шести железнодорожных вокзалов Парижа, я взял такси до моего нового места жительства на Рю Седэн. Лето 1983 года в Европе было очень жарким; я порядком вспотел, сидя на виниловом сиденье. Такси затормозило перед старым захудалым зданием. Я вышел и уставился на мой новый дом, затем позвонил в звонок и представился. Сердитая женщина в бигудях впилась в меня взглядом и вручила несколько ключей. «Верхний этаж, в конце холла, под крышей!» — крикнула она и захлопнула дверь.

«Что ж, хорошо», — подумал я. «Теперь я знаю, в какой звонок больше не звонить». В прихожей на верхнем этаже горел свет, и то, что было видно, наводило на мысль, что этот дом скоро снесут. Я постучал в одну из дверей в конце холла. Никакого ответа. Осторожно я вставил один из ключей в замок. Ключ повернулся легко, но дверь вроде как заклинило. Я сильно толкнул её и упал головой вперед в моё новое жилище.

Внутри было невыносимо жарко, как в сауне. Я поставил багаж в угол и начал осматривать комнату. Это не заняло много времени. Комната имела форму квадрата со стороной девять футов. Старый, весьма потрёпанный жизнью большой шкаф, без полок и без вешалок, красовался в углу. Остальная мебель состояла из деревянного стула и кровати, которая оказалась бы мала даже для такого низкорослого, как Наполеон Бонапарт. Самое же странное открытие я сделал в последнюю очередь: кухня, туалет и раковина были втиснуты в пространство площадью меньше десяти квадратных футов. Если сесть на унитаз, горелка для готовки оказывалась в 12 дюймах перед вами. Не очень аппетитно. Раковина была настолько мала, что в ней можно было мыть не обе руки одновременно, а только одну. Душа, конечно, никакого не было, но я надеялся найти где-нибудь недалеко плавательный бассейн, где можно было бы освежиться. Я был очень разочарован стандартами проживания сотрудника «Инструмента Гамбро». Где мне хранить продукты, если нет холодильника? Не могу же я каждый день обедать в ресторане.

Словом, первый вечер в Париже принёс мне много вопросов и мало ответов.

На следующий день я пошел в штаб-квартиру «Гамбро», расположенную в Девятом районе. К моему удивлению, на улице я увидел несколько весьма откровенно одетых женщин, выстроившихся в ряд, как куклы. Было нетрудно сообразить, что они тут делали. И конечно, я удивился, что фирма «Гамбро» выбрала для своего главного офиса такое место. Но встретили меня вполне профессионально, предложив кофе, пока я жду того, кто ввёл бы меня в курс дела. Обстановка была приятной и производила впечатление, что компания вполне успешна. Внезапно появилась белокурая женщина на высоких каблуках и представилась так быстро, что я не расслышал ее имя. Мы прошли через длинные коридоры, на стенах которых были развешаны какие-то красивые документы в рамках, и вошли в дверь с медной табличкой. Перед входом в комнату я попытался прочесть табличку, но женщина шла слишком быстро, и я успел увидеть только слово Directrice. Я уселся на стул для посетителей, стоящий перед её столом. Она поздравила меня с поступлением на работу в «Инструмента Гамбро» и выразила надежду, что предстоящие три месяца мне очень понравятся, а затем вынесла приговор. С бесстрастностью и ритмом машины она стала отдавать приказы:

— Ты начинаешь работу завтра. Нужно быть на нашем складе в 19 милях от Парижа завтра утром в восемь. Ты будешь работать на складе и разгружать грузовики. Твои часы работы…

Я почувствовал, что жизнь кончилась. Складской рабочий. Рубашку и галстук можно было снять и выкинуть, если, конечно, я не хотел произвести ими впечатление на водителей грузовиков, которые я должен был разгружать. Женщина продолжала что-то говорить, но слушать я был не в состоянии. Она дала мне груду бумаг, которые я покорно заполнил. Затем я встал, поблагодарил ее, сам не зная за что, и вышел из штаб-квартиры «Гамбро», держа в руке листок с адресом склада. Мое настроение было на нуле.

Я поставил будильник на шесть. Опаздывать в первый же день не хотелось.

Наутро подземка доставила меня в Гар-де-л'Эст, где я сел на автобус, доехав спустя сорок минут до пригорода Олнэ-су-Буа. От автобусной остановки до склада нужно было прогуляться еще 20 минут. В общей сложности до работы я добирался полтора часа. Склад «Гамбро» находился в промышленном районе, а моего босса звали месье Сале. Мы выпили с ним пива, и он объяснил мне мои нехитрые обязанности. Два раза в день из Швеции или Германии прибывал 80-футовый грузовик. Мне надо было его

разгрузить, то есть приподнять каждый поддон с грузом электрическим домкратом на колёсиках и затем укатить его в нужное место на складе. Один раз в день приезжал другой грузовик, чтобы забрать этот груз, и, как легко догадаться, я должен был проделать то же, что и при разгрузке, только в обратном направлении. Это было единственным разнообразием в моей работе. К тяжёлому физическому труду я не привык и после восьми часов работы чувствовал себя как выжатый лимон. Хорошо ещё, что по пути с работы домой находился вокзал, где можно было принять душ, что я и делал раза четыре в неделю. За два месяца такой жизни я не провёл ни одной ночи вне дома и не познакомился ни с одним интересным человеком.

Когда теплым сентябрьским вечером 1983 года я вошел в ирландский паб «Серебряный кубок», то никак не мог подумать, что это было началом новой жизни, началом приключения, какого я никогда не мог и вообразить.

Я сел за стол рядом с большим плакатом, где было написано «Гиннесс — это здорово для твоего здоровья», и заказал пинту пива. Маленькая компания французов, расположившаяся за соседним столиком, была увлечена какой-то политической дискуссией. Я не обращал на них никакого внимания, пока не услышал, что чей-то голос в той стороне сказал по-английски с американским акцентом: «Вы — чокнутые!» Обладатель голоса повернулся к стойке, чтобы заказать выпивку, и я решил воспользоваться возможностью поговорить с ним. Я спросил, могу ли я угостить его пивом, и он с улыбкой согласился. Сев за мой столик, он представился как Скотт Элдер из штата Коннектикут. По всему видать, он был рад встретить кого-то, с кем можно поговорить хотя бы о пиве, только не о политике. Скотт был симпатичным мускулистым парнем выше среднего роста, с темно-коричневыми волосами, зелеными глазами и длинным прямым носом.

Скотт рассказал, что почти два года работал на Ива Сен-Лорана, но я так и не узнал, какую именно должность он занимал в этой компании. Я решил, что он долго не говорил с кем-то, кто не был бы французом, и теперь хотел воспользоваться случаем. Мать Скотта Элдера работала секретарём, а отец был пилотом американской авиакомпании TWA. Узнав, что я из Швеции, он просиял и внезапно заговорил по-шведски с американским акцентом: «Tycka du om vackra svensk flicka? Jag har bott i Lund i Skane i ett ar for att lara svenska!» Уже привыкнув слышать только французскую речь, я сначала не сообразил, что он говорит на моем родном языке. Скотт повторил предложение на невероятно правильном шведском языке, удивившись, что я не понял его

сразу. Я не мог поверить своей удаче: придя в ирландский паб в Париже, я сталкиваюсь с американцем, который говорит на шведском языке, изученном в моем родном городе Лунд. Скотт объяснил, что он провел год в Швеции по программе обмена студентами. Это вышло естественным образом из-за многочисленных связей университета Лунда с университетом, в котором Скотт учился в Соединенных Штатах. Мы заказали ещё пива и продолжили разговор. Мало того, что Скотт говорил по-шведски, ещё и оказалось, что он парашютист, но не прыгал уже три месяца. Он, вероятно, думал, что я отреагирую как человек, далёкий от парашютного спорта, и задам классический вопрос: «А что, если парашют не раскроется, когда ты дёрнешь кольцо?» Вместо этого я спросил, сколько прыжков он сделал, и он взглянул на меня с любопытством. Я нарушил тишину, сказав, что у меня 180 прыжков. Скотт рассмеялся и дружески похлопал меня по плечу. Нам казалось, что мы знаем друг друга много лет, хотя встретились только час назад. Скотт сделал 250 прыжков, в том числе приблизительно 100 во Франции. Тем временем бар собирался закрываться на ночь, и крепкое пиво немного затуманило мой мозг. Прежде чем мы уехали, я попросил Скотта записать его адрес. Мы решили прыгать вместе в следующий уикэнд на дропзоне недалеко от Парижа.

У меня засосало под ложечкой, когда я встал с кровати в следующую субботу, спустя неделю после встречи со Скоттом. Я был возбужден, поскольку давно не прыгал. Как правило, если я не прыгал несколько недель, то чувствовал себя не в своей тарелке, но один прыжок — и всё становилось прекрасно. Мой предыдущий прыжок был в Ринкабю три месяца назад. Мы прыгнули с 10000 футов, собрали формацию из шести человек, «разбежались» в стороны и раскрыли наши парашюты. Одна доза свободного падения в месяц была абсолютным минимумом для поддержания моего жизненного тонуса.

Скотт жил в Седьмом районе на авеню де Сакс, 42. Я доехал на метро до станции Сегюр, быстро нашёл этот адрес и осторожно развернул клочок бумаги, на котором у меня был записан код дверного замка. Как только я набрал последнюю цифру, дверь со щелчком открылась, и я вошёл. Квартиру Скотта на четвертом этаже я нашел тоже быстро, поскольку на её двери, вопреки французской традиции, была табличка с его именем. У французов странная привычка не помещать на дверях таких табличек, что часто заставляет гостей звонить в две-три квартиры, пока они не найдут нужную.

Я позвонил в дверь Скотта. Подождав полминуты, я позвонил опять. Никакого ответа. Я стал стучать по толстой деревянной

двери, пока не подумал, что разбудил весь дом. Все напрасно. Я попробовал открыть дверь за ручку, и она, к моему удивлению, открылась. Чем он занимается? У него в постели женщина или он просто вышел куда-то позавтракать? Пробравшись через темную прихожую, я оказался в большой комнате. Меня окутал запах пота и выпивки. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядел, что под одеялом что-то зашевелилось: Скотт очнулся от глубокого сна. Когда я назвал его по имени, он высунул голову из-под одеяла и спросил: «Чего ты приехал в такую рань?» Он вылез из кровати и направился в ванную, предложив мне что-нибудь выпить из холодильника. Я решил, что он, должно быть, провёл бурную ночь, раз в таком виде.

Пока Скотт смывал с себя признаки бурной ночи, я осмотрел его квартиру. По сравнению с моей это был рай. Квартира состояла из спальни площадью приблизительно 200 квадратных футов, огромного холла, ванной, маленькой кухни и огромного туалета, одного из самых больших, которые я когда-нибудь видел. Вдоль двух стен ровными рядами висели примерно двадцать тщательно отглаженных костюмов. Было очевидно, что все они высшего качества. На полке были аккуратно разложены галстуки всех цветов и образцов, какие только можно вообразить. Я заметил на стенах несколько красочных коллажей, все они были подписаны YSL.

Из душа вышел Скотт, полностью голый, только с полотенцем на шее. Теперь он был похож на человека. Одевшись, он собрал в большую спортивную сумку парашютное снаряжение: парашют, комбинезон, шлем, высотомер и очки. Когда мы вышли из дома, друг Скотта Жан уже ждал нас в машине с работающим двигателем. Я удобно устроился на заднем сиденье и закрыл глаза, чтобы попробовать уснуть, потому как лёг спать только в четыре утра после беспокойного путешествия по барам.

Дропзона была расположена приблизительно в 60 милях к востоку от Парижа в маленькой деревне Ла Ферт Гошер. За сезон 1983 года там было сделано пятьдесят пять тысяч прыжков, по сравнению с 30 000 прыжков во всей Швеции за то же время.

Когда мы подъезжали к летному полю, я испытывал одновременно воодушевление и беспокойство. Дело в том, что на сей раз я собирался «прыгать с парашютом по-французски». В своё время мне потребовалось больше года, чтобы изучить всю парашютную терминологию на английском языке; теперь я должен был изучить её на французском. К тому же, как известно, французы совсем не стремятся говорить по-английски.

Один недостаток больших дропзон в том, что перерыв между взлётами может быть длинным. Возможно, отчасти поэтому

Скотт, прыгавший на Ла Ферт больше года, успел там познакомиться со всеми, кого стоило знать. Те, кто был хорошо знаком с ним самим, звали его просто «американец».

В этом клубе было три самолета: два Pilatus Porter и один Twin Otter. Первый из них выпускается в Швейцарии для полётов в Швейцарских Альпах. Самолет этот набирает высоту быстро, что делает его одним из любимых самолетов европейских парашютистов. Если и есть что-нибудь, что парашютисты не любят в парашютном спорте, так это летать на тихоходных самолетах, которым требуется целая вечность, чтобы забраться на высоту прыжка. Twin Otter — двухмоторный турбовинтовой самолет канадской фирмы «Де Хэвиленд», вмещающий 20 человек. Это также один из наиболее популярных самолетов.

Я сделал несколько прыжков со Скоттом и его французскими друзьями и почти сразу почувствовал себя своим. Впервые я принял участие в большой формации из 20 человек — Скотта, меня и 18 французов. Мы прыгнули с Twin Otter и построили красивую формацию. Я знал, что каждый будет наблюдать за вновь прибывшим, чтобы узнать, на что он способен. К счастью, моих навыков оказалось достаточно, чтобы не летать вокруг формации и не свалиться ни на кого сверху. Формация была снята падающим в стороне парашютистом-оператором с камерой на шлеме.

BASE

Проведя на Ла Ферт две пары выходных, я узнал о загадочной аббревиатуре BASE. Мы разговаривали о чём-то с парашютистом из Symbiosis — британской национальной команды по RW, и он обмолвился, что недавно прыгнул с моста высотой 825 футов. Я изумился. Выслушав его рассказ, я заключил, что у него, должно быть, не все дома.

Тут надо кое-что объяснить.

В ранец всякого парашютиста уложено два парашюта — основной и запасной. В случае полного отказа основного купола нужно его отцепить, предпочтительно выше 1000 футов, и раскрыть запасной. Ниже 1000 футов всего этого делать уже не положено по той простой причине, что запасному парашюту может не хватить времени, чтобы раскрыться полностью. Вместо этого надо попробовать приземлиться на основном куполе в том виде, в каком он есть, если это возможно. Так вот, англичанин прыгнул с настолько малой высоты, что запасной купол не успел бы ему помочь при отказе основного. И если бы это произошло, он бы совершенно точно разбился. Он назвал всё это «бейс-прыжок», объяснив, что это слово происходит от названия клуба BASE, основанного в Соединенных Штатах. Чтобы попасть в этот клуб, надо прыгнуть со здания, антенны, моста и скалы. BASE — англоязычное сокращение названий этих четырех объектов (Building, Antenna, Span, Earth).

Скотт, похоже, тоже думал о BASE-прыжках, потому что очень скоро, в конце сентября 1983 года, он спросил, не хочу ли я поехать с ним в Норвегию, чтобы прыгнуть со скалы Тролльвегген. Я сказал, что он, верно, шутит, потому что, хотя и уже слышал о нескольких прыгнувших с этого 2000-футового утеса, но не испытывал желания так рисковать жизнью, так что предложение Скотта я отклонил. И Скотт отправился в маленькую деревню Ондальснес, рядом с Тролльвеггеном, вместе с Кристофом, французом польского происхождения.

Кристоф однажды уже совершил подобную поездку один. Он взял с собой парашют и был твёрдо намерен сделать прыжок с Брураскарет — маленькой площадки на вершине Тролльвеггена. Жил он в палатке в палаточном лагере. Подъем от Тролльстигена, откуда идут все тропинки к Брураскарет, занимает у нетренированного городского жителя два-три часа. Тропинки эти меняются от гравийных до снежно-ледяных, смотря по времени года. Место прыжка трудно найти только по карте, но в Ондальснес полно молодёжи, надеющейся увидеть, как кто-то

прыгает с 2000-футового утеса, и поэтому ему были бы рады показать дорогу. Однако Кристоф был настроен найти это место сам. Он потратил больше недели, чтобы найти Брураскарет, а затем провёл ещё день и ночь в спальном мешке в опасной близости от обрыва. На следующий день он спустился вниз тем же путём, каким шёл наверх, и уехал в Париж. Его решение не прыгать может показаться естественным, но вообще-то неизвестно, отчего он так сделал, потому что Кристоф был странным человеком. Он полагал, что за ним следят приверженцы какой-то тёмной секты, поэтому боялся говорить по телефону и был уверен, что его квартира прослушивалась. Шторы у него в квартире всегда были закрыты, чтобы воображаемые преследователи не могли понять, дома он или нет.

Скотт и Кристоф уехали в конце сентября, когда погода в норвежских горах может быть плохой. Несколько человек советовали Скотту не прыгать с Тролльвеггена. Француз по имени Филипп почти убедил его отменить поездку, рассказав, как он провел 16 часов на выступе скалы на 1300 футов над землей как раз после прыжка с этой скалы. Его парашют после раскрытия оказался направлен носом прямо в отвесный склон горы, и он чудом сумел приземлиться на выступе площадью только 20 квадратных футов. Неудачный прыжок почти стоил ему жизни. Точнее, он стоил ему 100 000 норвежских крон, которые правительство этой страны потребовало заплатить за операцию по его спасению. Норвежские ВВС послали вертолет, который после нескольких рискованных маневров сумел снять его оттуда.

Я каждый день думал о Скотте после того, как он уехал. Хоть я и ещё плохо его знал, всё равно очень беспокоился и восхищался его храбростью. Это был его первый BASE-прыжок, и им двигал только огромный энтузиазм. Спустя десять дней после его отъезда я получил открытку: «Привет, Йефто. Я сделал три прыжка и теперь собираюсь пить норвежское пиво. Скотт». У меня отлегло от сердца. Скотт жив, и у него теперь есть буква E (Earth, скала) аббревиатуры BASE.

Когда мы снова встретились в квартире Скотта на авеню де Сакс, он подробно описал свои прыжки. Первые два раза он, прыгая головой вниз, неожиданно для себя кувыркнулся так, что оказался спиной к земле, а головой к скале. Скотт сказал, что никогда так не боялся, как тогда, когда понял, что падает навзничь на 1300 футов над землей, окруженный скалами. Так или иначе, он остался цел и невредим. Третий прыжок прошёл хорошо.

Медленно, но верно мои представления о BASE-прыжках начинали меняться. Они все еще казались очень опасным и

совершенно сумасшедшим делом, но в то же время что-то в этом меня притягивало. Скотт с энтузиазмом говорил о полной тишине перед прыжком, страхе, падении и всплеске адреналина после приземления. Он начал переписываться с человеком по имени Карл Бениш из Калифорнии. Карл Бениш был известен как превосходный парашютист-оператор. Он снял несколько забавных и интересных фильмов о свободном падении, включая известный «Sky Dive!» В 70-х годах и в начале 80-х он был, без сомнения, ведущим оператором мира. Он вечно находил новые способы съёмки, размещая камеру на самолете, на груди или голове и даже в куполе.

У Карла было несколько хороших друзей, которым, как и он, приелось свободное падение из самолетов и хотелось попробовать что-то новое. В 1978 году, вдохновленные рассказами о прыжках со скалы Эль-Капитан в Йосемитском национальном парке, они сделали несколько успешных прыжков с этого известного 3000-футового утеса. Альпинисты — частые гости в этом крутом и трудном для подъёма месте, но Карл и его друзья сделали его местом рождения нового вида спорта. Скоро они обнаружили, что вокруг полно всего, с чего можно прыгать. Телевизионные башни, мосты, здания…

Это изобилие возможностей для новых, невиданных ранее прыжков навело Карла на мысль, что нужно сформулировать какие-то основополагающие принципы нового вида парашютного спорта — BASE-джампинга.

Карл и его жена Джин, объединившись с двумя друзьями, Филом Смитом и Филом Мэйфилдом, основали «клуб BASE». Прыжок с каждого из четырех типов неподвижных объектов давал членство в этом клубе и право носить знак отличия бейсера на рукаве. Эти четыре друга прыгнули со всех мостов, зданий, антенн и скал, которые смогли найти. Карл снимал, как Джин прыгала, и наоборот. На рассвете они прыгнули со здания офиса в центре Хьюстона, утром пошли туда на работу, а после работы сделали еще один прыжок. Понимая, что техника тут нужна несколько не такая, как в «классическом» свободном падении из самолета, они встречались по вечерам и обсуждали новые способы укладки парашюта, методы отделения и самую низкую «безопасную» высоту прыжка. Фил Смит, Фил Мэйфилд, Карл Бениш и Джин Бениш стали, таким образом, первыми четырьмя членами клуба BASE. Эти четыре человека были пионерами очень опасного спорта, к которому обычные честные граждане относятся с восхищением, но и с огромным недоверием.

Карл писал Скотту в письме, как сделать BASE-прыжки как можно более безопасными. Жаль только, что во всей Европе было

только десять бейсеров и непросто было найти кого-то, кто мог предложить подходящие объекты для прыжков. Не было какого-то справочника, откуда можно было бы узнать о других бейсерах, и Интернет еще не был изобретен. Однажды вечером, прочтя одно из писем Карла, Скотт рассказал мне, почему его перевернуло на спину в первых двух прыжках с Тролльвеггена. Он прыгал со скалы так же, как из самолета: головой вперёд. Карл написал, что в BASE-прыжках при отделении голову надо поднимать вверх, а вперёд выставлять грудь. Письмо кончалось фразой: «Иначе ты рискуешь перевернуться на спину». Я сказал Скотту, что ему крупно повезло. Он рассмеялся и ответил, что не привык искать лёгких путей, но обещал быть в будущем осторожнее.

Скотт работал на Ива Сен-Лорана больше года, почти два, но все еще не нашел постоянного места в компании. Он старался найти там интересную работу и в результате постоянно переходил из одного отдела в другой. Он начал как помощник заместителя директора по маркетингу, а затем через короткое время перешёл в отдел духов. Наконец он понял, что здесь у него нет реального будущего. Не помогало и то, что он был личным другом Ива. Он не вписывался в богатый, истеричный, шизофреничный мир моды. Несмотря на это, Ив часто приглашал его на обед к себе в квартиру на Рю Бабилон в Седьмом районе. За кулисами мира моды ходил злобный слух, что Скотт был новым любовником Ива. Таблоиды часто критикуются за то, что распространяют ложные слухи, но собственные трепачи мира моды сплетничают не меньше. Если бы я лично не знал Скотта, то, возможно, верил бы им. Он жил в квартире, принадлежащей Иву Сен-Лорану, и за неё платила компания. Однажды Ив пригласил его на Рождество в свой летний дворец в Марракеше, а в другой раз он провел несколько уикэндов в одном из домов Ива в Довилле на побережье Нормандии. Красивые коллажи с подписью YSL, которые я видел на стенах квартиры Скотта, Ив сделал сам из цветного картона. Я думаю, что Скотт был одним из немногих, которые относились к Иву как к обычному человеку, и за это Ив его ценил. Вокруг него было полно людей, которые делали все возможное, только чтобы он их заметил. Скотт говорил, что Ив никогда не знал, кто из его окружения был честным, а кто только притворялся таким. Люди даже начинали коситься на Скотта, потому что Ив проводил так много времени в его компании.

Ситуация была невыносимой. Больше всего Скотт хотел жить обычной жизнью. Он устал от постоянных вечеринок, которые не приносили ничего хорошего, а только боли в голове и желудке. И в октябре 1983 года Скотт распрощался с миром моды.

Он решил месяц отдохнуть и посвятить его живописи и изучению итальянского языка. Как художник он в основном занимался бумажными коллажами, но также писал акварелью красивые картины, изображающие различные виды Парижа. Студией служил пол спальни. Скотт купил курс обучения итальянскому языку, куда входили учебник и три магнитофонных кассеты. Учебником он не очень пользовался, но с помощью кассет скоро заговорил на приличном итальянском языке, хотя и, как все отмечали, с жёстким американским акцентом.

Мы со Скоттом очень подружились. У нас оказалось много общего, одинаковые привычки, как хорошие, так и плохие. Постепенно я понял, каков настоящий Скотт: парень в ужасно изношенных джинсах с банкой холодного пива, желательно китайского «Циндао», и банджо. Без банджо Скотт не был Скоттом. Он играл на нём с пятнадцати лет и достиг весьма высокого уровня. Стоило мне попробовать следовать взглядом за его пальцами, когда они быстро бегали по струнам, как у меня начинала кружиться голова. Игра на банджо была для него способом расслабиться. Сидя в своём любимом месте на большой кровати, он мог играть несколько часов. Он часто играл для меня и затем спрашивал моего мнения. В исполнении Скотта я впервые услышал музыку в стиле блюграсс, которая для моего уха была смесью кантри и рока. Жаль только, что я вряд ли мог в полной мере оценить музыку и мастерство Скотта, поскольку мало в этом понимаю.

Однажды вечером, когда я в очередной раз после долгого рабочего дня на складе зашёл к нему, он приветствовал меня банкой холодного «Циндао» и словами: «Входи, я тебе кое-что покажу». Одна из стен в его квартире была сплошь заполнена открытками, фотографиями, маленькими сувенирами и эмблемами. Он указал на открытку с небоскребом, который мне показался знакомым, и спросил: «Ну, что ты думаешь?» Я ответил, что здание внушительное и почти что красивое, а вообще — небоскреб как небоскреб. Он перевернул открытку и показал, что там написано: «Hauteur, 210 m» (Высота 210 метров). Тут меня осенило: он предлагает прыгнуть оттуда!

Башня Монпарнас была в 15 минутах ходьбы от квартиры Скотта. Каждый, кто был в Париже, видел эту башню, которая вместе с башней Эйфеля возвышается над парижским горизонтом. И Скотт обдумывал прыжок с этого здания! Я легко мог снова отказаться, как в случае с Тролльвеггеном. Я просто не чувствовал себя внутренне готовым к такому опасному прыжку, который мог стать для меня последним. Это казалось немного чересчур. Но прыжок Скотта надо было организовать и

спланировать, и здесь я был рад помочь, чем смогу.

Примерно тогда, когда Скотт начал готовиться к этому приключению, я наконец сменил работу. Три месяца, которые мне надо было отработать в «Инструмента Гамбро», к моему огромному облегчению, прошли. Работа была выматывающей и скучной, а добираться до неё долго. Если в ней и было что-то полезное, так это то, что я теперь точно знал, как трудна жизнь складского рабочего. В последний день мои товарищи по работе устроили маленькую прощальную вечеринку. Мы стали хорошими друзьями, и они хотели сказать «до свидания» на свой лад. Они выставили пиво и вручили мне какой-то подарок. Открыв пакет в автобусе на пути в Париж, я немного удивился; в оберточную бумагу был тщательно завёрнут мужской журнал, обложку которого я счёл очень вульгарной. К подарку была приложена бумажка со словами: «Только так ты не забудешь французскую культуру». Бумажка была подписана всеми работниками склада.

Теперь пора было устраиваться в фирму «Фаси», откуда я получил второй положительный ответ, когда искал работу. Мой первый день в этой фирме оказался многообещающим. Я был принят в помощники к симпатичной молодой подвижной женщине по имени Ильфа Бертельсон, отвечавшей за финансы «Фаси». Ильфа была шведкой и жила во Франции уже десять лет. Она была больше похожа на француженку, чем на шведку: много жестикулировала, часто повышала голос, была очень проста в общении, а на работу приходила поздно. Моя работа была в том, чтобы обеспечивать её статистикой продаж, диаграммами и разными другими бумагами с информацией, нужной ей для работы. Сотрудники приняли меня хорошо, и я сразу почувствовал себя своим. Штаб-квартира «Фаси» находилась в Коломбэ, северо-западном пригороде Парижа. На дорогу туда у меня уходило чуть больше часа, что тоже было лучше, чем раньше, так как на склад «Гамбро» я добирался полтора часа. Однако появлялись трудности с жильём, поскольку «Гамбро» предоставляла мне мою каморку и теперь я должен был её освободить.

И вот однажды рано утром моё жилище устроило мне прощальный сюрприз. Меня разбудил какой-то громкий звук, сопровождаемый плеском льющейся воды. Я выпрыгнул из кровати и проверил «ванную». Водяная труба развалилась надвое, видимо, от старости, и вода мощным потоком лилась на пол. Я напрасно пытался заткнуть трубу полотенцами и тряпками. После нескольких минут этого занятия раздался стук в дверь: соседи. Вода уже капала с потолка их спальни, и они пришли поинтересоваться, какого чёрта тут делается. Я побежал за

помощью вниз к домовладелице, с которой не разговаривал с тех пор, как здесь поселился. Она посмотрела на меня с таким же презрением, как и в день приезда, и выразила сомнение, в своём ли я уме, что разбудил ее воскресным утром в шесть часов. Внезапно появился какой-то верзила и представился её мужем. После долгих просьб он согласился посмотреть на мою аварию. Разумеется, и кровать и шкаф к этому времени плавали в воде. Он каким-то образом остановил течь и отправился досыпать.

Я не чувствовал за собой никакой вины, тем более что всё равно уже собирал пожитки. Беспокоило то, где я теперь буду жить. Скотт не возражал приютить меня на некоторое время, но рано или поздно я должен буду найти собственную крышу над головой. Однако тут мне повезло. У друга Скотта была комната, которую он мог бы сдавать, в Пятнадцатом районе на Рю Периньон, 15. Я посмотрел на карту Парижа и, к своему удивлению, обнаружил, что эта улица только в нескольких кварталах от квартиры Скотта. Я выбежал на улицу, поймал такси, встретился с владельцем и, договорившись об арендной плате, уже к ночи получил ключи от квартиры.

В первую ночь мне казалось, что я остановился в роскошной гостинице. Комната оказалась не намного больше, чем моя предыдущая, но неизмеримо лучше. Мебель была чистой, без царапинки, а на середине комнаты красовалась ванна. Я никогда не видел ничего подобного и решил, что тот, кто её там установил, был в стельку пьян. Но теперь я мог мыться, когда хочу, и не ходить для этого четыре раза в неделю на вокзал. Комната была на втором этаже, из окна открывался вид на некое заведение, занимающееся химчисткой одежды. Более важным было то, что совсем рядом с этим окном проходила водосточная труба. Это могло бы пригодиться, если бы я захлопнул дверь, забыв ключи, и я решил всегда оставлять окно приоткрытым. Я имел некоторый опыт лазания по водосточным трубам, и получалось у меня это весьма неплохо. Арендная плата в 700 франков в месяц была невелика по сравнению со средней по Парижу, которая составляла приблизительно 1100 франков для комнаты без душа.

Скотт и я начали ужинать вместе, так как теперь жили почти рядом. Я скоро обнаружил, что Скотт готовил с такой же яркой фантазией, с какой делал коллажи. Мы ели треску с виноградом и соусом из пива, говядину с грушами и кетчупом или простые блюда, вроде спагетти с сыром камамбер. Если у нас были гости, я иногда даже старался сдерживать его творческие порывы.

По утрам я уезжал на работу, а Скотт шел к башне Монпарнас. Он заметил нескольких охранников, патрулирующих

её, и хотел узнать их число и распорядок работы, прежде чем идти туда прыгать. После недельной разведки нужные сведения были собраны. Теперь ему было известно, сколько там охранников и когда и где они патрулируют здание. После некоторого размышления он решил прыгнуть с восточной стороны площадки на 56-м этаже, прямо перед многочисленными туристами, которые приезжают туда на лифте, чтобы полюбоваться красивым видом.

Я сидел за столом на работе, изучая статистику продаж пишущих машинок, когда зазвонил телефон. Это было похоже на обычный звонок внутри фирмы. Я снял трубку и сказал: «Да, алло». Я только закончил говорить «алло», когда голос в трубке перебил:

— Я сделал это. Я прыгнул, сукин сын!

— А?

— Йефто, это точно ты? Разве ты не понимаешь? Я сделал это час назад! Теперь у меня есть B!

Буква B (Building, здание) аббревиатуры BASE. Скотт сделал это. Он прыгнул с 700-футового небоскрёба.

Я повесил трубку, отложил бумаги в сторону и пошел к кофе-машине на втором этаже. Я хотел побыть один, чтобы отпраздновать победу этого парня. Сидя с чашкой кофе на характерном французском табурете из оранжевой пластмассы, я размышлял о достижении Скотта. Он по собственной доброй воле прыгнул со здания в центре Парижа. Его никто не заставлял, никто не сталкивал вниз с площадки, и он не собирался покончить с собой. Нет, он прыгнул ради удовольствия. И по его голосу казалось, что удовольствие это было самым большим, которое он когда-либо испытывал. Естественно, я был рад за него, счастлив, что он выжил, но и немного разочарован тем, что не мог видеть его прыжок.

После работы я пошел прямо в квартиру Скотта и нашел его сидящим на кровати с банджо. На столе у кровати стоял большой графин, наполовину полный виски. Мы обнялись, и я поздравил его. Удобно устроившись на кровати со стаканом виски, я стал слушать рассказ Скотта о прыжке. Охранники не представляли трудностей. Они придерживались установленного распорядка, который Скотт уже тщательно изучил. Однако сам прыжок чуть не закончился катастрофой. Парашют не открывался до 265 футов, и он приземлился только через 15 секунд после этого.

Едва отделившись от площадки, Скотт понял, что всё идёт не так. Его чуть не перевернуло на спину, как в первых двух прыжках с Тролльвеггена. Он падал головой вперед-вниз, и секунды летели слишком быстро. Купол не хотел выходить из ранца, и пришлось

помогать ему, встряхивая плечами. Когда он наконец с ударом раскрылся, падать оставалось секунды три. Мой друг испытал непередаваемое ощущение, что чудом спасся от верной смерти.

Скотт не последовал совету Карла Бениша насчёт позы при отделении. Вместо того, чтобы прыгать с высоко поднятой головой и грудью вперёд, он снова прыгнул, как с самолёта, головой вперед. Поняв, что его сейчас опять перевернёт на спину, Скотт немедленно бросил вытяжной парашют. Вытяжной парашют — маленький круглый купол 12 дюймов в диаметре, который извлекает основной купол из ранца. На тогдашних парашютных системах он располагался в маленьком кармане на ножном обхвате ранца. Его нужно захватить рукой и выбросить в воздушный поток, чтобы раскрыть основной парашют. В свободном падении из самолета парашютист бросает вытяжной парашют, падая на скоростях в районе 120 миль в час. На такой высокой скорости сила, с которой воздушный поток действует на вытяжной парашют, велика, и купол открывается очень быстро. А Скотт только начал набирать скорость падения, когда бросил вытяжной парашют, и он болтался у него за спиной, как бесполезная тряпка. Это продолжалось секунды четыре, после чего воздушный поток наконец наполнил вытяжной парашют и раскрыл основной купол. Карл рекомендовал Скотту перед броском вытяжного парашюта падать хотя бы три секунды, иначе вытяжной парашют может попасть в образующуюся сверху турбулентность. Несмотря на некоторую неудачу, Скотт сидел на кровати живой и невероятно счастливый. Когда я спросил, что он чувствовал, прыгая со здания, он ответил:

— Йефто, если хочешь знать, что я чувствовал, прыгни сам.

По соседству со Скоттом жила американка, изучавшая историю в Сорбонне. Услышав о его прыжке, она тряхнула головой и произнесла: «Скотт, ты явно заскучал». Она была абсолютно права. Он не работал, весь день проводил дома, а от симпатичной подруги Марии его отделял океан. Родом из Таиланда, Мария училась в Соединенных Штатах и бывала в Европе только пару раз в год. Скотт ужасно тосковал без нее. Они несколько раз в неделю говорили по телефону, при этом Мария обычно начинала плакать, тоже от тоски по нему. Он рассказал ей о прыжке с башни Монпарнас, но это вряд ли успокоило ее нервы. Родители и другие родственники Скотта были очень впечатлены, когда услышали о его приключении, но я не думаю, что они полностью поняли различие между BASE-прыжком и обычным прыжком с самолёта. Так или иначе, они привыкли к авантюрам Скотта и не особенно волновались.

Друг Скотта сфотографировал его висящим под куполом на

фоне башни Монпарнас. Он продал фотографию нескольким газетам, и на следующий день появилась статья под названием «Американец прыгает с гордости Парижа!» Причём французов больше всего взволновало не то, что кто-то прыгнул с парашютом с башни Монпарнас, а то, что первым, кто это сделал, был американец. Парашютисты на Ла Ферт даже критиковали Скотта за его прыжок. Очевидно, их патриотические чувства были сильно задеты. Более того, французская парашютная ассоциация хотела исключить его из своих рядов, и тогда он не мог бы больше прыгать во Франции. К счастью, угроза не была выполнена.

Внимание! Низкий мост

В конце декабря 1983 года Скотт получил по почте из Германии толстый конверт. Там были фотографии и рассказы о нескольких прыжках друзей Скотта с моста высотой 610 футов около Гейдельберга. Скотт познакомился с этими тремя немцами в баре во Франкфурте и потом написал им о своём прыжке с башни Монпарнас. Все трое были парашютистами и очень заинтересовались. Он поделился с ними всей доступной информацией о BASE-прыжках, которой тогда было очень немного. Они выбрали оттуда самое важное, и каждый сделал по прыжку с этого моста.

И вот, рассматривая их фотографии, я впервые подумал о том, чтобы совершить BASE-прыжок самому.

Всё выглядело очень просто. Мост был расположен в красивой долине и окружен лесом. Немцы подошли к делу с истинно немецкой основательностью. Сперва они для пробы сбросили с парашютом 90-фунтовую куклу, причём не с этого моста, а с другого, 165-футового. И прежде, чем кукла приземлилась, парашют полностью раскрылся. Поэтому они сделали вывод, что для раскрытия ему необходимо немного меньше 165 футов. Парашют был с круглым куполом, какие используются для новичков, совершающих первые прыжки с самолетов, и раскрывался точно так же, автоматически. Это самые безопасные BASE-прыжки, пусть их и не сравнить со свободным падением с башни Монпарнас, которое уже испытал Скотт.

В моей голове бушевало сражение между здравым смыслом и желанием приключений. Один внутренний голос сказал: «Йефто, подумай о твоей жизни и семье. Не делай ничего настолько опасного, что может стоить тебе жизни».

Тогда я услышал другой голос: «Чего ты, небольшое приключение не помешает. Ты ведь уже давно не испытывал ничего экстремального. Пора встряхнуться».

Когда я сел и расслабился, довольно скоро всё стало ясно. Желание приключений победило. Скотт спокойно сидел на кровати и ждал. Я посмотрел ему в глаза и убеждённо сказал: «Скотт, я хочу прыгать BASE». Он засиял как солнце и сел рядом. Мы вместе смотрели фотографии и обсуждали, как и когда мы прыгнем. По мне, прыжок с моста в Германии был самым привлекательным. Меня не интересовали прыжки с чего-нибудь вроде башни Монпарнас, в то время я считал это слишком опасным.

Лежа в кровати той ночью, я размышлял над тем, на что решился. «Прыжок с моста? Я, видно, немного сумасшедший».

Однажды вечером в пятницу, когда мы со Скоттом выпивали в местном баре, он сказал, что встретил на дропзоне около бельгийской границы парня по имени Бернар. Бернар и Скотт сразу подружились. Новый друг оказался неиссякаемым источником шуток, и однажды ночью они решили посоревноваться в этом, окружённые жюри из десяти парашютистов. Бернар рассказал историю, настолько веселую, что и Скотт и жюри смеялись, пока у них не заболели животы.

Я предложил пригласить Бернара в гости, чтобы посмотреть, был ли он вправду таким забавным. Неделю спустя он ввалился в квартиру Скотта с шестью пакетами и словами: «Привет, как дела?»

Бернар был среднего роста, атлетического телосложения, с темными кудрявыми волосами и карими глазами. Он был небрежно одет в джинсы, мешковатый свитер и кроссовки. Мы уселись втроём на кровать Скотта и разговорились. Бернару было 23 года, жил он с родителями в Байи, недалеко от Версаля. Он был студентом-второкурсником и изучал археологию, специализируясь на древних культурах южноамериканских индейцев. Через полчаса наши пивные запасы были исчерпаны, и я помчался вниз в магазин на углу, чтобы их пополнить. Когда я опять устроился на своём месте на кровати, Бернар рассказал нам, что сделал 70 прыжков, 30 из них — на службе во французских десантных войсках. Он никогда не прыгал RW и не считал себя опытным парашютистом.

Скотт и я показали ему фотографии немецкого моста и рассказали о наших планах. В общем-то, мы позвали Бернара в гости не только для того, чтобы я мог посмотреть, какой он великий шутник. Нам не хотелось тащиться в Германию на поезде, и мы хотели попросить его отвезти нас туда на своей машине, если мы оплатим его дорожные расходы. Неожиданно Бернар сказал: «Если я еду, я тоже прыгаю. Иначе ищите другого водителя». Я был изумлён. Имея на счету совсем немного прыжков, он принял решение о BASE-прыжке меньше чем за минуту. Он даже не спросил, какова высота этого моста, и уже был настроен прыгать.

Вскоре после этого мы начали планировать нашу поездку в Кохертальбрюкке. Многое из того, что могло нам понадобиться, можно приобрести на месте, а вот о технической части надо было подумать сейчас. У всех нас были собственные парашюты, что было весьма удобно. Мы обдумали то, чему Скотт научился на своих ошибках при прыжках с Тролльвеггена и башни Монпарнас.

Он прочитал статью Карла Бениша в журнале American skydiving, где говорилось, что для BASE-прыжков нужны большие вытяжные парашюты, уменьшающие время раскрытия основного купола. Скотт принес статью французскому производителю парашютов, Parachutes de France, и спросил, не сошьют ли они три вытяжных парашюта. Когда там узнали, зачем они нам нужны, то отказались. Скотт расспрашивал тут и там, пока не нашел маленькую компанию, которая согласилась нам помочь. Мы заказали три больших вытяжных парашюта из черного нейлона, размером вдвое больше обычных, и дали им коллективное прозвище «Мистер Блэк». Потом мы стали отрабатывать в квартире Скотта позу при отделении от моста, спрыгивая со стола на кровать. Я, должно быть, сделал по крайней мере 200 таких прыжков.

Не проходило ни дня, ни даже часа, когда я не думал бы о нашей поездке. Я думал, как реагировали бы мама и папа, если бы узнали, что их сын разбился, прыгнув с моста. Мы разговаривали несколько раз в неделю, но я никогда не упоминал о наших планах, не желая волновать их. Я плохо спал. Заснуть было трудно, и несколько раз за ночь я просыпался. Снилось всегда одно и то же: я на огромной скорости лечу к земле без парашюта. Я даже засомневался в своём решении насчёт прыжка. Я вправду этого хочу? Что, если мне придётся провести остальную часть жизни в инвалидном кресле?

За неделю перед поездкой я попросил моего босса в «Фаси», Ильфу Бертельсон, разрешить мне не приходить на работу в следующую пятницу. Она спросила меня, почему, и я сказал правду: я собирался ехать в Германию прыгать с моста. Ильфа разрешила; в «Фаси» я имел репутацию шутника, так что, наверно, она и это посчитала шуткой.

10 февраля 1984 года нас всех троих можно было увидеть стоящими на коленях на пустой рыночной площадке на авеню де Сакс. Мы укладывали наши парашюты. Наверное, единственной мыслью, которая могла тогда успокоить мои нервы, было то, что я снова собирался прыгать с Клаудией. Я дал моему парашюту имя, потому что он очень много раз спасал мою жизнь, и я считал, что это самое малое, что я могу сделать, чтобы показать свою благодарность. Она (для меня парашют был только женского рода) называлась Strato Cloud и была сделана в Соединенных Штатах. Клаудия и я сделали вместе 150 прыжков без всяких неприятностей, и я относился к ней с огромным уважением. Бернар, с другой стороны, ещё никогда не прыгал со своим парашютом. Прежний владелец сделал с ним 900 прыжков, что сравнительно много. Пенсионный возраст для парашюта тех лет

— приблизительно 1000 прыжков. Он может использоваться и дальше, но потеряет часть своих характеристик, как автомобиль с пробегом больше 150 000 миль.

Бернар понятия не имел, как укладывать парашют для BASE-прыжков, да и я, признаться, тоже. Мы хотели, чтобы парашют открылся как можно быстрее и надежнее. Подумав, я решил, что для нас самое лучшее — это «укладка Сконе». Бернару я объяснил, что это самый популярный способ укладки на той дропзоне в Швеции, где я начинал прыгать. Под моим руководством он успешно уложил свой парашют «способом Сконе». Я чувствовал ответственность за него. Если бы его парашют раскрылся как-то не так, если бы с моим новым другом что-то случилось, я не мог бы избавиться от чувства вины всю оставшуюся жизнь. Понимая это, он пытался меня ободрить:

— Йефто, не волнуйся! Ничего страшного, если я убьюсь. У моих родителей останется еще целых трое детей.

Час спустя после того, как Бернар закончил со своим парашютом, я приступил к укладке Клаудии. Я смёл с места укладки мусор, листья и гравий и осторожно положил Клаудию на холодный асфальт. Проверив, что стропы не закручены, я разгладил каждую морщинку и сгиб ткани купола. Затем зачековал стропы управления, уложил купол в камеру и закрыл ранец.

Испытываешь особенное чувство, укладывая купол при подготовке к BASE-прыжку. Если задуматься, что твоя жизнь зависит от куска нейлона и некоторого количества строп, становится страшно. Я рассматривал мой купол, как будто это был новорожденный ребенок. Каждый шаг в укладке я делал с предельным вниманием. Одна ошибка, и… шлёп! Я ударился бы о землю на скорости 80 миль в час. Размышление о важности укладки здорово меня взволновало. Когда я прыгаю с самолета, то раскрываю парашют на 2000 футов, и если что-то не так, как надо, у меня полно времени, чтобы это исправить. Теперь же всё по-другому. Если что-нибудь случится в прыжке с 610-футового Кохертальбрюкке, шансы исправить ситуацию очень малы.

Мы собирались ехать 350 миль к нашим немецким друзьям во Франкфурт на крошечном «Рено-4» Бернара. Машинка со ржавыми буферами и старым интерьером выглядела неказисто, но внешность бывает обманчива. Чтобы сделать поездку более удобной, мы назначили трех министров, каждый из которых отвечал за своё. Бернара назвали Министром транспорта, так как он был за рулём. Скотт был назначен Министром картографии и музыки, чтобы он прокладывал наш путь по карте и обеспечил хорошей музыкой на всю дорогу. Для этого он записал девять

кассет рок-н-ролла. Безо всякого обсуждения я был выбран Министром съестных припасов, то есть моя обязанность состояла в поддержании в машине запаса еды и напитков. Каждый из нас внес 500 франков на бензин, пошлины на французских платных шоссе и еду. Автомобиль оказался так тяжело загружен, что я его почти жалел. Багажник был маловат, а на крыше его не было, и мы распихали то, что не влезло, под сиденья.

Когда туманным утром мы уезжали из Парижа, у меня засосало под ложечкой. Назад хода не было. Приключение началось.

Через 90 миль мы прибыли в Реймс, который известен двумя достопримечательностями: огромным готическим собором и шампанским. Каждый год в области Шампань вокруг Реймса производятся миллионы бутылок лучшего шампанского. Мы выпили пива в кафе рядом с собором и вошли внутрь. Собор строился с 1211 по 1427 год и имеет внушительные размеры. Он больше 500 футов длиной, а высота нефа — 150 футов. Внутри мирно горела дюжина свечей, и пожилая женщина молилась на коленях на холодном каменном полу. Я поразился тому, сколько терпения должно было быть вложено в строительство такого огромного собора. Терпения, которого так не хватает в современном мире.

Каждый каменный блок тянули к строительной площадке и поднимали вручную, по одному. Достаточно странно, кстати, что многие церкви и соборы во Вторую мировую войну не пострадали от бомб, в то время как соседние с ними здания падали как карточные домики. Впервые в жизни я зажёг свечу в соборе. Я сел на деревянную скамью рядом с красивыми зажжёнными свечами и обратился про себя к любому богу, который был сейчас свободен и мог меня услышать: «Дорогой бог, кто бы и где бы ты ни был, пожалуйста, сделай так, чтобы мы удачно прыгнули с Кохертальбрюкке». Со спокойным сердцем я вышел из собора, точно зная, что мы будем в безопасности.

Скотт взял с собой блокнот и держал его в автомобиле в пределах быстрой досягаемости. С его помощью мы делали путевые заметки. Я записал в нескольких строках свои мысли о прыжке.

Ещё через 30 миль мы остановились в маленьком немецком городке на обед. Мы заказали огромную тарелку квашеной капусты и хорошего немецкого пива. Бернар с интересом наблюдал, как толстый бармен пять минут умело наполнял наши литровые глиняные кружки так, чтобы в них не было пены.

Мы прибыли во Франкфурт примерно в час ночи. Наши немецкие друзья ждали нас несколько часов, и двое из них уже

заснули на кушетке. После приветствий и знакомства они показали нам видео о BASE-прыжках. Мы смотрели часовой фильм с большим интересом: прыжки с мостов, скал, подъемных кранов, зданий, антенн, любого вообразимого объекта. Особенно тщательно мы изучили прыжки с мостов, стараясь не пропустить ни одной детали. Фильм был снят и смонтирован Карлом Бенишем. Часто наблюдение за приключениями других даёт мне хорошую дозу адреналина. Этот фильм дал мне бессонницу; сон не приходил до раннего утра. Я думал о том, что видел на экране, и пытался запомнить самые важные последовательности действий. Завтра кое-что из этого должен был проделать я сам.

Мы проснулись примерно в десять утра и вместе с нашими друзьями съели очень сытный немецкий завтрак. По прогнозу погоды день собирался быть облачным, с температурой около нуля. Мы узнали, что сюда едет из Мюнхена продюсер Клаус Хеллер со всей съемочной группой. Клаус был владельцем кинокомпании, специализирующейся на фильмах о различных приключениях. Когда он услышал о наших планах, то захотел снять наши прыжки. Он работал с Карлом Бенишем в Соединенных Штатах, но сам пока BASE-прыжки не снимал. Мы договорились встретиться в маленькой деревне Браунсбах, совсем рядом с мостом.

В честь знаменательного дня Скотт и я оделись в костюмы. Я надел морской двубортный костюм с белой рубашкой и красным галстуком. Скотт предпочел белую рубашку с черным галстуком-бабочкой. Наши черные башмаки сияли, как солнце. Бернар оделся как обычно, в джинсы и свитер. Наши немецкие друзья, увидев, что мы переоделись, спросили, не передумали ли мы прыгать. Я ответил: «О нет. Мы предпочитаем умирать в стильной одежде».

Это замечание очень их впечатлило. Они не понимали нашего юмора и воспринимали все, что мы говорили, серьезно. Потратив три часа на дорогу, мы прибыли в Браунсбах, где Клаус и его съёмочная команда ждали в гостинице «Кохендорфер». Клаус приехал с 45-летним Райнером, который, как и мы с Бернаром, собирался сделать первый BASE-прыжок. Он достал из кармана и гордо показал нам фотографию, на которой он падал, казалось, чуть выше верхушек дерева. Райнер объяснил, что для фильма он согласился раскрыть парашют в самый последний момент и, по его оценке, это произошло на 500 футах. То есть ему оставалось три секунды падения до земли. «Этот парень — один из самых сумасшедших людей в мире», — подумал я, забыв, что сами-то мы точно такие же, раз совсем скоро прыгнем с моста высотой 610 футов и раскроемся, возможно, ещё ниже, чем Райнер.

Страх медленно, но верно овладевал мной. Не было никакого пути назад, никакой причины, по которой я мог бы сказать: «Ладно, парни, я не буду сегодня прыгать». Думаю, и Скотт и Бернар чувствовали то же.

Клаус ненадолго отлучился, чтобы проверить, достаточно ли на улице светло, и, к сожалению, ситуация не выглядела многообещающей. Был туман, и, похоже, собирался дождь. Клаус был разочарован. Если бы, приехав сюда из самого Мюнхена, он вернулся обратно, не сняв ни одной плёнки, то потерял бы деньги на оплате работы своих людей. Мы напрасно ждали погоды больше двух часов. Было невероятно трудно сидеть, не двигаясь, и ждать. Мы все больше беспокоились и решили прыгнуть, несмотря на непогоду. Поблагодарив владельца гостиницы за гостеприимство, мы возвратились к автомобилям, чтобы подготовиться. Я надел парашют и туго затянул ножные обхваты. Засовывая свой красный галстук под грудную лямку, я понял, что забыл зажим для галстука. Расстроившись, я представил, как галстук шлепает по мне в падении.

Скотт решил бросить жребий. Он написал на отдельных листках бумаги цифры от одного до четырех и протянул их нам цифрами вниз. Я скрестил пальцы, надеясь, что вытяну номер один и буду прыгать первым. Я думал, что будет легче, если не придётся наблюдать, как другие прыгают передо мной. Бернар вытянул номер три, Райнер — один, Скотт — два. Значит, я должен был прыгнуть последним. Потом мы позировали фотографу. Должен сказать, что выглядели мы довольно залихватски, совсем не так, как если бы ждали прыжка с моста.

До прыжка оставалось тридцать минут. Удары сердца отдавались в голове, мешая думать. Скотт сильно хлопнул меня по спине, отчего я так закашлялся, что боялся, что часть моих внутренностей вылетит наружу. «Время пришло, Йефто. Держись».

Я улыбнулся и кивнул. Бернар, против обыкновения, последние полчаса был очень тих, и я понимал, почему. Он чувствовал то же, что и я.

Даже если Клаус и его команда не смогли бы из-за непогоды снять наши прыжки, они хотели сфотографировать хотя бы нас. Поэтому два фотографа уехали на место заранее, чтобы устроиться под мостом в специально сделанных подвесных системах. Так они смогли бы сделать первоклассные фотографии нашего отделения.

Настало время выдвигаться и нам. Поездка на машине от долины до моста заняла 15 минут. Мы кипели от адреналина, что время от времени приводило к энергичным воплям. Крик —

хороший способ успокоить нервы. Это может показаться странным, но когда ты под большим психологическим напряжением, громкий крик может дать успокаивающий эффект. Я выглянул в окно и увидел указатель, поясняющий, что до места нашего прыжка немного больше трёх километров.

Скотт поставил нашу любимую кассету и увеличил громкость. Солист группы The Kinks вопил: «Лови меня, я падаю!» Наш немецкий водитель, который, видимо, не мог похвастаться чувством юмора, не оценил эту песню. Он не произнес ни слова, начиная с выезда из Браунсбаха. Возможно, он слишком сконцентрировался на дороге. Но, с другой стороны, он ведь не собирался прыгать, поэтому мы решили, что он был просто занудой. Внезапно я почувствовал тяжесть в мочевом пузыре. Он был наполнен до краёв. Я не хотел просить водителя остановиться на обочине, потому что знал, что тут часто бывает полиция, патрулировавшая мост, чтобы мешать людям совершить самоубийство. Начиная со строительства Кохертальбрюкке с него прыгнули без парашютов больше 50 человек. В то же время я, конечно, не хотел сделать первый BASE-прыжок с полным мочевым пузырём. Было только одно решение: расслабиться там, где я сидел, и позволить природе взять своё. Я сказал об этом Скотту, и он расхохотался. Он помахал рукой Бернару и кое о чём предупредил его. Потом Скотт сказал нашему водителю, что я только что сделал на заднем сиденье его прекрасного «Мерседеса». Тот обернулся, убедился, что катастрофа действительно случилась, и обратился ко мне с несколькими очень нехорошими словами. Я решил, что нажил врага на всю жизнь, но, к счастью, никогда больше его не увижу.

Мы подъехали к мосту, и я почувствовал, что сердце забилось раза в два быстрее. Через какие-то минуты начнётся фантастическое приключение, прыжок в мир экстремальных ощущений.

Когда мне было 12 лет, я установил мировой рекорд стояния на одной ноге. Я стоял на правой ноге перед несколькими свидетелями 5 часов 46 минут. Редактор Книги рекордов Гиннесса Норрис Макуэртер подтвердил мой рекорд и написал мне, что он будет включен в следующий выпуск книги. К сожалению, прежде чем этот выпуск был издан, мой рекорд был побит каким-то американцем. Тогда я считал свой рекорд тоже неким фантастическим приключением, но сейчас об этом смешно было вспоминать. Оно, это приключение, начнётся сейчас. Психологи называют это «навязанное себе очень опасное поведение».

Автомобиль съехал на обочину и остановился. Я пошел к

перилам, чтобы посмотреть на окружающую обстановку. Долина ниже была окутана туманом. Бернар не хотел смотреть вниз, сказав, что это будет только пугать его. Фотографы в своих подвесных системах под мостом были уже готовы. Бернар присоединил фалы раскрытия наших парашютов к перилам моста, и я попросил, чтобы он дважды проверил, что они надёжно закреплены. Фалы были 15 футов длиной и заканчивались обрывным тросом, присоединенным к вытяжному парашюту. Когда я прыгну, фал натянется, вытаскивая парашют, пока обрывной трос не оборвётся, позволяя куполу полностью раскрыться.

Один за другим мы забрались на место прыжка. Выступ снаружи был только четыре дюйма шириной, и я держался одной рукой за перила. Райнер, который собирался прыгать первым, сосредоточился. Я видел парок его дыхания на фоне серого неба, и внезапно он исчез. Какая-то мистическая тишина упала на мост. Я подсознательно задержал дыхание, когда Райнер грациозно прыгнул с моста в холодный воздух. Он падал три секунды, когда его купол с хлопком открылся. Мы слышали его радостный вопль, когда он понял, что первая часть прыжка прошла успешно. Спустя короткое время первый из нас благополучно приземлился под мостом. Пока я держался за перила, мимо на большой скорости мчались машины. Не думаю, что у пассажиров было время, чтобы заметить происходящее перед ними. Но если бы кто-то и увидел нас, то им было бы трудновато убедить кого-нибудь в том, что они вправду видели:

«Смотри! Кто-то в костюме и галстуке прыгает с моста!»

Настала очередь Скотта. Он в последний раз проверил своё снаряжение. Все, казалось, было в порядке. Он хотел отделиться как следует и тщательно расставил ноги на краю моста. Чтобы успокоиться, он еще раз поднял глаза к темному серому небу. Вопя что-то непонятное, он мощно оттолкнулся и прыгнул. Мы с Бернаром слышали его крик до тех пор, пока его купол не раскрылся. Несколько секунд спустя он приземлился рядом с Райнером на заснеженной лужайке. Райнер и Скотт стояли внизу целые, невредимые и счастливые. Бернар и я все еще имели возможность отказаться. Мы решимся прыгать? Или в последнюю минуту вернёмся назад? Когда эти мысли пришли мне в голову, Бернар уже принял позу для прыжка. Бедный Бернар. Я чувствовал, как напряжены его нервы. При неудаче он был бы мертв, прежде чем мог бы сосчитать до десяти. Бернар выдавил из себя слабую улыбку и с силой оттолкнулся от моста, оставив меня одного. Конечно, рядом висели фотографы в своих подвесных системах, но они принадлежали совершенно другому миру. Я

услышал радостные крики Бернара из-под его синего купола и с облегчением понял, что «укладка Сконе» оправдала себя. Его парашют открылся, как надо.

Теперь я был один. Я никогда не чувствовал себя настолько одиноким. В десяти футах от меня ревели грузовики, но я их не слышал. Мозг не воспринимал ничего, что меня не касалось. Я не уверен, что отреагировал бы, даже если рядом взорвалась бы ручная граната.

Внезапно я почувствовал себя удивительно спокойно. Я расположил ноги на узком карнизе поудобнее. Вперёд! Обратив взгляд к небу, я зафиксировал его на большом сером облаке, готовясь к хорошему отделению. Моя поза правильна, ноги устойчивы. Импульс от мозга дошёл до ног, и я инстинктивно оттолкнулся. Меня встретила удивительная тишина, которая превратилась в мягкое гудение, пока я падал. Я был потрясен, видя, как земля мчится ко мне с ужасной скоростью. У-ух! Я висел под куполом моей любимой Клаудии. В жилах бурлил поток адреналина, в голове царила полная суматоха.

Мы сделали это. Я остановил Клаудию на трёх футах над землёй и приземлился мягко, как на пуховую перину. Купол ещё был наполнен, когда я в экстазе покатился по земле. Прибежал Скотт, держа что-то в руке. Прежде чем я что-нибудь понял, он вымазал мое лицо грязью. С черным от грязи лицом я стоял на коленях и что-то вопил, ни к кому не обращаясь, просто чтобы выплеснуть кипящую во мне энергию.

Уве из съёмочной команды Клауса снял всю радостную сцену, разыгравшуюся перед ним. Впервые я понял, что на самом деле значит выражение «быть на седьмом небе». Я совершенно не ощущал земли под ногами. Бернар был в том же состоянии. Он прыгал от радости по лужайке, как молодой козёл. Скотт, Бернар и я со всей нашей энергией обнимали друг друга. Как Министр съестных припасов, я принес бутылку шампанского, которое мы немедленно открыли, чтобы отпраздновать наше достижение. С бутылкой в одной руке и Клаудией в другой я втиснулся в микроавтобус Клауса. Мы направились обратно в маленькую гостиницу в Браунсбахе. Райнер пел на заднем сиденье. Скотт пил шампанское и испускал радостные крики: «Яху-у! Да! Ура!»

Бернар спокойно сидел один, шепча: «Не может быть… не может быть. Невероятно!»

Я прыгнул с моста 610 футов высотой и остался жив. Мои руки и ноги целы. Я был совершенно счастлив.

Гостиница уже засыпала, когда мы вернулись. В бар, который обычно обслуживал клиентов десять в день, внезапно ввалилась наша шумная и довольно грязная компания. Это был

незабываемый вечер. Райнер заказал на всех пива и хорошего французского коньяка. Я сел с Бернаром и Скоттом, и мы выпили за наш первый успех. Сердобольный пожилой немец решил почистить мою физиономию и стёр грязь с моих щек и шеи влажной тряпкой. Всё было прекрасно, только ощущалась нехватка женщин. Фактически их была только одна. Это была владелица заведения по имени Гертруда, блондинка с внушительным бюстом, весившая, должно быть, фунтов 220. Скотт заметил, что она положила на меня глаз, и посоветовал приготовиться к бурной ночи.

Бернар только что сделал 71-й прыжок. Для того, кто ещё не освоил в полной мере управление своим телом в свободном падении, BASE-прыжок был огромным достижением. Я три месяца думал, прыгать или нет, и ясно, что если бы не Скотт, я никогда бы не прыгнул. Бернар принял такое решение за минуту. Мы знали друг друга только около двух месяцев, но, несмотря на это, чувствовали себя давними друзьями.

Людей, которые вместе проходят через опасные ситуации, объединяет особенное чувство товарищества, незнакомое тем, кто знает о таких делах лишь понаслышке. Возьмите, например, подразделения специального назначения, экспедиции в труднодоступные места, или потерпевших кораблекрушение, плавающих на плоту в ожидании помощи. Без сомнения, те, кто был близок к смерти и выжил, имеют другой взгляд на жизнь.

Кроме того, некоторые люди, стоит им раз испытать, как адреналин выплёскивается в кровь, хотят повторить это и сознательно возвращаются в те же опасные ситуации. Это как наркотик. Подумайте, скажем, о военных фотографах, которые снова и снова рискуют жизнью. Никто не вынуждает их делать это. Таково их собственное решение. Конечно, цель якобы состоит в том, чтобы сделать сенсационные фотографии, но на самом деле главная причина — желание новой дозы адреналина.

Как все наркотики, адреналин даёт взлёт и падение. Взлёт — это чувство эйфории, счастья, силы, скорости, полного благополучия. Оно может длиться от минуты до нескольких часов. Затем начинается период падения — усталость и сонливость. И на этом всё кончается. Тело истощено состоянием стресса, и нужно перезарядить аккумуляторы. Лучше на некоторое время расслабиться, и мозг проследит, чтобы пришёл сон.

Вернувшись во Франкфурт, мы определенно были в состоянии падения и завалились спать. Я проспал до утра как убитый, а проснувшись, чувствовал себя бодрым и полным энергии. Я сделал то, зачем приехал, и с нетерпением ждал

приятной поездки назад в Париж. Если бы только Скотт был столь же разумным!

Он хотел вернуться к Кохертальбрюкке, на 155 миль назад, чтобы прыгнуть ещё раз. Он настаивал, что нельзя упускать такую возможность, пока такой хороший мост ещё недалеко от нас, и что не вернётся в Париж, не сделав второй BASE-прыжок. Моя первая реакция была бурной: я никоим образом не собирался прыгать снова. Прыгнули по разу, и хватит. Я не испытывал никакого желания снова проходить через все приготовления, беспокойство, напряженность и страх. Отчаянно споря, я внезапно понял, что Скотт прав. Единственной причиной моего нежелания прыгать был страх. Я знал, как сильно буду нервничать, и было только естественно реагировать так, как реагировал я, то есть сказать: «Хорошо. Это сделано. Едем домой».

Часто, чтобы вернуться к чему-то опасному во второй раз, требуется больше храбрости, чем в первый. Скотт настаивал, и через некоторое время он уговорил меня. Бернар всё это время сидел тихо. Мы убедили немцев возвратиться. На сей раз я оставил свой грязный костюм в багажнике машины.

Игра со смертью

Мы прибыли в Браунсбах около 15:00. Двое немцев тоже хотели прыгнуть, так что нас было пятеро. Они пошли прямо к мосту, а мы — под мост. Мы собирались снизу сфотографировать их прыжки, к тому же всегда полезно, чтобы кто-нибудь был на площадке приземления на случай, если у кого-то оно будет неудачным. Договорились, что каждый из них махнёт рукой, прежде чем прыгнуть. В бинокль мы могли наблюдать за всем, что делалось на мосту. Мы ждали до тех пор, когда они уже должны были бы прыгнуть, но никакие парашютисты не появлялись на мосту и не падали с него. Бернар решил, что они испугались и передумали.

Внезапно появилась какая-то машина и направилась к нам. Это были немцы. Резко затормозив в нескольких футах перед нами, они выпрыгнули из автомобиля и завопили, что за ними гонится полиция. Я поглядел на дорогу, но не увидел никаких полицейских машин. Наши немецкие друзья так вопили, кричали и размахивали руками, как будто за ними гналась не полиция, а целая дивизия вражеских танков. Мы напрасно пытались их успокоить. Они сели в автомобиль и отогнали его за рощу деревьев, после чего немного успокоились и рассказали нам, что случилось. На мосту, оказывается, стоял полицейский автомобиль, который мы не могли снизу видеть в бинокль, и полицейские приказали им открыть багажник, где нашли парашюты. Мы предположили, что кто-то из деревни наблюдал, как мы вчера прыгали, и информировал полицию. Как бы там ни было, наши друзья получили строгое предупреждение и приказ немедленно исчезнуть. Для немедленного исчезновения полицейские напугали их вполне достаточно. Их единственное желание теперь состояло в том, чтобы вернуться во Франкфурт.

Скотт, Бернар и я все еще хотели прыгнуть. Мы решили, что проехали 155 миль не для того, чтобы нас выгнали какие-то полицейские, которых мы даже не видели, и поэтому вернёмся сюда ночью. Но сделать это можно было только на машине немцев, ведь наша «Рено» осталась во Франкфурте. Они стали отказываться, объясняя, что если их поймают, то, вероятно, отнимут водительские права и посадят в тюрьму. Скотт был разъярен и громко кричал, в то время как я с типичным скандинавским спокойствием старался его утихомирить. Один из немцев наконец согласился привезти нас к месту прыжка на мосту, но сказал, что немедленно уедет, как только высадит нас.

Красивая полная луна украшала зимнюю ночь, что было

очень нам на руку. Бернар и я подготовились к нашему первому «ручному» BASE-прыжку. На сей раз мы собирались бросать вытяжные парашюты, а не применять автоматическое раскрытие. И ещё это был наш первый ночной прыжок. Кто-то, я не помню кто, высказал превосходную идею, что всем нам надо прыгнуть одновременно. Бернар должен был встать в середине, между мной и Скоттом, и по его сигналу все мы вместе должны были отделиться, при этом прокричав по-французски: «Je suis le plus bete!» (Я — полный идиот!). Мы чувствовали, что эти слова полностью соответствуют действительности.

Я попросил водителя остановиться у отметки 680.5, которая указывала середину моста, то есть самую его высокую точку. Мы приехали туда приблизительно через 15 минут, и, странно, на этот раз я нервничал меньше. Водитель высадил нас и удрал во все лопатки. Я решительно подошёл к перилам и перелез на выступ снаружи, держа вытяжной парашют в одной руке, а другой держась за перила. Почему-то я взглянул вниз, и то, что я увидел, потрясло меня. Примерно в 200 футах внизу развевались на ветру ветки сосен. Не в силах вымолвить ни слова, я ещё раз посмотрел вниз и убедился, что глаза меня не обманывают. Я стоял на выступе шириной четыре дюйма на 200 футах над землей, держась одной рукой, чтоб не упасть. Мы собрались прыгать не в том месте. Я так перепугался, что едва смел двигаться. Если бы я упал, то непременно разбился бы. Скотт, который еще не перелез на выступ, схватил меня за руку и вытащил на мост. Мы стали искать нужную нам отметку и отыскали её довольно далеко. Я удостоверился, что там написано 680.5, то есть теперь мы оказались в нужном месте. Водитель не доехал до него 1600 футов, которые могли стоить нам жизни. Я не смел и подумать, что написали бы газеты, если б мы по ошибке прыгнули всего с 200 футов.

Ну что ж, я снова перелез через перила и утвердился на узком выступе. Бернар сделал то же в пятидесяти футах справа, Скотт — ещё на столько же дальше. Бернар должен был дать сигнал к нашему одновременному прыжку и спросил, готов ли я. «Да», — ответил я громко и чётко.

Он повернулся к Скотту и спросил о том же. «Да», — ответил Скотт. Бернар уже готов был кивнуть, когда мы услышали крик Скотта: «Нет! Я не готов. Подождите!»

Из-за Бернара мне не было видно, что не так, но я догадывался, что, должно быть, случилось что-то серьезное. Бернар перелез через перила обратно на мост и подошел к Скотту. Несколько минут они лихорадочно что-то делали с ранцем Скотта, затем Бернар вернулся на место и мы хором

начали обратный отсчет: «Три! Два! Один!» И три человека одновременно прыгнули с моста Кохертальбрюкке, вопя: «Я — полный идиот!»

Я падал три секунды и отпустил Мистера Блэка, мой вытяжной парашют. Верная Клаудия открылась просто прелестно, и мне захотелось как можно быстрее ощутить под ногами твёрдую землю. Я едва мог видеть эту самую землю, несмотря на лунный свет, и очень надеялся, что на приземлении не попаду одной ногой в кроличью нору. Вися под куполом, я попытался разглядеть парашюты Бернара и Скотта, но вокруг было слишком темно. На 165 футах я обнаружил, что лечу над рекой, которая протекала в долине под мостом, исправил положение, потянув клеванту, и мягко приземлился в замёрзшей траве. Первым делом я подумал, как там мои друзья, и закричал во всю силу легких: «Бернар! Скотт!»

Никакого ответа! Я начал волноваться. У них неприятности? Я назвал их по именам несколько раз и наконец с облегчением услышал голос Бернара: «Здесь! Я приземлился у реки!»

Я побежал к нему, и мы обнялись. Но мы не могли считать наши прыжки успешными, пока не нашли Скотта. Если он приземлился в реку, его шансы на успех были невелики. Влажный купол очень тяжелый и старается затянуть парашютиста под воду. Мы ходили взад-вперед вдоль реки и не нашли ни Скотта, ни его купола. Возможно, он сел с другой стороны реки? Мы уже собирались перейти её по крошечному мосту ниже по течению, когда появился Скотт. Он спокойно шёл по дороге с куполом в руках. Оказывается, он в самом деле приземлился на другом берегу реки и не знал, как её перейти, пока не нашел этот маленький мостик.

Теперь я мог спросить Скотта, что у него случилось, когда мы собирались прыгать. Он торжественно ответил, что никогда не был так близок к смерти, как в тот момент. Когда Бернар начал обратный отсчет, Скотт заметил, что стреньга — фал, соединяющий вытяжной парашют и основной купол, — проходит между одним из ножных обхватов его ранца и ногой. Так вышло случайно, когда он надевал ранец. Если бы он прыгнул, купол никогда не раскрылся бы. Нашего друга не было бы сейчас с нами. Это наглядно продемонстрировало нам всем одну очень важную вещь: всегда ставь свою личную безопасность на первое место. Это может показаться элементарным, но легко забыть о ней под влиянием чего-то другого. Вместо того, чтобы выкинуть из головы историю немцев о полиции, мы подсознательно опасались, не помешает ли нам кто-нибудь, и поэтому решили надеть ранцы в автомобиле. Там тесновато для этого, труднее

осмотреть себя как следует, и таким образом Скотт не заметил, что прижал стреньгу к ноге ножным обхватом. Мы обещали друг другу никогда не забывать принцип американских моряков: K.I.S.S. (Keep It Simple, Stupid — будь проще, дурачок). В трудных и напряженных ситуациях все идёт гораздо более гладко, если вы ничего не усложняете.

Немцы были, видимо, слегка недовольны, что всё так вышло, и даже не говорили о наших прыжках. Добравшись вместе до Франкфурта, мы поблагодарили их, несколько ироническим тоном, за помощь и отправились в долгий путь в Париж.

Этот сумасшедший швед

Было очень здорово вернуться в Париж. Ложась спать, я чувствовал себя в полной безопасности, зная, что утром не надо будет прыгать с моста. Мир вокруг меня вновь стал привычным и удобным. В первую неделю после возвращения я рассказал моим самым близким друзьям о нашем приключении. Правда, скоро оказалось, что все спрашивают одно и то же: «Как ты смог прыгнуть с моста? А что, если парашют не раскроется?»

Сначала я с удовольствием отвечал на эти вопросы, но через некоторое время они стали утомлять, и пришлось составить перечень «Умных ответов на глупые вопросы», чтобы избежать долгих и нудных объяснений. Когда те, с кем я работал в «Фаси», узнали, что я сделал, они покачали головами и назвали меня le suedois fou (сумасшедший швед), что я воспринял как комплимент. Я долго думал, говорить ли о моих BASE-прыжках родителям, но решил, что пока не надо.

Моя каждодневная жизнь в Париже была интересной, но слегка беспокойной. Я вставал в семь, чтобы прийти на работу в девять, иногда пренебрегая завтраком, чтобы вместо этого успеть принять душ или ванну. После этого из-за оригинального местоположения моей ванны в комнате всегда становилось влажно, и со стен капала вода.

Однако такое устройство моей маленькой квартиры дало фантастическую возможность заводить весьма приятные знакомства с красивыми молодыми девушками-домработницами. Проводя недели подряд за уборкой-глажкой-готовкой и заботами о чьих-то плачущих детях, они были сыты этим по горло. И вот однажды вечером, сидя дома и потягивая виски из бутылки, я выработал стратегию правильного использования моего жилища. Я начал ходить в бары, где болталось много таких девушек — шведок, норвежек, датчанок и голландок. Очень быстро я понял, что многие из них были бы совсем не против принять горячую ванну в романтичной обстановке. Однажды ночью я предложил одной датчанке пользоваться ванной в моей квартире всякий раз, когда она захочет помыться. Я не объяснил, что моя квартира площадью только 100 квадратных футов, а ванна — в середине комнаты. Несколько дней спустя она постучала в дверь и, войдя, несколько удивилась. Посмотрев на меня с улыбкой, она попросила, чтобы я наполнил ванну, и приготовилась её принять. Я спокойно сидел на кровати, читая книгу, пока она мылась, а о том, что было дальше, я умолчу. Правда, эта уловка срабатывала не со всеми девушками. Иногда, увидев ванну посередине

комнаты, они тотчас уходили, ругаясь на своём родном языке.

Мой рабочий день начинался с того, что я брал полный мешок почты и вываливал его себе на стол, а затем открывал и сортировал каждое почтовое отправление по адресам: отдел IT, отдел продаж, отдел персонала и администрация. Эта рутинная работа занимала приблизительно час. После сортировки почты можно было сделать первый перерыв, и я спускался в подвал, где работала Колетт, одна из моих хороших друзей в компании. Её я называл «тарелочная леди», поскольку её работа была в том, чтобы раскладывать пищу по тарелкам в столовой для персонала, расположенной в темном подвале. Я ей нравился, что выражалось в огромных сэндвичах, которые она мне готовила. Если Колетт была чем-нибудь занята, когда я приходил, то делала перерыв, и мы обычно беседовали на ее любимую тему, о лотерее. Она каждую неделю проигрывала в неё сотни франков в абсолютной уверенности, что в конечном счете выиграет миллионы. Чтобы её не обидеть, я изо всех сил старался казаться заинтересованным, когда она объясняла, как различные методы и расчёты приведут её к победе. Кроме разговоров о лотерее, много времени я тратил также на отправление телексных сообщений, составление диаграмм продаж и перевод. Работая для Ильфы Бертельсон, занимающей важный пост в компании, я много узнал о том, как управляют компанией среднего размера. С наступлением ленча вся деятельность компании на полтора часа прекращалась. В столовой у нас был выбор из трех закусок, трех блюд посерьёзнее и сыра или десерта. Большинство сотрудников употребляло при этом и графин красного вина. После ленча работа возобновлялась до шести вечера.

Раз или два в неделю сотрудники организовывали то, что французы называют pot. Когда у кого-то было что отпраздновать, он или она приглашал всех выпить что-нибудь в столовой. За несколько дней до этого в коридорах развешивались объявления, чтобы пришло как можно больше народу. Повод для выпивки мог быть любым: рождение ребёнка, выход на пенсию, женитьба и так далее, и ограничивался только воображением. Это длилось примерно час, а пили обычно шампанское и виски. Отдел по работе с персоналом обсуждал, что можно сделать, чтобы ограничить число таких празднований, поскольку они, естественно, плохо влияли на производительность труда. Я не был перегружен работой и участвовал в каждом таком празднике.

Однажды вечером Бернар и его друг, студент геологии, организовали вечеринку в катакомбах Парижа. Нас со Скоттом он поставил в известность, что мы проведём там ночь с приблизительно двадцатью геологами, и попросил взять с собой

еду, питьё и хорошее настроение. Что, мы и вправду пойдём в катакомбы? Со школы я знал о катакомбах Рима. Ещё я знал, что в парижские катакомбы водят на экскурсию туристов, но понятия не имел, что в этих туннелях под городом можно устроить вечеринку на целую ночь. Мы договорились встретиться около станции метро Денфер Рошеро в пятницу вечером. Каждому было сказано принести свечи и какую-нибудь жёсткую кепку или шапку. Без такой экипировки наши макушки были бы здорово обработаны шероховатыми низкими потолками. Это походило на приключение.

Мы со Скоттом и Бернаром запаслись едой для вечеринки. Скотт испек пирожных с орехами, а я сварил гороховый суп, как его готовят в Сконе. Мы прихватили ещё пива для первого, кто найдёт в катакомбах скелет. Когда мы в собрались в условленном месте, я был несколько разочарован малым количеством женщин; из этих двадцати завсегдатаев вечеринок их было только шесть. Наш проводник и гид, Жан-Жак, был одет в шлем с яркой газовой лампой на нём, чтобы не заблудиться в подземном лабиринте. Была у него и карта парижских подземелий, без которой наша вечеринка тоже не могла состояться. Увидев меня, он засмеялся и сообщил мне, что мой рост, 6 футов 6 дюймов, не очень подходит для посещения катакомб.

В строю ползущих через узкий тоннель гостей вечеринки я был последним. После того, как мы проползли футов десять, я встал и зажёг свечу. Предполагая, что могу увидеть нечто ужасное, я был готов к худшему. Правда, первым, что я заметил, было написанное на стене число 1803. Я постарался вспомнить, что произошло в 1803 году, но в моей памяти таких исторических фактов не нашлось. Местом нашего назначения в этот вечер была большая пещера, которую Жан-Жак обнаружил в один из предыдущих походов. Пламя свечи освещало грубые каменные стены, пока я продвигался через темноту. Одним из особо памятных событий моей юности была поездка на «Поезде призраков» в Садах Тиволи в Копенгагене, и сейчас, в узких туннелях под Парижем, я был очень рад, что благодаря этому имею некоторый опыт восприятия подобного ужаса. Атмосфера была, мягко говоря, жуткой. Жан-Жак то и дело останавливался, чтобы свериться с компасом. Я никогда не пойму, как он сумел найти путь через этот лабиринт. Иногда мы проходили рядом с какими-то дырами, похожими на пещеры, где были наросты известняка футов пять высотой. По пути мы остановились в двух таких дырах, чтобы промочить горло большим глотком холодного пива. Однажды моя свеча потухла, и я потерял контакт с остальной частью группы. Если бы Скотт не заметил, что меня

нет, я, вероятно, и сейчас оставался бы под Парижем. Одна из француженок объявила, что нам осталось спотыкаться еще пять минут, прежде чем мы наконец-то доберёмся до пещеры для вечеринок. Я был очень счастлив услышать это, потому что моя спина частенько жаловалась. Неудивительно; я был в согнутом положении больше двух часов.

Мы наконец достигли места нашего назначения. Пещера была 60 футов длиной и 30 футов шириной. Грубые стены были покрыты изображениями скелетов, нарисованными фосфоресцирующими красками. В этой оригинальной пещере парижские студенты-геологи обычно праздновали конец сессии. Одна из женщин расставила свечи, другая достала еду из наших рюкзаков. Я начал угощать всех моим гороховым супом из Сконе и одновременно предложил каждому стакан холодного пунша, сладкого шведского ликёра. Пока я рассказывал историю artsoppa, горохового супа, который в провинции Сконе традиционно едят каждый четверг, начались первые протесты.

«Тьфу! Что это за отвратительная бурда?»

С гороховым супом произошёл полный провал. Французы не оценили шведскую кухню, и мне пришлось съесть два литра супа одному. Надо было вместо этого угостить их surstromming (кислой забродившей селёдкой), злобно думал я.

Против пунша никто не протестовал.

Мы сидели на полу в кругу, слушали Haendel, ели и пили, а потом танцевали в ближайших галереях. Французы отказались танцевать под любую другую музыку, кроме классического рок-н-ролла пятидесятых, даже в катакомбах.

Мы веселились под Парижем почти всю ночь. Было приблизительно три часа утра, когда мы наконец отправились назад, на поверхность. Я понятия не имел, куда мы шли, но шли мы долго. Три часа спустя я первым поднимался по 60-футовой лестнице, которая, как сказал Жан-Жак, вела через чугунную крышку на тротуар в центре города. Мне было сказано подождать на верху лестницы и не открывать тяжелую крышку, пока все не приготовятся. Это было необходимо, чтобы выйти быстро и осторожно. Крышка оказалась тяжелее, чем ожидалось, и пришлось попросить парня, стоявшего за мной, помочь. Мы толкали изо всех сил и наконец сумели сдвинуть её достаточно, чтобы можно было пролезть. Наверху всё выглядело тихо и мирно.

Мы с парнем, помогавшим мне поднимать крышку, возвратились на родную землю. Как только мы оказались на тротуаре, я заметил на расстоянии 150 футов от нас полицейский фургон. Я немедленно предупредил остальных, которые пока что

были под землёй, о приближающейся опасности. Мой наземный друг предложил бежать, и, к сожалению, я согласился. Мы вскочили, побежали со всех ног и почти сразу услышали характерный звук сирены, сопровождаемый визгом шин. Полицейский автомобиль заскользил юзом по перекрёстку, загородив нам путь, и из него выпрыгнули четыре крепких полицейских. Они хотели знать, где мы были до того, как попали под землю, и я ответил, что мы просто возвращаемся домой с вечеринки. Мой правдивый ответ был воспринят как неудачная ложь. Тем временем Жан-Жак и остальные, простояв больше пяти минут на лестнице и услышав полицейскую сирену, слегка заволновались и решили тоже подняться через отверстие на тротуар. Невероятно, но они побежали к нам, а не наоборот; я почти потерял их, когда увидел, что они бегут к нам с такой скоростью, как только могут. К этому времени полицейский как раз надевал на меня наручники. При виде восемнадцати человек, бегущих к нему, другой полицейский выхватил револьвер. Это заставило всех быстро остановиться. Бернар, бежавший впереди, поднял руки вверх, чтобы, чего доброго, не началась стрельба. Всех обыскали и подвергли короткому допросу. Старший полицейский, мужчина лет пятидесяти, думал, что мы говорим правду, и наше наказание состояло только в том, что нам велели вернуть крышку люка на место и больше не лазить в катакомбы.

Позже я узнал, почему полиция реагировала так воинственно. Мы, оказывается, вылезли из-под земли на улицу в шесть утра точно перед Societe Generale, одним из самых больших банков Парижа, да ещё и с рюкзаками на плечах. А в ту пору ещё свежа была память о случае в Лионе, тоже в начале 80-х, где банда полностью обчистила хранилище крупного банка. Однажды в субботу вечером они влезли туда через отверстие, просверленное из какого-то подземелья. Прежде чем исчезнуть, они прямо на месте отпраздновали удавшийся субботний вечер вином, сыром и хлебом.

Конец нашей вечеринки был захватывающим, но оружие в руке полицейского меня испугало. Французские полицейские по крайней мере столь же воинственны, как их американские коллеги. Позже я прочитал несколько книг о катакомбах Парижа и узнал некоторые интересные факты. Катакомбы первоначально не служили кладбищем; это были карьеры, где добывался песчаник для строительства многих красивых зданий города. В 1871 году шеф полиции Парижа решил, что самые старые могилы с переполненных кладбищ города надо убрать, и все древние скелеты были брошены под землю, в эти карьеры. Вот как парижские подземелья стали местом погребения.

Дом богов

Вскоре после возвращения в Париж из Франкфурта мы начали планировать наш следующий BASE-прыжок. Место было выбрано единодушно: башня Монпарнас. Скотт уже однажды испытал свободное падение с этого здания, и мы решили, что если у одного из нас есть такой опыт, хоть и почти смертельный, было бы хорошо его использовать.

Башня Монпарнас была построена во время президентства Жоржа Помпиду. Это 56 этажей из бетона и стекла. Его название взято из греческой мифологии, где гора Парнас (Mont Parnasse по-французски) — дом Аполлона, бога солнца. Ресторан и бар расположены на 56-м этаже; это — популярное среди туристов место из-за удивительно красивого вида оттуда, с которым в состоянии поспорить только башня Эйфеля.

Прекрасным воскресным днем в начале марта 1984 года мы поднялись на лифте на смотровую площадку башни, чтобы поближе посмотреть на место нашего будущего прыжка. Мы хотели осмотреть высокое ограждение площадки, установленное, чтобы желающие покончить с собой не смогли здесь этого сделать. Лифт чрезвычайно быстр: 40 секунд, и вы на самом верху здания высотой 693 фута. Первым, что мы заметили, были несколько одетых в форму охранников, проверивших наши билеты, как только мы вышли из лифта. Скотт сказал, что если мы с парашютами пройдём через охрану, то добраться до смотровой площадки уже ничто не помешает. По обычному распорядку охранники появлялись на ней два раза в час, чтобы поглядеть, не намерен ли кто прыгнуть с башни. Они говорят, что таким образом покончили с собой более 200 человек.

Скотт указал место, откуда он прыгал. Преодолеть защитную решётку было бы непросто. Она оказалась восемь футов высотой, к тому же с четырёхдюймовыми острыми наконечниками. Чтобы перелезть через неё, понадобилась бы веревка. Приближался туристский сезон, и во время нашего прыжка площадка будет переполнена любопытными туристами, так что некоторое время мы развлекались идеями насчёт того, как заработать денег, продавая билеты всем, кто захочет на нас посмотреть. Скотт в шутку предложил заключить сделку с руководством башни и прыгать в течение туристского сезона по два раза в день, повесив плакат: «Смотрите, как трое обычных парижан прыгают с небоскреба! Каждый день, всего 100 франков!»

За следующие две недели мы возвращались на площадку еще три раза. Однажды принесли с собой большой чемодан, чтобы

посмотреть на реакцию охранников. Мы собирались впоследствии пронести в таких чемоданах парашюты. Охранники, как мы и надеялись, остались совершенно равнодушны.

Бернар, Скотт и я потратили много вечеров, планируя наши прыжки. Мы пришли к выводу, что среди туристов, глазеющих на город с башни Монпарнас, трое парней с большими чемоданами будут выглядеть подозрительно, и поэтому разработали детальный план действий. (Мы уже забыли правило «Будь проще, дурачок», которому решили следовать в Браунсбахе, и нам снова предстояло пострадать от этого).

Скотт должен был одеться как американский турист: большие мешковатые джинсы, некрасивая футболка, рюкзак и непременный фотоаппарат на груди. Бернару переодеваться не требовалось, потому что ему надо было выглядеть как французский студент, то есть так, как он всегда и одевался: джинсы, кожаная куртка и кроссовки. Сам я собирался замаскироваться под молодого бизнесмена: темный костюм, белая рубашка, полосатый галстук и сверкающие черные башмаки. Кто заподозрил бы хорошо одетого молодого человека в желании броситься со здания? Никто.

Маскировки эти были частью наших психологических приготовлений к прыжку и немного помогли успокоить нервы, потому что давали возможность подумать ещё о чём-то, помимо охранников и непосредственно прыжка.

Кроме одежды, мы решили прибегнуть к помощи девушек, чтобы они сопровождали нас и могли отвлечь охранников, если те всё-таки обратят на нас внимание. Тогда девушки должны были бы заигрывать со стражами порядка и во время нашего прыжка. Как далеко зайдёт это заигрывание, было уже делом каждой девушки. Они также должны были забрать веревку, которую мы оставим на площадке.

Мы предусматривали худший случай, когда после прыжка охранники захотят задержать нас, если не арестовать, и поэтому подробно обсудили возможные планы быстрого исчезновения. Скотт предложил оставить для этого у подножия здания машину, но мы не согласились. Нам троим с распущенными парашютами будет слишком трудно быстро втиснуться в маленький «Рено» Бернара, особенно если нас станут преследовать. Лучшим выбором казалось метро. Если прыгать примерно в шесть вечера, то там будет полно народу, и мы сможем легко исчезнуть в толпе. Но даже если нас и арестуют после прыжка, единственным последствием будет штраф. Французские законы не запрещают прыгать со зданий или совершать самоубийство, прыгая с башни Монпарнас. Они запрещают только перелезать через ту защитную

решётку на площадке. Однако рискнуть явно стоило.

Сейчас я смотрел на башню не так, как шестью месяцами ранее. То, что когда-то было просто высотным зданием, стало теперь пугающим существом, которое я должен был победить. Каждый раз, глядя на его вершину, я, казалось, слышал, как оно ворчит: «Ты, маленькое ничтожество! Прыгни с меня, и это будет последним, что ты сделаешь в этой жизни. Можешь думать, что это легко и просто, но это лишь иллюзия. Я позабочусь, чтобы ты никогда больше не увидел света».

Чтобы избежать такой участи, нужно было изучить моего противника настолько, насколько это возможно. Поэтому дважды я ходил на площадку один, без Скотта и Бернара. Это было чрезвычайно важно. Я должен был испытать страх самостоятельно. Есть большая разница, делать ли это в компании хороших друзей или одному. Когда ты не один, постоянные разговоры отвлекают от мрачных мыслей и придают уверенности в себе; в одиночестве же для поддержки у тебя есть только ты сам. Стоя на площадке, я подумал, какое захватывающее представление мы приготовили для туристов, которые приехали, чтобы всего-то поглазеть на город с высоты. 18 франков, которые они заплатят за билет, ещё и дадут им возможность увидеть прыжок троих парней с края крыши в 693 футах над землей. Очень умеренная цена за такое зрелище.

В ходе нашей дальнейшей подготовки предметом обсуждения стали пластиковые сумки. У Бернара и меня не было рюкзаков, как у Скотта, а в больших чемоданах, как мы теперь понимали, будет тяжеловато нести парашюты на площадку. Мы нуждались в чем-то легком и удобном, чтобы скрыть их от посторонних взглядов. Бернару пришли на ум эти сумки, и мы начали искать что-нибудь подходящее. Это оказалось нелегкой задачей, но однажды Скотт позвонил мне на работу и сказал, что нашел прекрасную пластиковую сумку Fnac. Fnac — французская сеть магазинов, которая продает аудиозаписи, книги и снаряжение для фотографов. Сумка была из прочной пластмассы, прямоугольной формы и с двумя крепкими ручками. Я пошел в Fnac и купил четыре таких сумки на случай, если одна из них сломается при испытаниях.

Если бы кто-нибудь видел, как мы готовились к прыжку в квартире Скотта, то решил бы, что мы планировали террористическую атаку. Мы обсуждали, как обойти охрану, кто будет привязывать веревку, чтобы перебраться через решётку, и что делать, если охрана поймёт, что мы замыслили. Это сделало нашу подготовку весьма захватывающей.

До прыжка оставалась приблизительно неделя, когда я

связался с девушкой по имени Арин, наполовину мексиканкой, наполовину американкой, с которой познакомился в баре, и попросил помочь. После того, как я объяснил, какова ее роль в нашем приключении, она охотно согласилась сделать так, что охранники не помешают нам прыгнуть. Ещё она сказала, что имеет опыт в фотографии, и это было как нельзя лучше, поскольку мы очень хотели бы иметь снимки наших прыжков. Скотт попросил двух девушек из Лунда, Марию и Элену, помочь ему и Бернару. Мы договорились, чтобы они были у входа в башню 22 марта в 17.30.

Одним из немногих дел, которые ещё оставалось сделать, было бросить жребий, в каком порядке нам прыгать. Мы собрались у Скотта, чтобы сделать это, а потом насладиться хорошим ужином.

До прыжка оставалась ещё неделя, а я уже волновался. Нечто нереальное медленно становилось действительностью. Башня пугала меня. Я действительно хочу прыгнуть со здания в центре Парижа? А если я приземлюсь на проезжей части и меня собьёт машина, или после раскрытия парашюта я врежусь в окно?

Поскольку Скотт уже прыгал с башни, мы решили, что первый номер уже был, и надо тянуть номера два, три и четыре.

Мы открыли бутылку «Джек Дэниэлс», и я налил каждому по стакану, в то время как Скотт писал цифры на бумажках. Я всем сердцем надеялся, что не вытяну номер 4 и не буду опять последним. Одно дело — наш предыдущий прыжок с моста, где вокруг лес, тихо, спокойно… И совсем другое — стоять в полном одиночестве на крыше небоскрёба в центре шумного людского муравейника и ждать. Скотт положил свёрнутые листки бумаги в кастрюлю и перемешал их. Каждый из нас взял по одному, и я поспешно развернул свой.

— Я прыгаю вторым, — сказал Скотт.

На моём листке был номер 4. Я был ужасно разочарован.

Мне опять придётся прыгать последним! Первым был Бернар. Они со Скоттом не могли удержаться от смеха, когда поняли, что я снова проиграл.

— Это не смешно! — закричал я. — Один раз — ладно, но не два раза подряд. По-честному, один из вас должен поменяться местами со мной.

Это было легче сказать, чем сделать. Бернар был очень рад прыгать первым и отказался меняться. Скотт же определенно не собирался быть последним и прокомментировал ситуацию так:

— Йефто, раз уж тебе опять выпадает прыгать последним, то и продолжай. Однажды это может тебе здорово помочь.

В конце концов я успокоился, чему отчасти помог

приготовленный Скоттом восхитительный ужин. Остальную часть вечера мы провели в баре, слушая американскую группу, игравшую блюз. Беседовали о чем угодно, кроме прыжка. Было очень приятно расслабиться, выбросив из головы беспокойные мысли.

Мы решили уложить парашюты на рынке недалеко от квартиры Скотта, как мы делали и перед прыжком с Кохертальбрюкке. Рынок был открыт утром каждый четверг и субботу. На день раньше открытия там появились несколько пузатых мужчин, которые быстро и точно установили металлические каркасы шести с половиной футов высотой. Затем их покрыли брезентом, чтобы защитить товары от дождя и солнца. Когда примерно в два часа дня торговля закончилась, та же команда толстяков вернулась и убрала каркасы.

Я без ума от авокадо. Молодой человек из Калифорнии продавал на этом рынке самые большие и вкусные авокадо, которые я когда-нибудь пробовал. Ещё я повадился ходить в рыбный ряд, чтобы купить дюжину устриц на завтрак. Тогда я как будто вкушал свежесть океана, и с каждым таким завтраком мое настроение улучшалось. Мясо я покупал редко, потому как холодильника в моём жилище не было.

Мы укладывали наши парашюты в субботу днем после закрытия рынка. Снова я разложил Клаудию на твердом асфальте. По-моему, она была взволнована, что скоро снова полетит. Мы выяснили, что камню требуется семь секунд, чтобы пролететь 693 фута от вершины башни до земли. Четыре из этих семи секунд мы проведём в свободном падении, и три у нас останется на раскрытие. Не так уж много. Страшно делать что-то, от чего твоя жизнь зависит настолько, что нет абсолютно никакого времени на исправление возможной ошибки: семь смехотворно коротких секунд между жизнью и смертью.

Башня Монпарнас как будто наблюдала над нами, когда мы укладывались. Взглянув не неё, возвышавшуюся в миле к юго-западу от рынка, я сказал: «Ну что, мой маленький домик? Вот увидишь, победа будет за мной! У тебя нет шансов».

С севера на нас смотрела красивая и величественная башня Эйфеля. Мы думали и о прыжке с неё, но пришли к выводу, что для BASE-прыжков башня Монпарнас лучше. Башня Эйфеля конусообразная. Нужно отделиться и падать просто идеально, чтобы не удариться о расходящиеся книзу стальные лучи. Нам вовсе не хотелось проверять, получится это у нас или нет. Я, разумеется, не хочу сказать, что прыгать с башни Монпарнас безопасно. Риск переломать все кости есть всегда. Важно сравнить эти риски и выбрать менее опасное.

Закончив укладку, мы разошлись по нашим квартирам. Никто из нас той ночью не спал хорошо. Бернар бодрствовал полночи, раздумывая, надо ли ему написать завещание. Скотт размышлял, что он сделает, если один из нас убьётся. Я думал, что, если мне суждено разбиться, я предпочел бы умереть быстро. Испытываешь странное ощущение, чувствуя близость смерти, когда скоро произойдёт что-то очень опасное. Мои мысли было спокойны и холодны, когда я думал о том, чего большинство людей боится: о смерти. Но только все это очень утомляло, потому что, представляя себя в разных ситуациях, возможных во время прыжка, я думал о смерти несчётное число раз, и иногда такие мысли не покидали меня несколько дней.

В день прыжка я, как обычно, встал в семь и пошёл на работу. Но толку от меня там было немного. Ильфа Бертельсон спросила, не заболел ли я, но я не мог сказать ей, в чём дело. Всё равно она узнала бы на следующий день. За всё рабочее время я не смог сделать ничего существенного. После нескольких минут попыток, скажем, выяснить, каковы недельные продажи компьютеров, мои мысли возвращались к прыжку.

Парень из Камбоджи по имени Рэнси заметил, что я необычно пассивен и задумчив. Рэнси отвечал в «Фаси» за почту. Он был маленького роста, очень худым и темнокожим. Во время вьетнамской войны он летал на DC-3 американских ВВС, перевозя оружие к линии фронта. Три раза он был сбит, но всегда успешно выздоравливал. О DC-3 Рэнси часто говорил с восхищением. Когда в 1975 году его родители были убиты Красными кхмерами, Рэнси с женой сбежали через Таиланд во Францию. Мы часто разговаривали. Я рассказывал ему о парашютном спорте, а он мне — о разных случаях из жизни боевого лётчика. Мы уважали и хорошо понимали друг друга. Думаю, мы одинаково любили приключения. В «Фаси» Рэнси был единственным человеком, который знал, что мы собирались прыгать с башни. Я пригласил его приехать и посмотреть.

Вскоре после ленча я прибрался на рабочем месте и уехал домой. Клаудия была готова, ожидая только меня. Я был уверен, она чувствовала, что скоро произойдёт. Сев за стол, я написал записку, не зная только, кому:

«Я иду прыгать с башни Монпарнас. Я делаю этот прыжок добровольно и только потому, что считаю это захватывающим приключением и огромным удовольствием».

Если этот прыжок станет для меня последним, я не хотел, чтобы у моих родителей и друзей были какие-то сомнения насчёт моих истинных намерений.

Бернар уже был у Скотта, когда я пришел. Он, казалось, был

вполне спокоен. Ни Скотт, ни Бернар не казались возбужденными, но, думаю, их внутреннее состояние немногим отличалось от моего. Я попросил у Скотта немного черного гуталина, чтобы почистить малость потускневшие ботинки. В конце концов, прыгая с высоких зданий, очень важно быть в сверкающих башмаках.

Тролльвегген и прыжковая площадка Брураскарет.
Фото: Кнут Кунстфорлаг.

Два наших норвежских гида, Рональд и Свен, отдыхают вместе с Бернаром по пути к Тролльвеггену (обратите внимание на щит с предупреждением).
Фото: Йефто Дедьер.

Через несколько секунд Бернар почти ударится об утес в свободном падении.
Фото: Рональд Иттерли.

Бернар улетает, оставляя меня наедине со злым ветром на вершине скалы.
Фото: Рональд Иттерли.

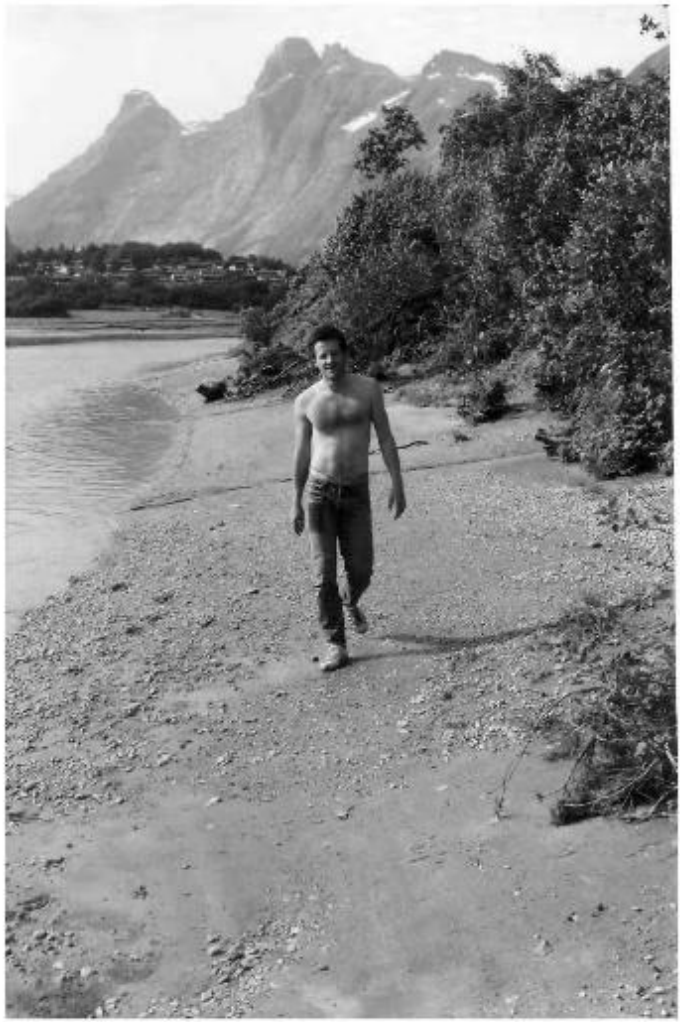
Роковая черта. Спустя минуту после отделения, пролетев 2000 футов, я окажусь у подножия Тролльвеггена.
Фото: Рональд Иттерли.

Я обращаюсь к богам. Фото: Скотт Элдер.

Я прыгаю с 610-футового моста Кохертальбрюкке с чужим парашютом (плохая идея!).
Фото: Скотт Элдер.

Кохерталъбрюкке, окутанный туманом и моросящим дождём. Фото: Клаус Хеллер.

Красивая деревня Браунебах под мостом Кохертальбрюкке. Фото: У. Цинк.



Бернар прогуливается вдоль реки Раума на следующий день после наших прыжков с Тролльвеггена. Жизнь прекрасна.
Фото: Йефто Дельер.

876-футовый мост Нью-Ривер-Гордж в Западной Вирджинии.
Фото: Юрген Лоренцен.

Толпа в 150 000 человек смотрит на сосредоточенного Скотта. Через несколько секунд он прыгнет с Нью-Ривер-Гордж.

Фото: Бернар Пуарье.

Скотт делает это отлично. Фото: Бернар Пуарье.

У Бернара отделение от этого моста вышло не так хорошо. Секунду спустя он будет падать вниз головой. Фото: Скотт Элдер.

Бернар ловит кайф. Фото: Йефто Дедьер.

Первый BASE-прыжок Скотта в смокинге. Фото: Клаус Хеллер.

В полной экипировке. Через какие-то минуты все мы трое совершим наш первый прыжок с Кохертальбрюкке. Фото: Клаус Хеллер.

Я жив!!! Фото: Клаус Хеллер.

Сейчас мы отпразднуем наш первый совместный BASE-прыжок.
Фото: Клаус Хеллер.

1089-футовая антенна Хэрбю в Швеции.
Самая высокая лестница, по которой я когда-нибудь лазил.
Фото: Андерс Тулин.

Свободное падение рядом с 1089-футовой антенной. Фото: Йефто Дедьер.

Наше великолепное «Рено-4» готово к делу. Фото: Йефто Дедьер.

Бернар, Скотт и я перед отъездом в Германию, к мосту Кохертальбрюкке.

Ужасная башня Монпарнас. Фото: А. Монье.

Я изучаю обстановку со смотровой площадки башни Монпарнас. Выглядит не забавно. Фото: Скотт Элдер.

Я укладываю свою Strato Cloud на авеню де Сакс в Париже.
Фото: Скотт Элдер.

За 30 минут до моего падения вниз головой с 693-футовой башни Монпарнас.
Фото: Жан-Пьер Лакруа.

Рельсовый путь на вершине башни Монпарнас. Фото: Йефто Дедьер.

Бернар благополучно висит под куполом, а Скотт только что шагнул с края площадки. Фото: Жан-Пьер Лакруа.

Скотт в свободном падении в центре Парижа.
Фото: Жан-Пьер Лакруа.

Скотт врезается в окно 30-го этажа. Фото: Жан-Пьер Лакруа.

Приземление в Париже. Фото: Жан-Пьер Лакруа.

Бернар в Нью-Йорке. Фото: Йефто Дедьер.

Скотт позирует перед учебным самолётом Т-38 в Дель Рио в штате Техас. Фото: Йефто Дедьер.

Йолэн прыгает с 13000 футов в тандеме с моим другом Андреем Тулиным (а я только вышел из самолета). Фото: Пер Свенссон.

Тост камикадзе

Я положил Клаудию в сумку Fnac и бросил сверху несколько футболок, чтобы ее не было видно. Не то чтобы я думал, что охранники осмотрят наш багаж, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Я слышал, что в Соединенных Штатах полиция конфискует парашюты у бейсеров, если поймает их после приземления. Парашют — самое ценное, что есть у парашютиста, и за свой я был готов драться. Бернар налил каждому, мы чокнулись друг с другом и опустошили стаканы. Я вспомнил, как в военных кинофильмах лётчики-камикадзе поднимают последний тост за императора, перед тем как отправиться в смертельный полёт.

В моем мозгу бушевало ужасное сражение. Только я было чувствовал себя взволнованно-счастливым, как в следующий момент уже боролся с мыслями о смерти. Я пробовал послать плохие мысли подальше, но они откуда-то появлялись снова и снова.

17:15. Через 45 минут мы собирались прыгать. Пришло время идти.

Башня Монпарнас была в 10 минутах ходьбы от авеню де Сакс. Разговаривали мы в пути не очень много. В толчее и суматохе бульвара Монпарнас мне казалось, что толпа наблюдает за нами. Я чувствовал себя кем-то вроде заключенного на прогулке; как будто вокруг знают, куда и зачем мы идём, и хотят нас арестовать. Я послал эти мысли прочь, как полную ерунду. Тотчас на ум пришло другое, ничем не лучше: мы как будто приговорённые, идущие в последний путь из тюремной камеры смертников к электрическому стулу.

У подножия башни группа подростков каталась на роликах и скейтах. «Парни», — хотел я сказать, — «побудьте тут ещё немножко, и увидите кое-что действительно крутое». Погода была прекрасной. Ясный, прохладный вечер. Легкий бриз, приблизительно 6.5 миль в час, дул в благоприятном направлении. Ветер будет нам в спину, когда мы прыгнем, и постарается унести нас от здания, насколько это возможно. Арин, Мария и Элена ждали у входа. Я вошел внутрь, Арин — позади меня. Нам нужно было подняться на лифте на 56-й этаж и расположиться в баре. Бернар, Скотт, Мария и Элена придут через полчаса прямо к смотровой площадке, к месту прыжка. Это послужит сигналом Арин и мне. Сидя за столиком в баре, мы увидим лифт, и когда все будут из него выходить, пойдём к краю крыши.

Мы не понимали, что таким образом усложняем всё дело. Скотт и я очень об этом пожалеем.

Я заметил небольшое движение охранников и подумал: «Вот и всё. Они возьмут мой парашют». Ничего не случилось. Лифтёр, узнав меня, спросил, какой этаж нам нужен.

— Бар, — ответил я.

Арин несла мой парашют и выглядела спокойно и сосредоточенно. Лифт взлетел на 56-й этаж. Охранники пропустили нас в бар, всего лишь проверив билеты. Первый этап прошёл успешно.

Мы сели и заказали два пива «Кроненбург». Внезапно голова моя закружилась, и я почувствовал, что изо рта начинает течь слюна. Выйдя в туалет, я взглянул в зеркало и был потрясен. Мое лицо было белым, как у призрака. Я протер щеки ледяной водой, постаравшись, насколько возможно, возвратить им естественный цвет. На пути назад к столику меня остановил один из охранников. На сей раз я был уверен, что меня арестуют, и приготовился второй раз в жизни оказаться в наручниках. Однако охранник улыбался и, похоже, только хотел что-то сказать.

— Месье, вы играете в баскетбол? — спросил он вежливо.

С тех пор как мне исполнилось пятнадцать лет, такой вопрос я слышу по нескольку раз в день (причиной этому мой рост), и обычно это слегка раздражает. Но сейчас я, видимо, от облегчения, что меня не собираются арестовывать, оценил вопрос по достоинству и нашел его смешным. Я ответил, что в баскетбол не играю, но довольно хорош в шахматах, и что мы можем как-нибудь сыграть, если ему интересно.

Пока страж порядка раздумывал над ответом, я вернулся к столу и сел рядом с Арин.

Остальные должны были уже быть здесь. Где же они? Мои руки сильно потели, и я часто вытирал их о штаны. Арин толкнула меня ногой и указала на лифт. Они приехали. Я слышал, как контролеры, проверявшие билеты, бормотали что-то о рюкзаке Скотта и глупых американских туристах. Наши друзья прошли охранников и двинулись к площадке; пришло время идти и нам с Арин. Мое сердце бешено стучало, и я боялся, что оно взорвется, но по крайней мере я больше не потел и не чувствовал тошноты.

Идти на площадку было страшно трудно. Я поднялся на одну ступеньку. Остановился в нерешительности. Поднялся ещё на одну. Ноги, казалось, весили тонну. Тело не хотело идти, но мозг подгонял меня. А что, если вместо всего этого спуститься вниз, укрыться в тепле и комфорте и почитать хорошую книгу?

Душа рвалась на части. «Что ты делаешь, Йефто?! Ты с ума

сошёл? Ведь еще можно передумать».

Тяжёлая железная дверь. Табличка с большими красными буквами: «Terrasse d'observation».

Дверь открыли с другой стороны, и не успел я пошевелиться, как меня чуть не затоптала группа японских туристов. Их было человек сорок. Оказавшись на площадке, я вдруг ощутил освежающую волну спокойствия, точь-в-точь как перед прыжком с моста Кохертальбрюкке. И хотя надо было еще преодолеть эту проклятую решётку, я почувствовал себя непринужденно.

Бернар размотал веревку, и Арин достала Клаудию из сумки.

Туристы пока не понимали, что происходит рядом с ними. Маленькие дети бегали вокруг, смеясь и играя, в то время как их родители восхищались невероятным, на их взгляд, видом с башни. Я надел парашют и затянул обхваты. Скотт спросил, готов ли я. Я кивнул. Бернар привязал веревку к стойке забора, взглянул на нас со Скоттом и начал подниматься. Кто-то из туристов сказал: «Что они делают? Они что, чокнутые? Туда лазить нельзя!»

Я стоял к туристам спиной и не испытывал желания оборачиваться. Их как будто не было. Теперь был важен только прыжок. Скотт полез по верёвке. Сейчас моя очередь.

Когда Скотт прыгнул отсюда в первый раз, он заметил, что один из острых стальных шипов на верху решётки отсутствовал, и в это место я поставил ногу, перепрыгивая через неё. Правда, «перепрыгивая» оказалось в данном случае слишком громким словом. Это было нелегко — перебраться через такой забор. Стальные шипы были длиной четыре дюйма, и если бы я невзначай наткнулся животом на один из них, то оказался бы распорот, как свинья на бойне.

Я спрыгнул на металлическую крышу и твердо стоял на ногах, по крайней мере пока. Веревку мы оставили, о ней позаботятся девушки.

Мы бросили вниз рулон туалетной бумаги, чтобы проверить направление ветра. Он дул так же, как и на земле. Мы стояли на «взлетной полосе» двадцать дюймов шириной, которая будет нашей стартовой площадкой. Панорама была впечатляющей. Далеко были видны автомобили и люди размером с муравьев. Бернар был готов. Бросив взгляд на нас, он сказал, что прыгнет через 30 секунд. Нам оставалось только наблюдать.

Я посмотрел вокруг, на толпу, и улыбнулся. Несколько секунд назад эти люди восхищались видом Парижа, как обычные туристы. Теперь это были наши зрители. Их удивлённые глаза широко раскрылись. Тогда я не понимал, что большинство зрителей, вероятно, думало, что мы собирались покончить с

собой.

Бернар отступил немного назад, чтобы сделать короткую разбежку вдоль узкого карниза, на котором мы стояли, и посильнее оттолкнуться от края. Я стоял сзади, глядя на его спину и темные вьющиеся волосы. Крыша скрипела, когда я шел по ней. Все казалось совершенно нереальным. Двое моих хороших друзей и я находились на высоте 693 фута над землёй, готовясь прыгнуть с крыши здания. Невольно оценив наш внешний вид, я рассмеялся про себя. Бедные зрители должны были быть ошарашены. Бизнесмен собирается совершить самоубийство вместе с американским туристом и французским студентом: такое не каждый день увидишь. Бернар подтянул ножные обхваты, взял правой рукой вытяжной парашют и в последний раз проверил своё снаряжение. Коротко взглянув на нас, он сделал четыре длинных шага и мощно прыгнул в парижский воздух. Он немедленно исчез из вида.

Скотт подошел к углу здания, лёг на живот, чтобы лучше видеть, и сообщил, что Бернар благополучно висит под куполом. Теперь была очередь Скотта. Своё снаряжение он проверил особенно тщательно, чтобы быть уверенным, что все в порядке. Он не хотел повторить ошибку, почти стоившую ему жизни в нашем ночном прыжке с Кохертальбрюкке. Желая оказаться в падении как можно дальше от здания, он выбрал для прыжка место в 30 футах от угла. Нужно только было разбежаться достаточно энергично. На голове у него была небольшая белая кепка с изображением башни Эйфеля, которую он купил в магазине подарков. Ясно, что в падении кепка улетит, но Скотт считал, что она принесёт ему удачу. Он показал мне обе руки с поднятыми вверх большими пальцами, красиво прыгнул и исчез в пустоту.

Пришла моя очередь. Я подождал десять секунд, чтобы между Скоттом и мной было достаточно высоты. Теперь он уже должен был лететь на парашюте, готовясь приземлиться. Столкновения парашютистов в воздухе происходят просто потому, что один из них недостаточно долго ждал перед прыжком. Я был окружен стеклом и сталью; на земле меня ждали фонарные столбы, дорожные знаки и автомобили. Ничего общего с лужайкой на площадке приземления дропзоны или под мостом Кохертальбрюкке. Я заметил симпатичную девушку приблизительно 25 лет с красивыми темно-коричневыми волосами. Ее теплая улыбка дала мне дополнительную поддержку, так нужную сейчас.

«Ну — теперь или никогда!» — сказал я себе и побежал с вытяжным парашютом в руке по узкому жестяному карнизу. Как

раз перед углом крыши, откуда надо было прыгнуть, я мельком взглянул под ноги, чтобы не споткнуться. К сожалению, фактически это заставило меня нагнуться и свалиться с башни Монпарнас.

Я прыгнул с крыши башни вниз головой. Но тогда я об этом не думал. Я был в свободном падении над Парижем.

Какое невероятное чувство! Между своими ногами я видел, как здание будто бежит с большой скоростью мимо меня. После двух секунд падения я посмотрел вниз — с ещё более потрясающей скоростью на меня летела земля. Я сосчитал до трёх и отпустил вытяжной парашют. Секунду спустя Клаудия с ударом раскрылась, в который раз спасая меня. Я опять взглянул вниз и увидел Скотта. Ощущение, что мы это сделали, было неописуемым. Все шло прекрасно… пока.

На парашюте типа «крыло» приземляться нужно против ветра. Мягко приземлиться на современном парашюте столь же легко, как встать утром с кровати. Если всё делать правильно.

Примерно на 165 футах над землей до меня дошло, что я лечу по ветру. По некоторым причинам, не иначе как из-за всплеска радости после раскрытия, повернуть против ветра я забыл. Сильно потянув правую стропу управления, я сделал резкий разворот. К сожалению, всякий парашют типа «крыло» в повороте теряет высоту сильнее обычного и разгоняется… Перед приземлением стало ясно, что оно будет более чем жёстким. Земля с огромной скоростью мчалась навстречу, и в следующее мгновение я услышал звук удара о неё своего тела. Бум! Шмяк! Хрясь!

Когда я открыл глаза, оказалось, что я лежу на спине у подножия какой-то лестницы футах на 16 ниже уровня земли. Первым, что я понял, было то, что еще жив. Осторожно пошевелил руками и ногами — ничего, казалось, не было сломано. Прибежал Рэнси, мой друг из Камбоджи, наблюдавший за прыжками. Он видел моё приземление и боялся, что я убился. Собрав все силы, какие нашлись, я встал и поднялся по ступенькам, по которым, получается, только что съехал вниз. При каждом шаге правую ногу пронзала боль. Я был рад видеть Бернара, который, однако, сказал тревожным голосом, что Скотт повредил ногу и не может бежать. Сейчас нам надо было уходить как можно быстрее, и у меня не было времени, чтобы поговорить с Рэнси.

Бернар и я побежали к метро. Скотт не мог сделать то же самое и выбрал другой путь отхода. Мы договорились встретиться у него в квартире, если что-нибудь пойдёт не так, как надо. Не тратя время на покупку билетов, мы просто перепрыгнули через

турникеты. Усевшись наконец в вагоне, мы обнялись. В ногах у нас лежали ранцы с кое-как запиханными в них куполами, но, странно, ни один из пассажиров не обратил на них внимания. Было трудно толком понять всё, что сегодня произошло, потому что события развивались очень быстро.

Внезапно я почувствовал, что по лодыжке вниз сочится что-то теплое. Осторожно я потянул вверх правую штанину, и у меня перехватило дыхание. В голени зияла дыра, и из неё свисала наружу часть мышцы.

Как можно спокойнее я сказал Бернару, что мне надо кое-что уладить и до квартиры Скотта я доберусь позже. Конечно, он спросил, что случилось, и пришлось опять поднять штанину и показать всю эту красоту. К сожалению, пожилая женщина, сидевшая напротив, увидела мою окровавленную ногу и завопила: «А-а-а-а-а-а-а-а!»

Она, должно быть, была одной из тех людей, которые не могут выдержать вида крови.

Бернар сказал мне о хорошей больнице около собора Нотр-Дам. Дыра в ноге выглядела так чисто, как будто кто-то сделал её острым ножом. Я подумал о зверском приземлении и вспомнил, что здорово ударился о что-то правой ногой как раз перед тем, как грохнуться на спину.

Мы выбежали из метро и стали искать такси. В час пик в Париже, как наверное, и везде, свободное такси найти нелегко, но удача оказалась на нашей стороне. Я заметил пару, собиравшуюся сесть в такси, показал им свою окровавленную ногу и вежливо спросил, не позволят ли они сесть туда нам. При виде моей раны муж вытащил жену из машины, и несколько минут спустя я дохромал до приёмного покоя больницы Отель-Дье, опираясь на Бернара.

Я потерял довольно мало крови и чувствовал только головокружение. Пациентов, должно быть, в тот вечер было мало, потому что вокруг меня собрались целых пять молодых людей в белых халатах, расспрашивая: «Как это случилось? Чем тебя ударили?»

Мою рану обсудили в медицинских терминах и положили меня на стол, чтобы осмотреть. Носок на раненой ноге был тяжелым от крови и имел жалкий вид. Он немедленно отправился в мусор. Я спросил, нельзя ли поговорить с дежурным доктором, но мне ответили, что он неизвестно где. Они исследовали рану и стали приводить в ней всё в порядок, чтобы затем зашить. На вопросы, что случилось, я ответил, что упал с эскалатора. Это, похоже, их нисколько не удивило. Я мельком увидел лицо Бернара, которое было тревожно бледным. Вскоре он вышел. Он

видел слишком много крови.

Когда люди в белых халатах начали обсуждать, должно ли сухожилие пойти выше или ниже мускула, у меня возникло некое подозрительное ощущение. Я чувствовал себя не так плохо, чтобы не понимать, что делается вокруг, и не мог не подумать, что они говорят что-то не то. Мой взгляд наткнулся на небольшую табличку, приколотую на груди одного из них, и я прочёл там имя, а ниже — слово «Стажер». Я посмотрел на такие же значки у других, и у всех было написано то же самое: «Стажер».

Что, черт возьми, такое! Оказывается, это студенты, которые не разбираются в том, что делают! Я был разъярен. У меня тут серьезная рана, а они не знают, где должно быть сухожилие, а где мускул.

Я стал кричать, ругаться и требовать дежурного доктора. Он появился через несколько минут. Ему было лет сорок, и ногу мою он осмотрел уверенно, но почему-то решил зашить рану без анестезии, что оказалось не очень приятно. Доктор заметил, что мне не терпелось уйти восвояси, и работал быстро. Вскоре, припадая на ногу, украшенную 17 стежками, я дохромал до такси, ожидавшего рядом с больницей. По дороге к квартире Скотта я думал об ошибке, которую сделал, и как легко, похоже, отделался, поскольку вполне мог закончить свой жизненный путь, лёжа на спине под той лестницей.

Дверь в квартиру Скотта была приоткрыта, и изнутри слышалась музыка в стиле блюграсс. Войдя, мы с Бернаром увидели, что Скотт сидит на кровати, и одна его нога на подушке. Мария, Арин и Элена сидели с ним рядом и разговаривали. Увидев, что мы пришли, Скотт с большим усилием встал и обнял нас обоих.

— Мы сделали это, — прошептал он мне в ухо.

Скотт, похоже, серьезно травмировался. Его нога распухла и посинела. Он был бледен, на лбу выступил пот.

Я сел рядом и похвастался своей раненой ногой. Он посмеялся над историей о студентах, которые не знали, куда девать сухожилие. Скотт подозревал, что его собственная нога сломана, но надеялся, что ошибается. Он, однако, уже дважды ломал эту ногу: однажды, когда ему было десять лет, упав с лестницы, и в другой раз, катаясь на горных лыжах. Мы поблагодарили девушек за помощь и попросили, чтобы они уехали. Нам надо было поговорить кое о чём, что для женских ушей могло быть слишком.

Несмотря на рану, Скотт вынул банджо и сыграл несколько мелодий. Мы стали подробно обсуждать наши прыжки, и тут Скотт рассказал кое-что, от чего у меня по коже поползли

мурашки.

Отделился он правильно, точно согласно рекомендациям Карла и Джин Бениш, высоко подняв голову и направив взгляд на горизонт. После четырех секунд свободного падения он отпустил вытяжной парашют. И тут началось: купол открылся носом прямо к зданию, и Скотт врезался в окно. Оттолкнувшись от него ногами, он улетел прочь. После столкновения со зданием Скотт был несколько не в себе и приземлился небрежно. И он слышал, как в момент приземления нога хрустнула.

Скотт смеялся над мыслью о том, что, возможно, какая-нибудь секретарша видела, как он летит к окну ее офиса на высоте 330 футов над землей. Интересно, как она потом рассказывала об этом? «Идите скорее сюда! Кто-то хочет влететь ко мне в окно!»

Бернар, наименее опытный из нас, сделал прекрасный, от отделения до приземления, прыжок безо всяких неприятностей.

Все мы после этих приключений были физически и психологически измотаны и думали теперь только о том, как бы поскорее уснуть в теплой удобной кровати. Бернар отправился к своим родителям в Байи, парижский пригород. Я остался со Скоттом. Мы решили, что так будет лучше — сможем помочь друг другу, если что, поскольку оба временно были не в лучшей форме. Я рассказал, как объяснил свою рану больничному персоналу, и мы согласились не говорить никому правду о том, как получили наши травмы. Если рассказывать всю историю о наших прыжках каждому, кто спросит: «Что случилось?», у нас не хватит терпения. Более практично будет состряпать короткий правдоподобный рассказик. После некоторого обсуждения мы придумали следующее:

«Мы изрядно выпивши возвращались с вечеринки в другом конце города. У эскалатора метро мы в шутку начали бороться — толкались, тянули друг друга за одежду и всякое такое. Ступив на эскалатор, Скотт внезапно потерял равновесие, и мы покатились по ступенькам. Скотт сломал лодыжку, а я краем ступеньки разрезал ногу».

Вот что мы расскажем всем любопытным, кто спросит о наших повреждениях. Я волновался, что никто нам не поверит, но тут уж ничего не поделаешь.

Утром я пробудился с ужасной болью в ноге. Она была жесткой, как бревно, и ей было трудно даже пошевелить. До ванной я добрался только с помощью Скотта. Пока я чистил зубы, решил, что Ильфе Бертельсон надо сказать правду. Будет несправедливо лгать ей. Она ведь в своё время отпустила меня на день, чтобы прыгнуть с Кохертальбрюкке. Ну, а все мои коллеги

услышат искусственную версию.

Чтобы одеться, мне пришлось мобилизовать все силы. Никогда прежде я не испытывал боли только от того, что надевал носки.

Я дохромал до лифта, спустился вниз и, запинаясь за всё, что попадалось на пути, вышел на улицу. До метро было футов 1000, и при каждом шаге мне казалось, что всё, больше не могу. Оказавшись наконец в метро, я был на грани обморока. Каким-то образом, несмотря на полубессознательное состояние и утренний час пик, я всё же добрался до «Фаси».

Первый человек, с кем я столкнулся, был Рэнси. Он посмотрел на меня и спросил, серьезна ли рана. Я попросил, чтобы он пошел со мной в туалет, и я покажу ему её. Там я поставил ногу на унитаз, и Рэнси исследовал мою рану. От вьетнамской войны у него остался обширный опыт обращения со всеми видами телесных повреждений, и он оценил время моего восстановления в четыре месяца.

Когда Ильфа услышала мою историю, то рассмеялась. Она не могла поверить, что я прыгнул с башни Монпарнас, и сказала, что никогда в жизни не слышала ничего столь сумасшедшего. Когда в конце концов она поняла, что я говорю правду, то, к моему приятному удивлению, спросила, каковы ощущения в свободном падении со здания и сколько секунд я падал. Ильфа ничего не знала о BASE-прыжках, но очень интересовалась спортом. Она часто ходила на лыжах и любила всё необычное.

Ильфа сообщила мне, что генеральный директор Стеллан Хорвиц как-то узнал о моём прыжке и травме и хочет видеть меня в своём кабинете. Стеллан Хорвиц был директором компании уже год. Он был высоким, худощавым, с темно-коричневыми волосами, всегда одевался в элегантные костюмы и носил французские ботинки Weston. Я постучал в дверь его кабинета и вошёл. Он сидел за столом, сложив руки на полированном дереве.

— Что ж, — начал он. — Я знаю, что с тобой произошло. Больше не делай ничего подобного. Пойми, что, пока ты работаешь здесь как стажер, я отвечаю за тебя. Просто будь более ответственным.

Я спокойно слушал то, что он должен был сказать. Он понял, что в теперешнем состоянии я совершенно не гожусь для работы, и дал мне отпуск на две недели. Когда я собирался уйти, он остановил меня и спросил:

— Йефто, почему ты сделал это? Зачем ты прыгнул с того здания?

Я посмотрел ему в глаза и ответил, что сделал это, чтобы

почувствовать, что я ещё жив. Не думаю, что Стеллан Хорвиц понял, почему я прыгнул с башни Монпарнас, и у меня не было никакого желания объяснять ему это подробно. Это был первый и последний раз, когда я говорил с генеральным директором Стелланом Хорвицем.

Когда тем вечером я вернулся на авеню де Сакс, квартира Скотта была пуста. Его банджо оставалось в одиночестве на кровати. На кухне был полный беспорядок. Пустая коробка болеутоляющих, которую Скотт и я разделили предыдущей ночью, валялась на полу. Не иначе как он отправился в больницу подлечить ножку. Когда несколько часов спустя он вернулся, то выглядел так, как будто потерял все, что имел, и даже больше. Он сел на кровать и глубоко вздохнул. Рентген в больнице показал, что кости его ноги больше походили на беспорядочно разбросанные палки. Когда он спросил, сколько костей сломано, доктора могли только сказать: «Много». Операция намечалась через несколько дней, когда нога будет укреплена винтами, штырьками и болтами. Наша небольшая авантюра обойдётся Скотту немного больше чем в 20 000 франков. Худшим во всём этом была не операция, а то, что известный спортивный врач сказал, что ему нельзя будет даже бегать, а не только прыгать с парашютом.

Никаких 20 000 франков у Скотта не было. Он долго колебался, прежде чем попросить помощи у Ива Сен-Лорана, и с облегчением узнал, что Ив даст ему их взаймы. Операцию надо было сделать как можно скорее, поскольку со времени перелома уже прошло два дня. Скотт больше всего доверял Hopital Americain, больнице, где некоторые врачи специализировались на спортивных травмах. Они придирчиво исследовали его ногу, чтобы выяснить, как её отремонтировать.

Пока Скотт готовился к операции, я два раза в неделю ходил в больницу Отель-Дье на перевязку. Медсестры были дружелюбны и компетентны. Стажёров, плохо разбиравшихся в анатомии, я больше не видел. Не работая мышцами травмированной ноги всего несколько дней, я чувствовал, как они медленно, но верно перестают мне повиноваться. В больнице мне дали костыли, и только с их помощью я был в состоянии ходить.

Когда я впервые навестил Скотта в больнице, то был удивлен спартанской обстановке. Я всегда считал частные больницы роскошными учреждениями, но здесь было не так. Палата Скотта была маленькой, с белёными стенами. Помимо кровати там было два деревянных стула для посетителей и маленькая тумбочка. Скотт просиял, увидев меня. Его нога до колена была в гипсе и висела в воздухе. Скотт был бледен, но в хорошем настроении.

Пища была настолько плохой, что два дня он отказывался есть, медсестры — так себе, а пациент в соседней палате ненавидел его, потому что в первый же день он начал играть на банджо. Сосед говорил, что убьёт Скотта, если он не прекратит играть свою «американскую западную музыку». Когда Скотт думал, что это страдание стоит 20 тысяч франков, ему становилось смешно.

Я принес полную сумку гостинцев для Скотта: упаковку из шести бутылок пива Pilsner Urquell, виноград, апельсины, сушёные абрикосы и газету «Интернешнл Геральд Трибюн». Скотт проводил время в больнице, записывая свои мысли и чувства в дневник. Мы говорили о том, что же заставляет таких, как мы, с удовольствием прыгать со зданий. Ни у кого из нас не нашлось толкового ответа.

Многие, с которыми я разговаривал, объясняют это подсознательной предрасположенностью к самоубийству, желанием быстро покончить с жизнью. Я полагаю, что всё наоборот. BASE-прыжок — способ почувствовать, что ты вправду жив. Вот ты стоишь там, волнуясь, боясь, концентрируясь, а в следующую секунду летишь к земле, которая совсем близко. Ты как будто покидаешь на короткое время земную жизнь, чтобы возвратиться мгновение спустя (как мы надеемся!). Я думаю, что всё дело в осознании смертельного риска, который делает парашютный спорт и BASE-прыжки в частности таким захватывающим делом. Рискованные спортивные состязания, такие, как свободное падение, подводное плавание и альпинизм, — удел небольшой группы личностей, ищущих приключений. Из 8.5 миллионов шведов только 3000 парашютистов. Я не думаю, что это число когда-либо сильно увеличится, потому что свободное падение — занятие для людей с определенным взглядом на жизнь. Интересно отметить, что те, кто занимается рискованными видами спорта, психологически очень похожи. Исследование показало, что парашютисты, альпинисты, водолазы, летчики-истребители и так далее жизнерадостны и инициативны, часто до авантюризма. С другой стороны, они склонны к принятию обильного количества алкоголя и экспериментам с различными наркотиками. Скотт и я интересовались не ответом на вопрос, почему свободное падение и BASE-прыжки так волнуют нас, а скорее тем, почему определенные люди занимаются рискованными видами спорта. Возможно, это запрограммировано в нашей ДНК?

В больницу к Скотту я ходил через день и однажды на прикроватной тумбочке увидел огромный букет цветов. Рядом с цветами были три больших красивых книги о Сезанне, Мане и Тюрнэ. Оказывается, Ив Сен-Лоран и его деловой партнер Пьер

Берж нанесли неожиданный визит. Ещё они принесли коробку темных бельгийских конфет. Скотт рассказал, как Пьер Берж несколько раз спросил, неужели он сломал ногу действительно в результате прыжка с башни Монпарнас, и когда наконец поверил, то заявил со смехом, что никогда в жизни не слышал ничего настолько необычного.

После двух недель в больнице настроение Скотта улучшилось. Больница не стала более гостеприимной, просто приближалась дата выписки. Однажды вечером, когда мы опять обсуждали наши прыжки, Скотт посмотрел мне в глаза и сказал: «Йефто, знаешь что? Мы сами всё испортили. Мы никогда не говорили о приземлении, когда планировали прыжки. Именно поэтому всё так вышло».

Мы сделали непростительную ошибку. Мы сделали одну и ту же ошибку дважды.

Ошибка состояла в том, что мы вбили себе в голову возможность нашего задержания или ареста до или после прыжка. И гораздо больше думали, как избежать этого, чем собственно о прыжке. Проблема была в наших головах, а не в действительности.

Можно сделать ошибку, но не ту же самую дважды. Если я намерен сделать BASE-прыжок, моя личная безопасность должна быть на первом месте, а риск того, что меня арестуют — на втором. Прыгая с самолета, можно летать под куполом несколько минут, прежде чем наступит приземление. Полно времени, чтобы выбрать посадочную площадку. Прыжок с башни Монпарнас длился только 25 секунд: секунд пять свободного падения и 20 секунд полёта под куполом. Важно начать готовиться к приземлению, как только купол раскроется. В запасе нет ни одной секунды. Посадочная площадка должна быть тщательно и точно выбрана заранее.

И Скотт и я сделали серьезные ошибки. Я начал планировать свое приземление за несколько секунд до того, как врезаться в лестничную клетку. Мало того, я сделал резкий поворот слишком близко к земле, худшая вещь, которую можно сделать с куполом типа «крыло». Удивительно, как я не переломал себе все кости. Перелом ноги Скотта был результатом небрежного приземления, когда он плохо соображал после столкновения со зданием. Еще более серьезным был факт, что он врезался в это самое здание. После раскрытия купола произошла закрутка строп, и стропы управления оказались зажаты остальными стропами. Летя прямо на здание с неуправляемым парашютом, он не мог ничего сделать, чтобы избежать столкновения. Скотту крупно повезло, что при ударе о здание купол не погас. Он небрежно его

укладывал? Только Скотт мог ответить на этот вопрос, и я сомневался, что даже он знал ответ.

Доктор Скотта подтвердил, что его восстановленную ногу теперь перегружать нельзя, и сказал, что она может легко сломаться снова, если быть с ней небрежным. Скотт решил приземляться в будущих прыжках на одной ноге, левой. Не было никакого сомнения, что он вернётся в свой любимый спорт.

После двух недель отдыха я вернулся на работу. Моя нога стала выглядеть лучше, но ступать на неё все еще было нельзя. Во время перерывов на ленч Рэнси помогал мне разрабатывать её: я сидел на стуле, а он сильно держал выпрямленную ногу руками. Преодолевая его сопротивление, я старался опустить её на пол. Потом мы стали делать наоборот. Я пробовал выпрямить опущенную ногу, а он снова удерживал её от этого. Эти упражнения были просты, но очень эффективны. После больше чем двух недель бездействия моя нога была похожа на полусгнивший стручок ванили. Мускулы долго не работали и требовали некоторой тренировки.

Слухи о моих авантюрах распространились по всем отделам фирмы.

Шел ли я вниз, на склад, или наверх, в отдел маркетинга, происходило оно и то же. Каждый знал. Я слышал, как позади меня шептали: «Смотри. Вон он, тот сумасшедший стажер. Я слышал, что он прыгнул со здания».

Я продолжал раз в неделю ходить к медсестрам в Отель-Дье на перевязку. Однажды при этом я поговорил с врачом, который сообщил, что мне очень повезло. Он объяснил, что я был в трёх восьмых дюйма от потери ноги ниже колена. Рана была именно на таком расстоянии от главного сухожилия между мышцей голени и бедром.

Лечение в больнице было бесплатным, но все равно приходилось звонить родителям в Лунд, чтобы попросить у них денег. Я потерял заработок за те две недели, которые был в отпуске, и не мог заработать где-то ещё. Мои родители не знали о прыжках с Кохертальбрюкке, и говорить им о прыжках с башни Монпарнас я тем более не имел никакого желания. Однажды вечером после работы я позвонил домой. Ответила мама.

— Привет, мама, это Йефто. Как у вас дела?

— У нас всё в порядке, а у тебя? — спросила она.

— Ну, я малость повредил ногу. Ничего серьезного, но я хотел спросить…

Мама перебила меня.

— Что случилось, Йефто? — спросила она тревожным голосом. — Скажи мне, Йефто.

Я выбрал версию про метро и попробовал рассказать её как можно увереннее.

— Ну, Скотт и я упали в метро с эскалатора и немножко травмировались. У меня теперь на ноге несколько стежков, но, говорю, это несерьезно.

Она замолчала. Разве она мне не верит?

— Знаешь что? Я завтра прилечу в Париж, поухаживаю за тобой. Приготовлю что-нибудь, приберусь…

Я немного подумал. Нельзя, чтобы моя мама мысленно прошла через все мои неприятности только потому, что у меня на ноге несколько стежков. Если она приедет в Париж, то скрыть правду будет невозможно. Придётся всё ей рассказать.

— Нет, спасибо, мама, это нисколько не нужно! У меня всё прекрасно. Но я был бы очень благодарен, если ты немного помогла бы мне деньгами, — ответил я.

— Конечно, мы поможем, мой любимый. Но ты уверен, что не хочешь, чтобы я приехала в Париж? Я была бы счастлива помочь тебе.

— Да, я абсолютно уверен. Скотт и я заботимся друг о друге.

— Знаешь что? — сказала она. — Я пошлю тебе завтра немного денег. Сколько тебе надо?

— Тысячу пятьсот франков было бы достаточно, — ответил я.

— Хорошо, Йефто. Я скажу папе сходить завтра в банк и послать тебе чек.

Живи там хорошо и звони, если тебе что — нибудь понадобится.

Я обещал, что так и сделаю.

Повесив трубку, я сел на кровать. Я сделал это. Я фактически ей соврал.

Мои отношения с родителями всегда были открытыми и честными, и врать им было очень неприятно, но сейчас я чувствовал, что это меньшее из двух зол. Если я хочу прыгать BASE и дальше, излишне волновать их нельзя. Когда придёт время, я расскажу им о наших приключениях от начала до конца.

Охота началась

Моя травмированная нога наконец достаточно выздоровела, чтобы держать мой вес, и я снова мог ходить без костылей, хотя и медленно. Скотту должны были скоро снять гипс, и мы стали думать о следующем BASE-прыжке. Зачем нам надо было снова подвергать себя опасности, когда предыдущий прыжок обернулся такими неприятностями? Нас вела к этому жажда приключений. Мы попали в адреналиновые сети.

В обсуждениях возможных объектов снова и снова заходил разговор о башне Эйфеля. Сможем ли мы в падении улететь на достаточное расстояние от расходящихся книзу её прутьев?

Башня Эйфеля — это что-то волшебное. Это первое, что приходит на ум иностранцу при мыслях о Париже. Я не думаю, что какое-нибудь другое здание в мире столь любимо очень многими людьми. Думайте, что хотите, но без башни Эйфеля Париж не был бы Парижем. При строительстве этой башни не погиб ни один человек, что поразительно, если подумать об относительно примитивной технологии строительства конца 19 века. Однако с самого первого дня, в который башня открылась для публики, люди приезжали сюда, чтобы умереть. На время написания этих строк больше 430 человек совершили самоубийство, прыгнув с площадки в 915 футах над землей. В 1963 году один испанец после ожесточённого спора выкинул свою жену с третьего этажа башни. Женщина, которая была довольно увесистой, как говорят, сделала в земле немаленькую вмятину.

Мы знали, что на вершине этой башни тоже был забор, установленный, чтобы помешать людям прыгать с неё, но не сомневались, что сможем его преодолеть, если захотим. Вместе мы поднялись на башню на лифте, чтобы определить возможность успешного прыжка. (Это было перед тем, как американец Б. Дж. Ворт прыгнул с башни как дублёр Грейс Джонс в фильме о Джеймсе Бонде «Лицензия на убийство»). Вид был невероятным. Обширные лужайки Марсова поля представляли собой огромное количество площадок приземления. Мы поняли, что технически прыжок будет только немного труднее, чем с башни Монпарнас. Скотт был воодушевлён и высказывался в пользу башни Эйфеля. А я колебался. Я хотел сделать следующий BASE-прыжок в мирном и тихом месте. Должно быть, я нервничал после прошлого сокрушительного приземления.

После нескольких дней обсуждения я объявил Скотту и Бернару, что не хочу прыгать с башни Эйфеля. Они поняли мое решение, и началась «охота» на другой объект. Мы решили найти

такой, который понравится всем нам троим.

Бернар придумал превосходную идею — искать подходящие объекты в большой библиотеке культурного центра имени Жоржа Помпиду. Этот центр вызвал большие споры, когда был построен. Это чрезвычайно современное здание, возвышающееся посередине старых парижских рынков, выделяется расположенным снаружи застеклённым эскалатором, поднимающим наверх посетителей.

Мы стали искать по словам «современная архитектура» и с большим интересом отметили, что в одной только Франции было приблизительно 30 антенн высотой 1000 футов или больше. Бернар, правда, сообщил, что они очень хорошо охраняются. Каждая антенна окружена высоким забором, за которым живут охранник антенны, его семья и одна или две немецких овчарки, обученные нападать на непрошеных гостей. Я не прельстился необходимостью перерезать проволочные заграждения и бороться с немецкими овчарками.

Скотт нашел еще кое-что интересное — дамбу в Швейцарии. Это была бетонная дамба в маленькой деревне Мовуазен, 660 футов высотой и, по-видимому, идеальная для прыжка. На следующей странице в книге красовалась фотография 760-футовой дамбы в Диксенс, тоже в Швейцарии. Мы стали обсуждать, к каким из бейсерских обьектов относятся дамбы — к зданиям или к мостам? Скотт утверждал, что только к зданиям. Мы решили, что Скотт свяжется с парашютистом из Берна по имени Тим Брухаузер. Он сделал 65 BASE-прыжков и, конечно, хорошо знал Швейцарию. Может, он прыгал и с дамб?

А пока что, не желая ограничивать себя дамбами, мы продолжили поиск. В дополнение к Тролльвеггену в Норвегии хорошим местом был Эль-Капитан, утес в Йосемитском национальном парке, с которого Карл Бениш сделал первые BASE-прыжки. Он 3000 футов высотой, и вершина его немного нависает над склоном; для BASE-прыжков это идеал. Но это далеко, и у нас не было денег на поездку туда.

Сидя на полу между двумя рядами книг, Скотт и Бернар усердно искали. Скотт нарушил тишину: «Я нашел кое-что крутое. Утес высотой 1000 футов в Англии».

Я подошел посмотреть на фотографию и сразу понял, что он шутит. Склон утеса был направлен наружу и уходил прямо в море. Если мы не врезались бы в него после 30 футов свободного падения, так после 60. Я немедленно представил, как ухожу под воду, обмотанный тяжелым от воды куполом.

Устав разглядывать книги, я уселся в удобное мягкое кресло и закрыл глаза. Мысли мои отправились в свободный полёт.

Перед глазами очутились Сконе и красивая природа вокруг. Когда мне было 12 лет, у нас был летний дом в середине густого леса. Одним из моих любимых занятий тогда было строить хижины в лесу. Я рубил, пилил, плел и копал, пока не построил небольшой закуток, способный противостоять любому урагану, по крайней мере я так думал. Когда я не строил хижин, то ловил рыбу в маленьком ручье недалеко от дома. Я мог много часов сидеть и наблюдать за самодельным поплавком. Время от времени небольшой голец утаскивал его под воду. Моей реакции хватало, чтобы вовремя сделать подсечку, и после целого дня, проведённого таким образом, я часто приносил домой несколько форелей. В лесу обитало много животных, и больших, и маленьких. Иногда в окно заглядывали любопытные олени. Природа и ее тайны начинались прямо за дверью.

Непроизвольно мои мысли о естественной красоте провинции Сконе переплетались с причиной, по которой я сидел в кресле библиотеки: поиск места для BASE-прыжков. Можно ли прыгнуть BASE в Швеции? Мысленно я составил список всех возможных шведских объектов, которые могут для этого подойти. Мост между Кальмаром и островом Эланд был в красивом месте, но, вероятно, недостаточно высок. Он скорее годится для ныряния в воду, чем для BASE-прыжков. В Швеции нет никаких подходящих гор. А как насчёт антенн? Большинство из них окружено непроходимым лесом, в котором приземлиться невозможно. Нет, нам нужна антенна в открытом месте, но не очень близко к жилью.

Антенна Хэрбю! Что же я раньше не подумал о ней? Это как раз то, что мы искали. Она находится приблизительно в 20 милях к северо-востоку от Лунда, на середине равнины Сконе. Я не был точно уверен, какова её высота, но предполагал, что около 1000 футов — достаточно высоко для нас. Я поделился своей идеей с Бернаром и Скоттом, и оба они нашли это интересным. Мы перебрались из библиотеки в маленький бар в том же доме и продолжили разговор. Естественно, надо было собрать об этой антенне столько информации, сколько возможно, прежде чем прыгать. Какова в точности её высота? Сколько у неё растяжек? Она охраняется? Сможем ли мы включить там лифт, чтобы не надо было лезть по лестнице? Вопросов оказалось много, и мы хотели побыстрее получить ответы.

Я позвонил другу в Мальмё, Герберту Седергрену, который, как я думал, мог бы нам помочь. Герберт и я впервые встретились в парашютном клубе Сконе. Он был инструктором с почти 700 прыжками, но BASE не прыгал. И вот однажды вечером я посвятил его в наши планы прыгнуть с антенны Хэрбю. Сказать, что Герберт

был удивлен, значит ничего не сказать, но он обещал помочь, исследовав антенну. Ещё я попросил его сделать несколько фотографий антенны, чтобы показать Скотту и Бернару. Две недели спустя от Герберта прибыл толстый конверт с информацией, которую мы просили.

С помощью авиационных карт Герберт выяснил высоту антенны, которая оказалась 1 089 футов. Однако оставалось неизвестным, сможем ли мы подняться на самый верх, поскольку последние 100–130 футов конструкции антенны обычно представляют собой непосредственно телевизионную антенну. Антенну окружал высокий восьмифутовый забор, но он не казался слишком трудным для преодоления. Растяжки оказались разделены на три группы, каждая из которых состояла из нескольких тросов, находящихся в одном месте, но присоединённых к антенне на разной высоте. Это очень важно; угол между группами растяжек целых 120 градусов, что даёт нам много места для падения и полёта на парашюте. В маленькой роще деревьев около антенны мы сможем на время прыжка спрятать машину. Герберт также узнал, что служащие обычно уходят около 17:00. По выходным там никого нет. Он не смог только выяснить, можно ли включить там лифт. Герберт заметил его у основания антенны, но не хотел рисковать, что его поймают, когда он попробует нажать на кнопку. Поэтому вопрос с лифтом мы отложили на потом.

Каждый раз, планируя BASE-прыжок, мы давали волю нашему черному юмору, начиная после нескольких кружек пива шутить о смерти. «Можно мне взять твой магнитофон, если ты убьёшься?» или «Хочешь, я доставлю твое тело родителям?» Такие разговоры о гибели друг друга могут шокировать, но для нас это был способ привыкнуть к факту, что наш спорт очень опасен, и может случиться всё что угодно. Для нас важно было думать не о самой грозящей нам опасности, а над тем, как избежать её.

Я понял, что риск серьёзно разбиться во второй раз относительно высок. Мы были пионерами спорта, который в Европе делал только первые неуверенные шаги, и должны были быть готовы ко всем опасностям.

Мы, кстати, долго пытались придумать себе название. Предложения типа «BASE-банда», «BASE-мальчики» и «BASE-трио» были отклонены, потому что мы сочли их слишком скучными. Нужно захватывающее название, живое и вдохновляющее. Кто-то предложил «Клуб Идиотов», и все мы подумали, что это прекрасное название. Легко произносимое, короткое, содержательное и достаточно глупое, чтобы услышавшие его заинтересовались, что оно значит. Мы решили обязательно им

воспользоваться, если когда-нибудь какой-нибудь журналист захочет о нас написать.

Прежде чем ехать в Швецию к антенне Хэрбю, мы решили неделю отдохнуть отдельно друг от друга. Мама говорила мне, что отец с младшим братом Мики проводят отпуск в маленькой рыбацкой деревне Трстено, которая находится в 18 милях к северу от средневекового города Дубровник на Адриатическом побережье Хорватии. С тех пор, как мне исполнилось пять лет, мы ездили туда каждое лето.

Дело в том, что мой отец родился в 1911 году в Сараево. В школе он учился сперва в Югославии, а потом в Италии. Затем он поехал в Соединенные Штаты, чтобы изучать теоретическую физику в Принстоне. Одним из самых незабываемых событий во время учёбы в Штатах было то, что как-то он бросил снежком в Эйнштейна, офис которого был по соседству с аудиторией, где папа занимался. Папа только никогда не говорил, кинул ли Эйнштейн снежок обратно в него или нет и чем, собственно, всё закончилось. Прослужив некоторое время в 101-й воздушно-десантной дивизии, он возвратился в Югославию, где женился на Иванке. У них было двое детей, Лада и Даника. Брак с Иванкой длился десять лет. Потом он уехал в Штаты, женился там на женщине по имени Полли, год спустя развелся с нею и вернулся опять в Европу. Больше 30 лет я старался узнать у отца что-нибудь об этой Полли, но, кроме имени, так до сих пор ничего и не знаю.

В конце 50-х годов премьер-министр Югославии Тито решил, что Югославия должна создать атомную бомбу. Мой отец был выбран руководителем этого проекта, но немедленно вступил с Тито в конфликт. Когда Тито заметил, что папа преднамеренно задерживал работы по проекту, начались различные преследования: ограничения на поездки, ночные анонимные звонки по телефону и частые придирки со стороны полиции по необоснованным поводам. Папа обратился за помощью к друзьям-физикам в Швеции. Физик Торстен Густавссон, приехавший ему помогать, был не кем иным, как советником шведского премьер-министра Таге Эрландера. Умело применив определённое политическое давление, он сумел добиться того, что в 1960 году папа уехал в Скандинавию. Он получил работу в институте Нильса Бора в Копенгагене, где познакомился с будущей третьей женой, Карин-Биргиттой Хальберг. Они поженились в 1961 году. Два года спустя родился я, а через два года — мой брат Мики. Мы ездили в Югославию так часто, как могли, так что Мики и я неплохо знали родину нашего отца и наших сестёр, Ладу и Данику.

Поездка в Хорватию была длинной. После 36 часов на поезде и автобусе я наконец стоял перед огромным платаном, гордостью Трстено, и душа моя наполнилась радостью. Я не был здесь три года. По извилистой дорожке я спустился к морю. День был замечательный. Солнце сияло в ясном синем небе, и воздух пах морем и кипарисом.

Дивные ароматы распространялись главным образом из древесного питомника, красивого парка вокруг деревни. В конце 18-го века один ботаник начал привозить сюда растения из различных уголков мира, и теперь, больше 200 лет спустя, в этом парке их сотни.

Я вошёл в маленькое кафе у яхтенной пристани и увидел Мики и папу, сидящих в тени со стаканом белого вина. Как ни в чём не бывало я сел за стол рядом с ними и спросил, не пообедать ли нам вместе. Они не видели, как я вошел в кафе, и были так ошарашены, что сперва не могли вымолвить ни слова. Мы обнялись и взволнованно начали рассказывать друг другу о событиях нашей жизни за год, который не виделись.

Мики последние несколько лет жил в Соединенных Штатах. Он учился в Принстоне, чтобы стать врачом. Когда мы в последний раз видели друг друга, он был около шести футов ростом и очень худым, а теперь выглядел как первоклассный атлет. Он вырос где-то на дюйм, но здорово нарастил мускулы. Мики был в составе команды по гребле и тренировался дважды в день. Как будто подобных Шварцнеггеру мускулов было недостаточно, его тренер попросил наработать ещё 17 фунтов мышечной массы. Мики очень любит женщин и имеет у них большой успех. Он смотрит на них томным взглядом из-под круглых, как у Джона Леннона, очков, и это — все, что требуется. Попав на крючок, они не оставляют его в покое ни на мгновение. На время пребывания в Европе он собирался поближе познакомиться с европейскими женщинами.

После завтрака все мы растянулись на солнце, и я дал коже возможность малость поджариться, а то она была белой, как у привидения. Просто замечательно — лежать на спине под теплыми лучами солнца и ни о чём не думать, время от времени охлаждаясь в совершенно прозрачной воде.

Проведя в Трстено около недели, я получил письмо от матери.

Ещё не распечатав его, я подозревал, что там что-то очень важное, иначе мама не послала бы письмо из Швеции в Хорватию. Я был потрясен, когда открыл конверт и увидел содержание. Там было несколько вырезок из различных шведских ежедневных газет. Один заголовок гласил: «Карл Бениш, известный

парашютист, нашёл смерть в норвежских горах!» Я пробежал глазами статью. «Квельспостен» писала: «Карл Бениш разбился вчера утром, прыгнув со Стаббен в горах Тролльвегген…» Я застыл на краю кровати с вырезкой в руке. Как такое могло случиться? Как мог убиться Отец BASE-прыжков? В газетных статьях я не надеялся найти ответ. Впечатление было таким, что журналисты не имели ни интереса, ни времени, чтобы разобраться в деле как следует.

Не меньше поразило меня то, что написала мама:

«Дорогой мой!

Как ты поживаешь в Париже? Посылаю тебе несколько вырезок о несчастном случае, который произошёл несколько дней назад в Норвегии. Я надеюсь, что ты не станешь прыгать с Тролльвеггена! Это слишком опасно!

Люблю тебя. Мама».

Она подозревала что-то? Неужели она предполагала, что я уже прыгал BASE и собираюсь ещё? Я решил, что скоро придётся сказать ей об этом; не было смысла больше хранить это в тайне.

Вскоре после возвращения из Хорватии меня неожиданно навестил отец. Он позвонил из аэропорта имени Шарля де Голля на севере от Парижа и спросил, не можем ли мы пообедать. Он был в двухдневной командировке и хотел увидеться со мной. Мы договорились встретиться в доме одного его очень хорошего друга Кая Зульцбергера на бульваре Монпарнас. По пути туда я понял, что по одной причине эта встреча очень кстати. Кай Зульцбергер живет только в нескольких шагах от башни Монпарнас, она прекрасно видна из окна его кухни, как я помнил с тех пор, когда мы были у него прежде. Когда я пришёл, папа и Кай сидели в гостиной, потягивая ирландское виски. Первым делом я написал своё имя в гостевой книге. Кай очень следит за этим. Он настаивает, чтобы так делал каждый, кто наносит ему визит.

Кай, семья которого владеет «Нью-Йорк Таймс», много лет был иностранным корреспондентом этой газеты. Он встречался со многими государственными деятелями мира; Тито, Эйзенхауэром, Мао Цзэдуном, Картером, Фордом, Ганди, Брежневым, де Голлем, Каддафи, и это только самые известные из них. Стены его прихожей сплошь покрыты фотографиями, подписанными, например, «Моему другу Каю от …»

Завтраки у Кая всегда фантастические, благодаря его боснийской домохозяйке.

После восхитительного завтрака и кофе с большим стаканом коньяка мне хотелось заснуть на кушетке, но нам с папой надо было уезжать, что мы и сделали, поблагодарив Кая за завтрак. Я

предложил для улучшения пищеварения прогуляться по бульвару Монпарнас. Когда мы проходили рядом с башней, я беспечным тоном сказал папе, что прыгнул с неё. Он думал о чём-то своём и не услышал меня. Я повторил то же самое погромче. Он посмотрел на меня и улыбнулся, как будто я шучу. Я попросил, чтобы он остановился, повернул его голову к башне и громко и ясно сказал:

— Папа! Скотт, Бернар и я прыгнули с башни Монпарнас.

Он взглянул на меня с удивлением и сказал:

— Правда?! Ты действительно сделал это?

Я заверил его, что говорю правду, и тут он удивил меня. Он пожал мне руку, поздравил и сказал, что очень мной гордится, но не может понять, как я смог такое сделать.

— Я сам никогда бы этого не сумел, — признался он.

Я поведал папе, что состою в Клубе Идиотов, который, и я в том числе, собирается прыгать с антенны Хэрбю, а потом, возможно, и с Тролльвеггена. Он слушал, не перебивая. Мы решили, что будет лучше, если маме об этом скажу я сам.

После рассказа отцу о моих BASE-прыжках на душе стало так легко, как уже давно не бывало. Я почувствовал себя как корабль, который только что снялся с якоря и наконец-то устремился в родную стихию.

Лестница Иакова

Первая наша с Бернаром и Скоттом встреча после коротких каникул была, конечно же, в здании Клуба Идиотов на авеню де Сакс. После очень длинного обсуждения Бернар и я решили прыгнуть с Тролльвеггена. Мы осознавали опасность такого решения, знали, что Карл Бениш погиб там, но всё же думали, что попытаться стоило. Когда мы покупали билеты, Скотт купил один от Парижа до Копенгагена, а другой — от Копенгагена до Нью-Йорка, то есть он собирался прыгать только с антенны Хэрбю, а после поехать в Штаты. Ведь у него уже было три прыжка с Тролльвеггена, и он не испытывал желания обманывать смерть еще раз. Бернар же и я после антенны Хэрбю намеревались пойти дальше.

Рюкзаки мы упаковывали тоже в квартире Скотта: нижнее белье, футболки, туалетные принадлежности, противомоскитный репеллент и парашюты. Когда мы уже собирались ехать на такси на вокзал, Скотт вдруг решил написать письмо своей бабушке, которая живёт в Соединенных Штатах. После этого нам в конце концов пришлось прыгать в поезд на ходу. По-моему, в компании Скотта я никогда никуда не успевал. Медлительным его не назовёшь, но по части того, как опаздывать, Скотт заткнёт за пояс любого.

Поездка в Швецию была замечательной, по крайней мере, для Скотта и Бернара, потому что в поезде было полно загорелых светловолосых шведок, возвращавшихся домой с отдыха. Я всегда предпочитал брюнеток — француженок и итальянок — и поэтому оказался не при делах. Однако никаких особенных событий не случилось. Мы заснули около полуночи и не просыпались вплоть до тех пор, пока утром поезд не остановился на копенгагенском Hovedbangard (Центральном вокзале). Бернар был особенно взволнован, поскольку впервые оказался в Скандинавии. На рейсовом катере на подводных крыльях мы приехали через пролив в Швецию, в Мальмё, где уже ждал Герберт. Он повёз нас прямо в центр города к зданию парашютного клуба Сконе, где к нашим услугам были холодильник с едой и пивом и кровати с чистым бельём.

Мы освежились в душе, чтобы смыть дорожную пыль, побрились, закусили немного и сели обсудить наш завтрашний прыжок. Герберт в письме об антенне Хэрбю упоминал, что и сам хочет прыгнуть, и мы приветствовали его инициативу. Но в начале разговора Герберт нас удивил. Он настаивал на том, чтобы подняться на антенну ночью и прыгать на рассвете. Когда я это

услышал, в моем мозгу немедленно включился красный сигнал. «Подожди, Йефто. Хватит уже сложностей. Помни о KISS». Скотт же отреагировал на идею Герберта вспышкой гнева.

— Мы не собираемся торчать целую проклятую ночь на вершине антенны только потому, что ты боишься быть пойманным шведской полицией! — возмущался он.

Я старался их успокоить. Был совсем не подходящий момент для ссоры.

Спор в агрессивном духе привел бы только к глупым и небрежным решениям, и в результате что-нибудь могло случиться. В некоторой степени, кстати, я мог понять Герберта. Он собирался прыгать BASE впервые и, естественно, нервничал. Кроме того, он боялся, что потеряет парашютную лицензию, если его арестуют (ведь он был не просто парашютист, а инструктор). С другой стороны, я считал, что, поскольку в BASE-прыжках опыта у нас больше, организацию прыжка надо оставить нам. Я предложил посмотреть на антенну, прежде чем прыгать.

Мы на большой скорости проехали 19 миль до Хэрбю. Когда мы приблизились к антенне, разговоры в автомобиле стихли. В ясном синем небе над полями провинции Сконе сияло солнце. Узкая извилистая дорога вела нас через лес, и вот мы оказались на опушке. Прямо перед нами возвышалась антенна Хэрбю. Я вышел из машины и уставился на неё. Вроде низковато. Герберт не ошибся насчёт высоты? Забор, о котором он нам сказал, шёл сплошь вокруг антенны футах в 165 от её основания. В отличие от забора на вершине башни Монпарнас здесь не было никаких острых шипов. За исключением одной стороны, где рос густой лес, антенну окружали ровные зеленые лужайки, приземляйся где хочешь. Лифт был внизу, только я сомневался, что мы сможем с ним разобраться. С техническими навыками у нас были трудности. Ведь он, похоже, заперт. Единственная возможность состояла в том, что кто-то забудет в лифте ключи, что крайне маловероятно. Ну а если мы не поедем на лифте, то проделаем весь путь наверх по лестнице. Это будет, без сомнения, самая высокая лестница в моей жизни. Только мы не знали, как высоко сможем подняться. Нам, возможно, придется прыгнуть где-то с 660 футов, потому что там находилось что-то такое, насчёт чего с земли не было ясно, получится пролезть через это или нет. В общем, что хотели, мы увидели. Антенна все еще стоит, площадок для приземления полно.

Герберт все это время молчал, погрузившись в собственные мысли. Вероятно, он задавал себе вопрос, во что вляпался.

Вернувшись в Мальмё, мы уложили на лужайке наши купола. Я знал, что Клаудия стремится в полёт, поскольку лежала в сумке

со времени прыжка с башни Монпарнас. Я вымыл ее, чтобы убрать пятна крови, оставшиеся от раненой ноги, и тщательно уложил. К тому времени я уже наловчился укладывать парашют для BASE-прыжка и обычно тратил на это меньше 30 минут (для BASE это немного). Закончив, я помог Герберту советом насчёт его укладки.

Герберт позвонил по телефону другу, который согласился довезти нас на машине к антенне и обратно. Звали его Микке, и он имел на счету 30 прыжков. Но, конечно, никогда прежде не видел прыжков с телевизионной антенны. Микке изучал машиностроение в университете Лунда, работая по выходным на фабрике клея. Сами мы не хотели вести автомобиль по практическим и немного эгоистическим соображениям. Практические соображения были в том, что если паче чаяния кому-то вздумается нас задержать, спасение будет быстрее с водителем, всегда готовым ехать, чем если одному из нас придётся сбрасывать ранец и прыгать за руль. А некоторый эгоизм — в том, что когда адреналин хлынет в кровь, все, чего тебе хочется — кричать от радости, пить шампанское, обнимать друзей и всячески расслабляться. Управление же машиной этому только мешает. Пусть уж за рулём будет кто-то другой, раз есть такая возможность.

Вечером Герберт пригласил нас в ресторан «Доброе старое время» в Мальмё.

Ресторан оформлен как британский паб, но в меню имеет блюдо во французском духе: жареный во фритюре сыр камамбер с джемом из морошки. Я понятия не имею, каково происхождение этого блюда, но настаивал, что оно французское. Бернар, однако, воспринял это кушанье совсем наоборот. Он решил, что официант шутит, когда тот принес кусок жареного камамбера, посыпал его петрушкой и положил сверху ложку морошкового джема. Изумленный, он посмотрел на меня, и я кивнул, предлагая ему попробовать. Бернар тряхнул головой, испробовал микроскопическую часть сыра и вручил свою тарелку мне. Он объяснил, что с минуту подозревал, будто его снимает скрытая камера, и что вся Швеция потом будет смеяться над глупыми французами.

Заказав пиво, мы по обычаю бросили жребий, в каком порядке прыгать. Я предложил, чтобы за жребий теперь отвечал Бернар. На сей раз, что удивительно, мне выпала удача. Я вытянул билет номер один. Герберт должен был прыгать после меня, затем Бернар и Скотт. Мы оставались в ресторане довольно долго, чтобы выпить еще по нескольку кружек.

Вернувшись в здание клуба, мы сразу отправились в кровати,

но ни один из нас той ночью хорошо не спал. Мне снилось, что я врезался в толстые стальные тросы, которые удерживают антенну вертикально, а потом моя мама, деловито собирая грибы в лесу, внезапно наткнулась на мое полуразложившееся тело, на которое все еще был надет парашют. Нет. Слишком трагично умереть в 21 год. Это не по мне.

Будильник зазвенел в 5:30. Атмосфера была несколько подавленной, главным образом потому, что Скотт и Бернар очень не хотели вставать с кровати так рано. Мы позавтракали булочкой с маслом и сыром и стаканом сока. Тем временем приехал на машине Микке, готовый везти нас и наши парашюты. Пели черные дрозды, и небо обещало теплый летний день. По пути к Хэрбю мы включили одну из наших любимых песен группы Frankie Goes to Hollywood «Расслабься, не делай этого». Я всегда волнуюсь, когда слышу её. «Что, если Холли Джонсон права? Может, не прыгать сегодня?»

Я окунулся в странный мир, который я для себя называю пограничной областью.

Это чувство, что ты находишься где-то, где жизнь и смерть текут вместе, где границы между жизнью и смертью фактически нет. Ты собираешься сделать что-то, что может стать для тебя последним, но в то же время окружён элементами повседневной жизни — бутербродами с сыром, бензоколонками и газетами. Чувство это очень трудно объяснить в словах. Попробуйте как-нибудь прыгнуть с телевизионной антенны, и поймете, что я имею в виду.

Бернар, Скотт и я громко кричали на заднем сиденье, чтобы уменьшить напряженность, царящую в нас. Я думаю, Герберт чувствовал себя сейчас несколько посторонним, видя такое проявление нашей крепкой дружбы. Микке вел машину молча, глубоко задумавшись. Он что-то сказал, только когда мы вставали с кровати. Я много дал бы, чтобы узнать, о чём он думал. Странно, наверно, находиться в компании людей, которые мирным воскресным утром предпочитают прыгнуть с антенны, вместо того чтобы поспать подольше.

Микке нарушил тишину, сообщив нам, что весьма ветрено. Я посмотрел в окно и заметил на бензоколонке флаг, прямой от ветра, как стрела, и очень надеялся, что ветер не перейдёт в ураган.

Вскоре после семи мы добрались до места. Микке поставил автомобиль в лесу поближе к антенне. Мы надели парашюты, затянули покрепче обхваты, посмотрели направление ветра и выбрали резервные посадочные площадки. Надо знать, где приземлиться, если основной посадочной площадкой

воспользоваться почему-то не получится. Ветер был довольно сильным, но не слишком. Я побаивался прыгать в ветер больше чем 20 миль в час, когда велик риск жёстких посадок и травм.

Мы попросили Микке остаться у машины. Если кто-то из нас травмируется, пусть Микке отвезёт его в больницу как можно быстрее. Я первым перелез через забор, друзья быстро последовали за мной. Только мы перебрались на ту сторону, как случилась неприятность. Вытяжной парашют Бернара вывалился из кармашка и упал на землю, и прежде чем до меня это дошло, я, как назло, наступил на него. Не видя этого, Бернар продолжал идти, прижатый моей ногой вытяжной парашют расчековал ранец, и тщательно уложенный купол вывалился. Все мы замерли и уставились на парашют на земле. Чёрт возьми! Ничего хорошего. Бернар, однако, остался спокойным. Он прижал купол коленями, чтобы его не унесло, и запихал назад в ранец. Не было сомнения, по-моему, что эта поспешная укладка могла привести к плохим последствиям. «Его купол откроется чёрт знает как, если вообще откроется, — думал я. — Надеюсь, всё будет ладно». Ни один из нас не сказал ни слова. За свою безопасность каждый отвечает сам.

Бернар закончил переукладываться, и мы подошли к лифту. Осмотрели кнопки и нажали каждую. Никакого толку. К сожалению, оставался только один путь наверх. Высокая металлическая лестница, ведущая прямо в небо. Металл был ледяным. Ступеньки шли дюймов через 16, а наша гибкость была очень ограничена из-за парашютов на спинах. Чтобы встать на первую ступеньку, мне пришлось подпрыгнуть. С ужасно холодным металлом пришлось мириться, потому как о перчатках мы не подумали. Что ж, я начал подниматься, подтягиваясь со ступеньки на ступеньку. Ранец часто утыкался в ограждение позади меня, и приходилось, насколько возможно, прижиматься к лестнице, чтобы не застрять.

На 165 футах вид равнины Сконе уже был великолепен. Первые сотни футов мы преодолели быстро и без большого усилия, определяя высоту по растяжкам антенны. Они были присоединены к ней через каждые 165 футов; все, что мы должны были сделать, это умножить число встретившихся нам тросов на 165, и получалась высота в футах. Правда, к тому времени, когда мы достигли 330 футов, руки у меня оцепенели от холода. Бернар тоже жаловался, что он замерз, и попросил, чтобы я лез побыстрее. У третьей растяжки, или на 495 футах, я остановился, чтобы полюбоваться видом. Мне пришло в голову, не заметил ли нас какой-нибудь фермер, и если так, то что он подумал.

«Да ладно, — решил я. — Если кто и увидит, примут нас за

обслуживающих антенну. Скажут, вот труженики: воскресное утро, 7 часов, а они уже работают!»

К этому времени я устал. Мы карабкались уже 25 минут, и мышцы рук заныли. Ещё раздражала жажда; во рту будто наждачная бумага. Я снова остановился чуть ниже 825-футовой отметки и сказал Герберту, что мы теперь на такой же высоте, как мост Кохертальбрюкке в Германии. Он посмотрел на меня и недоверчиво тряхнул головой. «Как ты мог даже думать о прыжке с такой низкой высоты? Ведь нет времени, чтобы раскрыть запасной парашют», — закричал он.

Я расхохотался во всё горло и продолжал смеяться до колик в желудке. Вот мы здесь, в 825 футах над землей, лезем на самый верх 1089-футовой антенны, чтобы прыгнуть оттуда, и один из нас говорит мне в том смысле, что я сумасшедший. Но это как сказать. Сумасшедший — по сравнению с кем? Тот, кто не прыгает с парашютом, вероятно, счел бы одинаково сумасшедшим делом прыжок и с 1 089, и с 825 футов. Герберт не мог понять, с чего я вдруг так развеселился. Пока я продолжал подниматься, по щекам у меня текли слезы от смеха.

И тут, нате вам, приблизительно в 30 футах над моей головой обнаружилась тяжеленная с виду железная крышка. Я не мог поверить своим глазам. Это что, всё? Выше мы не заберемся? Я сказал Герберту, Скотту и Бернару об этом открытии. Мы согласились, что наш единственный шанс залезть наверх состоял в том, чтобы обойти крышку по внешней стороне антенны. Прыжки и так были достаточным приключением, так нет, теперь сердитый бог хотел, чтобы мы немного полазили снаружи антенны, где ничто не мешает свалиться вниз. Мне это совсем не нравилось, но, сжав зубы, я качнулся наружу и оказался на внешней стороне. Несмотря на холод металла, пот покатился с меня градом. Сердце стучало так, как будто в груди часто-часто сталкиваются шары для боулинга. К счастью, по внешней стороне надо было пролезть совсем немного, и очень скоро мы снова влезли внутрь конструкции антенны.

900 футов. Ветер усилился. На юге появились угрожающие черные тучи. «Далеко ещё, дождь начаться не успеет», — мелькнула мысль. Я устал подниматься. Тело болело, особенно плечи и руки. Впервые я стремился сделать BASE-прыжок как можно быстрее. Я хотел выйти из проклятой антенны и с нетерпением ждал свободного падения.

Внезапно мы как будто попали в шторм. Он словно старался развалить антенну на маленькие кусочки. Я вцепился в лестницу обеими руками. Ветер невообразимо свистел, играя антенной, как детской игрушкой. Я очень хотел, чтобы внизу, где мы станем

летать на парашютах и приземляться, погода была более спокойной. Самый сильный ветер, должно быть, был по крайней мере 40 миль в час. К сожалению, нельзя было спросить у Микке, как там на земле, и мы могли только надеяться на лучшее.

Когда минула шестая растяжка, я чуть не кричал от радости. Мы были теперь на высоте 990 футов. Всё. Последние 100 футов состояли только из тонкого стержня-антенны. Хорошо, 990 футов — более чем достаточно. Скотт, Бернар и Герберт присоединились ко мне на маленькой площадке, не больше 10 квадратных футов. Скукожась на ней, мы воспользовались возможностью согреть руки на горячих стёклах фонарей, которые всегда включены, чтобы бросаться в глаза пилотам низколетящих самолетов. Было больно, но всё-таки замечательно, когда кровь снова начала циркулировать через замороженные руки.

Мы приготовились прыгать. Я проверил свое снаряжение. Достаточно ли слабины у стреньги — фала, соединяющего вытяжной парашют и шпильку, запирающую ранец? Хорошо ли затянуты ножные обхваты? Все, казалось, в порядке. Я попросил Герберта проверить шпильку. Пока остальные готовились, я сделал нашу обычную проверку силы и направления ветра: вытащил из кармана рулон туалетной бумаги, отмотал некоторую часть и взял её левой рукой, а правой отпустил оставшийся рулон, недолго продолжая левой рукой держать бумагу. Рулон полетел чуть ли не как стрела из лука и в полминуты пропал из виду. Что ж, ветерок был неслабый, но, по крайней мере, дул в правильном направлении, мне в спину. Я еще раз подумал, каким могло бы быть приземление, если бы на земле он был так же силен.

Бернар опять попросил меня поторопиться. Его лицо было синим, а зубы стучали, как ритм хорошего рок-н-ролла. Все мы понимали серьезность момента.

Левой рукой взяться вот за эту металлическую распорку. Правой держать вытяжной парашют. И вот я готов прыгнуть с 990 футов.

Обычная противная погода Сконе била меня ветром и дождем. Я смотрел с высоты на красивые зеленые поля и узкие гравийные дороги, обычные в этой части страны. Один взгляд на других членов Клуба Идиотов… пошел.

В тот миг, когда друзья остались позади, ко мне пришло невероятное спокойствие. Награда за трудный подъем. Между моими ногами мчалась антенна. Быстрый, испуганный взгляд вниз. Две секунды, три секунды, четыре секунды… кажется, целая минута. Клаудия открылась чётко. Я падал только где-то 265 футов.

Я полетел немного по ветру и только примерно на 50 футах развернулся против. Приземление вышло мягким — к счастью, ветер на земле был не больше 15 миль в час. Подбежал Микке. Похоже, он был удивлен, что я цел и невредим. Прежде, чем он опомнился, я поцеловал его в губы. Это всё адреналин. Микке, разумеется, был совсем не в таком же состоянии и уставился на меня, как будто я сделал что-то ужасное.

Я собрал купол и всмотрелся в маленькую чёрную точку на верху антенны. Герберт. Волнение охватило меня. Ведь фактически я втянул Герберта в это, и теперь надеялся, что ничего плохого с ним не случится.

Герберт падал три секунды, прежде чем его купол открылся. Он сделал это. Я слышал, как он кричал от радости: «Яху-у! Яху-у-у-у!»

Он кружился на парашюте туда-сюда, как будто хотел показать, насколько счастлив, и выполнил хорошее, мягкое приземление в нескольких метрах от меня. Я подошел к нему, и мы упали в обьятия друг друга. Он был так взволнован, что едва мог выговорить: «О, о господи! Никогда не делал ничего подобного. Вот это да!»

Но пока ещё всё не закончилось. Подошла очередь Бернара. Он хорошо отделился и падал три секунды. Когда его купол начал раскрываться, я заметил, что что-то не так. Купол открывался несимметрично и полетел прямо к одной из растяжек, и я задержал дыхание, уверенный, что он столкнется с ней. К счастью, он пролетел на несколько футов ниже и повернул в сторону от антенны, крича от счастья. Удача была на его стороне. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему купол так открылся. Бернар взял на себя большой риск, когда запихивал купол в ранец. Ему очень повезло.

Скотт прыгнул, когда Бернар был еще в воздухе. Он падал больше четырех секунд. Парашют открылся носом прямо к растяжке антенны, точно так же, как у Бернара. Скотт отреагировал немедленно, быстро повернув при помощи задних свободных концов. Бернар, Герберт и я побежали встретить его, и некоторое время мы катались кубарем по зеленой летней траве. В такие моменты дружба объединяла нас с небывалой силой. Мы успешно закончили прыжки с нашего третьего BASE-объекта.

Мы пошли к лесу, где Микке оставил автомобиль, и открыли багажник. Прежде, чем засунуть туда парашют, я достал несколько бутылок пива. К вашему сведению, после прыжка с телевизионной антенны нет ничего лучше, чем пиво. Мы прыгнули в машину, Микке мягко тронулся с места и поехал в Лунд. Мы направлялись в дом моих родителей.

Когда Микке ехал на скорости 60 миль в час, Скотт опустил окно задней двери, где он сидел. Бернар и я понимающе взглянули друг на друга. Скотт собирался проделать один каскадёрский трюк. Он перелез с заднего сиденья на крышу. Микке ничего не замечал и продолжал ехать как ни в чём не бывало, когда внезапно оказался лицом к лицу с уродливым существом с другой стороны ветрового стекла. Скотт лежал на крыше, прижавшись лицом к стеклу, и корчил самые страшные рожи, какие мог. Микке не знал, что делать. Тут я подумал, не запаникует ли он и не ударит ли по тормозам. Ведь Скотт тогда улетит со всего маху вперёд, и от него останется мокрое место. Я протянул руку в окно и потянул его за штаны, давая понять, что хватит, шутки кончились. Скотт в обратном порядке стал перемещаться в машину — сначала ноги, потом тело. Наконец, Бернар и я окончательно втянули его назад. Скотт сердечно рассмеялся и посмотрел на Микке, который не смеялся вообще.

Ночью перед прыжком я звонил моему брату Мики и сказал, что мы приедем, так что знал, что мама и Мики утром будут дома. Я велел ему ничего маме не говорить. Оказывается, папа рассказал ей о моих прыжках с Кохертальбрюкке и башни Монпарнас. Услышав это, я сначала расстроился, но потом понял, что так лучше. Маме теперь будет легче воспринять наши следующие планы — Тролльвегген. Она всегда очень хорошо меня понимала и готова была помочь, но теперь, должно быть, в ее жизни наступил трудный период; оказывается, её сын для собственного удовольствия прыгает со зданий и мостов. Естественно, она, наверное, волновалась, что я рискую провести остаток жизни в инвалидном кресле.

Я показал Микке дорогу к нашему дому. В начале 60-х годов тут росли сахарная свекла и пшеница. Теперь это место занято девятиэтажными жилыми домами. Перед ними — большой красивый парк; с зеленых холмов позади зданий зимой хорошо кататься на лыжах и санках. Я помню, как катался на этих самых санках с самой крутой части холма, пока не влетел прямо в дерево. Мы жили на девятом этаже в том доме, что посередине. Вид из квартиры был такой, что в хорошую погоду можно было разглядеть Копенгаген с другой стороны пролива. На улице ниже находилась школа, в которую я ходил по девятый класс. Она была так близко, что можно было выйти из дома, когда уже звонил звонок, а в класс все равно прийти вовремя.

Мы поднялись на лифте, и я позвонил в дверь. Мама с любопытным взглядом открыла дверь и тут же открыла рот в изумлении, увидев меня. Прежде, чем она смогла что — нибудь сказать, я шагнул вперед и заключил её в объятия. Мы не видели

друг друга больше шести месяцев.

— Дорогой мой, вот это сюрприз! Ты бы хоть сказал, что приедешь, я б позавтракать приготовила.

Моя мама не любит торопиться, когда готовит. Несмотря на удивление нашим неожиданным визитом, она с энтузиазмом принялась за дело. На её вопрос, очень ли мы хотим есть, все пятеро ответили «ДА!» После лазания по антенне мы здорово проголодались.

Мики с таким трудом вылез из кровати, как будто был в состоянии комы, и встретил моих друзей. Выглядел он так, будто на ночь выпил бутылку водки: волосы стояли дыбом, а глаза были красными и блестели. Я взял его за руку, отвел в гостиную и вкратце рассказал о наших прыжках с антенны Хэрбю. Он тряхнул головой и пробормотал: «У меня сумасшедший брат».

В кухне мама деловито готовила королевский завтрак. Я не знал, с чего начать, но, подумав, решил сказать прямо.

— Мама, знаешь что? Мы только что прыгнули с антенны Хэрбю. Меньше чем час назад.

Я ожидал бурной реакции, но этого не случилось. Спокойным голосом она сказала:

— Погоди, Йефто, ты хочешь сказать, что прыгнул с той высокой антенны?

Я кивнул. Мама рассмеялась.

— Йефто, сынок. Ты — чокнутый. Но давай не будем больше об этом. Помоги мне с этим подносом, пожалуйста. Завтрак готов.

Прости, мама, — на очереди Тролльвегген

Мы сидели за столом, когда я рассказал маме о нашем следующем замысле.

— Извини, мама, но я не могу остаться очень надолго. Бернар и я сегодня собираемся в Норвегию, прыгать со скалы, которая называется Тролльвегген.

Я знал, что она думала о газетной статье о смерти Карла Бениша, которую послала мне. Бедная мама. Она накрыла нам прекрасный стол, точно так же, как когда я жил дома. Тут были французские круассаны, сок, яйца, бекон, икра от Калле (шведская рыбная икра в тюбиках, как у зубной пасты), хлеб со злаками, горячий шоколад и датское слоеное печенье. И тут я, ее старший сын, сообщаю ей, что только что рисковал жизнью, прыгая с антенны высотой 990 футов. И это не все. Теперь я собираюсь в Норвегию прыгать со скалы.

Мама оставалась очень спокойной, и я почувствовал гордость за неё. Она вела себя так, как будто прыжки со скал — самое обычное дело. Мы долго засиделись за столом, говоря о BASE-прыжках, и чем больше мы рассказывали, тем больше она интересовалась. Она заговорила и с Бернаром и Скоттом и спросила, как им понравилась Швеция. Бернар ответил, что он ещё увидел немного, но ресторан «Доброе старое время» и антенна Хэрбю уж точно хороши.

Микке наконец-то расслабился. Он наслаждался огромным датским слоёным печеньем, который он макал в горячий шоколад перед каждым укусом. Герберт тоже был в превосходном настроении. Успешный первый BASE-прыжок, всплеск адреналина и обильный вкусный завтрак; чего еще можно пожелать?

Поезд в Норвегию отправлялся из Копенгагена. Перед отъездом мы собирались устроить вечеринку, и Мики шел с нами. Было грустно так скоро расставаться с мамой, но мы хотели отпраздновать наши прыжки, и лишнего времени не было. Мы попрощались, и я обещал позвонить, как только Бернар и я прыгнем с Тролльвеггена. Прежде чем закрыть за нами дверь, она прошептала мне в ухо: «Прыгай осторожно, мой сладкий!»

Микке высадил нас в гавани Мальмё. Ни он, ни Герберт не хотели отмечать прыжки с нами. Я предполагаю, что для них мы были слишком сумасшедшими. Мы направились в маленький бар на Родхусплац, известной площади в Копенгагене. Скотт несколько лет был знаком с владелицей этого бара и уверил нас, что там классно. Пока мы переправлялись через пролив, Бернар впервые попробовал хорошего датского пива, а я купил упаковку

солёной лакрицы, одной из немногих шведских штучек, которых мне очень не хватало в Париже. В Копенгагене я нашёл, где торговали датскими хот-догами, и купил четыре красных хот-дога с булочками на бумажной тарелке. С тех пор, как Швеция запретила применять красный пищевой краситель, используемый в этих хот-догах, я буду часто ездить в Копенгаген, чтобы их поесть. Может быть, я оттого так пристрастился к колбаскам «Стеф Хаульберг», что их у нас запретили.

Мы пошли по улице Стрэгет к Родхусплац. «Родхускрун», бар, куда мы направлялись, был расположен на узкой улочке рядом с Родхусплац. Это был маленький паб в британском стиле с толстыми деревянными столами и деревянными же стульями. На недостаток посетителей тут пожаловаться не могли. Мы уселись и начали с пива «Карлсберг Голд». Я заметил на двери плакат, рекламирующий ирландскую группу, которая будет играть весь день. Ирландская народная музыка в маленьком дымном баре — одна из вещей, которыми я больше всего наслаждаюсь. Обычный инструмент здесь — ложки. Скотт, который хорошо умеет на них играть, объяснил, как это делается. «Возьми две столовые ложки одной рукой выпуклыми сторонами друг к другу и помести один палец между ними. А теперь играй ими в ритме музыки, которую слышишь». Лучше сказать «попытайся играть». Это кажется простым, но в действительности очень трудно и требует большой практики. Мы заказывали кружку за кружкой, чередуя «Туборг Блэк Голд» и «Карлсберг Голд».

Музыканты прибыли около 4 часов дня. Они устроились в кружок в середине бара. Один из них, низенький бородатый ирландец, вытащил из кармана крошечную флейту и начал играть. Скоро к ним присоединились другие флейты, скрипки и ирландские барабаны, и мы с Бернаром принялись им помогать, отчаянно барабаня по деревянному столу. Мики захватил с собой губную гармошку и играл как только мог. Атмосфера была фантастической. Ритм ирландской музыки заставил даже самых флегматичных посетителей притопывать ногами. К сожалению, после нескольких часов такого времяпрепровождения Скотт должен был нас покинуть, чтобы успеть на самолёт в Нью-Йорк. Мы не знали, когда встретимся снова. Он устроился работать продавцом в фирменном магазине Картье в Нью-Йорке и полагал, что это мог быть его билет в мир драгоценностей. Я обнял Скотта, и мы поцеловались в щеки на прощание.

После отъезда Скотта мы праздновали до девяти вечера. Вечерний поезд в Норвегию уезжал в 10 часов. Мики, немало выпивший к этому времени, уехал на пароме в Мальмё. День был настолько полон событий и впечатлений, что мне оказалось

трудно восстановить ясную картину всего: прыжок с антенны, завтрак с мамой, Копенгаген и бар, отъезд Скотта и наша поездка в Норвегию.

Тролльвегген. Одно это название — мороз по коже.

Итак, мы отправились в Осло, где пересядем на местный поезд в Ондальснес. Я никогда прежде не был в Норвегии и с нетерпением ждал, когда приедем. В Швеции мы отпускаем шуточки о норвежцах, как подобное бывает и в других странах, скажем, шутки о бельгийцах во Франции. Я думал, что будет интересно встретить наконец настоящих норвежцев и составить собственное мнение о них. Ехать надо было часов восемь, но мы не потрудились купить билеты в спальный вагон, так как рассудили, что после такого насыщенного дня легко уснём и сидя. И стоило нам сесть, как это и случилось.

Я пробудился только тогда, когда поезд подошёл к центральному вокзалу Осло. До поезда в Ондальснес оставалось ещё два часа. Оставив багаж в камере хранения, мы пошли посмотреть город. Первым, что мы заметили, была высокая цена пива. Бутылка стоила вдвое больше, чем в Дании, и мало того; было трудно найти, где его купить. Погуляв по центру Осло, мы проголодались и закусили хлебом, сыром и пинтой молока. Норвежское молоко оказалось замечательным на вкус, по крайней мере после того, как я не пил молока с тех пор, когда уехал из дома в Париж.

Бернар не был особенно впечатлен норвежской столицей. Я хотел показать ему музей Кон-Тики, но не было времени. Кроме того, мы не видели ни одной хорошенькой норвежки, и это, конечно, тоже ухудшило наше настроение.

В поезде в Ондальснес у нас было много времени, чтобы мысленно подготовиться к прыжку. Я чувствовал, что он будет одним из самых пугающих в моей короткой BASE-карьере, не знал только, почему. О Тролльвеггене я знал в основном из тревожных газетных заголовков. «Два человека получили серьезные травмы в прыжке с Тролльвеггена» или «Француз спасён после неудачного прыжка с Тролльвеггена и 16 часов на уступе скалы». Несмотря на все несчастные случаи, Карл Бениш был первым, кто там разбился. Два немца серьезно поломались. Один из них раскрыл парашют слишком поздно, а другой после раскрытия врезался в скалу. Лётчики норвежских ВВС предприняли героические усилия, маневрируя на спасательном вертолете только в нескольких футах от отвесной стены и вытащив оттуда немцев. Думаю, что сейчас они оба в инвалидных креслах. Я знал и о шведском парашютисте, сломавшем ногу, когда его парашют раскрылся слишком близко к скале. К концу июля 1984 года с

Тролльвеггена прыгнули в общей сложности 84 человека.

Этот отвесный утёс высотой 2000 футов известен главным образом среди альпинистов. Каждый год множество их предпринимают восхождение на Тролльвегген, и у многих это занимает не один день.

Я часто смотрел в окно. Вид захватывал дух. Поезд бежал по зеленой долине лазурной реки Раума. На середине реки рыбаки в болотных сапогах ловили лосося; норвежская область Ромсдален, как считают, одно из лучших мест в мире по этой части. Бернар был не меньше восхищён красотой норвежского пейзажа. Он спросил, не кажется ли мне, что горы, окружающие долину, выглядят пугающими. Я ответил, что от одного их вида мне не по себе. Нельзя сказать, что я тогда с нетерпением ждал прыжка с Тролльвеггена. Мной двигало только желание закончить то, что мы начали — стать членами BASE-клуба. И у Бернара, и у меня уже были буквы B, A и S сокращения BASE. Цель наша была слишком близка, чтобы теперь вдруг всё бросить.

Как раз перед тем, как ехать из Парижа в Швецию к антенне Хэрбю, я получил копию недавно изданной 20-страничной брошюры Джин Бениш о BASE-прыжках. Она называлась BASEics и освещала большинство тем, связанных с BASE-прыжками: от успешного отделения от неподвижного объекта до выживания, чтобы рассказать о прыжке. BASEics была первым толковым изданием, способным помочь бейсерам прыгать столь безопасно, насколько это возможно. И вот за несколько часов до прыжка с настоящего 2000-футового утеса я сидел в поезде и читал советы, как это следует делать. Начало BASEics походило больше на буддистскую литературу, чем на руководство о прыжках со зданий и скал:

«BASE-прыжки — уникальный и полезный опыт. Это естественная комбинация красоты, единения с природой и самосовершенствования, которой нет ни в какой другой деятельности. В течение 3 — 12 секунд свободного падения с объекта можно открыть для себя что-то в нём, понятное только вам. Такое индивидуальное понимание сущности огромного объекта дает новое отношение к нему, более глубокое уважение к природе и удовольствие от существования».

Брошюра Джин Бениш описывала и выбор подходящего объекта, и подготовку к прыжку, и выбор снаряжения. Детали самого прыжка были приведены на двух страницах, включая следующее сокровенное знание:

«Процедура 5. Если парашютист невольно отпустил вытяжной парашют при отделении, он обычно болтается за спиной приблизительно до третьей секунды, когда развивается

достаточная скорость, чтобы воздушный поток смог его наполнить».

Как раз это и случилось, когда Скотт впервые прыгал с башни Монпарнас. Это спасло ему жизнь: «приблизительно до третьей секунды». Если бы так продолжалось «приблизительно до четвёртой секунды», он был бы мертв, как камень. Закончив читать BASEics, я подвел итог, обращаясь к Бернару: «С начала наших BASE-приключений большинство того, что тут написано, мы сделали наоборот. Но, как ни странно, всё еще живы. Я очень надеюсь, что удача останется с нами до окончания прыжков с Тролльвеггена», и громко прочёл последние строки:

«Каждый BASE-объект дарит парашютисту особое, глубокое и острое понимание его сущности. От отделения до первой секунды свободного падения парашютист остаётся в среде объекта. Затем, со второй секунды падения, гравитация переводит парашютиста из положения головой вверх в положение лёжа. Там, в тишине нового временного измерения, он видит, как объект будто набирает скорость, и попадает в мир обычного свободного падения. Объект стремительно движется, парашютист удаляется от него, и чувство близости с ним исчезает. Когда купол открывается, процесс останавливается, и парашютист возвращается в нормальность. Впечатления от объекта уходят на второй план, когда парашютист снова спускается на землю. Но полученный опыт навсегда останется с ним, чтобы вспоминать, переживать заново и учиться».

Поезд быстро катился по Ромсдален. Машинист, он же, видимо, по совместительству туристский гид, комментировал по громкоговорителю местные достопримечательности, заставляя нас неудержимо смеяться. «Привет, привет! Это говорит машинист вашего поезда. Скоро мы будем проезжать через маленькую деревню Хамсфьорн, которую вы увидите справа. Деревня известна главным образом своей красивой церковью». Несколько минут спустя громкоговоритель опять ожил. «Привет, привет! Несколько минут назад я сказал вам, что мы скоро будем проезжать деревню Хамсфьорн, которая будет от вас справа, и вот теперь мы проезжаем эту деревню. Она от вас справа».

Бернар от смеха складывался вдвое. Машинист продолжал развлекать нас в той же манере до самого Ондальснес.

«Привет, привет! Теперь вы можете видеть известную скалу Тролльвегген, самый высокий отвесный утес Европы, слева от вас. Она главным образом известна в связи с отчаянными альпинистами, которые стараются подняться на неё каждый год. В течение нескольких последних лет она также стала популярным местом для прыжков парашютистов».

Мы с Бернаром любопытно глазели в окно. Это и есть Тролльвегген? Скала не выглядела особенно высокой. Чтобы нам обоим стало спокойнее насчёт высоты, я предложил ему оценить расстояние до утеса. Трудно судить о высоте чего-нибудь с большого расстояния. Отсюда она казалась мне не больше, чем 1000 футов. Скала была серовато-черного цвета, и в некоторых местах я заметил снег.

Поезд подошёл к станции Ондальснес вскоре после трёх дня.

Вокзал оказался очень маленьким и похожим на какую-нибудь станцию в живописной области Смоланд в Швеции, тем более что все здания были того же красного цвета. Мы нашли телефонную будку и позвонили Рональду Иттерли. Именно Рональд в своё время был проводником Скотта и Кристофа к Тролльвеггену. Он работал в Ондальснес пожарным. Я набрал номер из четырех цифр и после двух гудков услышал низкий мужской голос.

Я представился и объяснил, что мы тут делаем. Рональд ответил на вполне понятном норвежском языке, что рад, что мы связались с ним, и с удовольствием отведёт нас к Тролльвеггену. Он сказал, как пройти к их дому, недалеко от железнодорожной станции. Мы с Бернаром подхватили рюкзаки и пошли по мощёной брусчаткой улице к жилым домам. Дома были ухожены, лужайки подстрижены, а дорожки посыпаны гравием.

Рональд с родителями жил в средних размеров желтом кирпичном доме, окруженном лужайкой. Я с нетерпением позвонил в дверь. Широкоплечий высокий парень, блондин с синими глазами, открыл дверь и пригласил нас войти. Это и был Рональд. Мы уселись на удобной кушетке в гостиной, и он сразу начал разговор по делу.

— О'кей, значит, вы — друзья Скотта и того странного француза. Если я правильно помню, они по три раза прыгнули с Брураскарет. Скотт уж больно любил всяческие вечеринки. Чем он интересовался после прыжков, так это пивом и хорошенькими девушками. Только их нет ни одной в Ондальснес.

— Сегодня, — продолжал он, — первый приличный день за три недели. Попробуйте прыгнуть вечером. Не упускайте этот шанс.

Он сказал ещё, что группа шведских парашютистов ждала хорошей погоды больше двух недель. Всего несколько дней назад им надоело, и они вернулись домой.

При этих словах руки у меня вспотели, а в животе аж заурчало. Я-то ждал, что тихим вечером мы не торопясь мысленно приготовимся к прыжку. Теперь оказывается, что надо решать немедленно. Бернар и я обсудили, что делать, и согласились

прыгать сегодня.

Мы достали парашюты из рюкзаков и разложили их на лужайке позади дома. Предстояла самая важная укладка в моей жизни.

Укладывая, я говорил себе: «Йефто, прыжок будет трудным, но постарайся остаться спокойным, и все будет прекрасно».

То, что Клаудия должна открыться совершенно правильно, было более важно, чем когда-нибудь. Самое главное, о чём я беспокоился, — закрутка строп. Её ни в коем случае не должно случиться после раскрытия. При прыжках с самолетов полно времени, чтобы раскрутиться. В нашем прыжке с Тролльвеггена этого времени может не быть совсем.

Мы планировали падать в течение шести — восьми секунд: три секунды набора скорости и затем максимум секунд пять «тречки». Как я упоминал ранее, «тречка» используется в групповых прыжках с самолётов, чтобы перед раскрытием оказаться как можно дальше по горизонту от других парашютистов. На сей раз это нужно, чтобы оказаться как можно дальше от скалы.

Когда укладка подходила к концу, мы сделали паузу, чтобы бросить жребий. У Бернара была норвежская монета, которую он взял в руку и убрал обе руки за спину. Если я выберу руку с монетой, буду прыгать первым. Рука, на которую я указал, была пуста.

Рональд попросил нас поторопиться. Дело шло к вечеру. Я надел мои любимые джинсы «501», свитер и бандану. Друг Рональда, Свен Бревик, тоже собирался сопровождать нас к месту прыжка, называемому Брураскарет. Его ржавая «Форд-Фиеста» уже стояла на улице рядом с домом. Положив парашюты в багажник, мы сели на заднее сиденье. Рональд в lederhosen (штанах до колена) и огромных тяжелых ботинках выглядел как настоящий горец-проводник. Он нес маленький рюкзак с водой в бутылках и сухарями. Свен сел за руль, и старая «Фиеста» повезла нас к цели. Мы направлялись к домику под названием Тролльстиген, довольно высоко в горах. Он принадлежал родителям Рональда и служил всем желающим исходной точкой для походов в горы. Туристский сезон, в течение которого он был открыт, продолжался только четыре месяца в год. Остальное время родители Рональда жили за счет дохода, полученного в эти четыре месяца.

Дорога извивалась серпантином, уходя выше и выше. Рональд сказал, что общине Ондальснес каждый год приходится тратить миллионы крон на ремонт дорог, поврежденных из-за того, что они промерзают, а потом оттаивают. «Фиеста» чихала и кашляла

на второй передаче. На первой ехать она не умела.

Добравшись до Тролльстигена, мы вошли внутрь и встретились с родителями Рональда. Его мать накрывала стол для нескольких голодных молодых людей. Мы представились, и она спросила, не парашютисты ли мы. Рональд сказал, что мы только что прибыли и собираемся сделать первый прыжок с Брураскарет. Она была достаточно любезна, чтобы приготовить для нас маленький пакет с бутылкой сока и булочками. Мы оставались в домике недолго, поскольку предстоял ещё длинный путь. Мать Рональда пожелала нам удачи, и мы чувствовали, что она нам крайне необходима.

Бернар и я заранее надели парашюты, поскольку так идти гораздо удобнее, чем нести их в руках, и только закончили с этим, как Рональд и Свен устремились вверх по тропинке. Я никогда не думал, что люди могут так ходить по горам, пока не увидел, что двое наших проводников взбираются по крутой тропе, прилагая не больше усилий, чем на неторопливой воскресной прогулке. Мы с Бернаром начали было в том же темпе, но скоро начали отставать. За время, которое Рональд делал два шага, я успевал сделать только один. Солнце садилось, но градусов 10 в тени всё же было.

Немногим более чем через час такой ходьбы мы дошли до оранжевого металлического щита, установленного полицией. Большими черными буквами на нём было по-английски написано: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Из-за узкого ущелья и непредсказуемых горных ветров прыжки (с парашютом) с Тролльвеггена оказались опасными. Если в результате несчастного случая потребуется спасательная операция, национальные власти предъявят иск о компенсации расходов». Перед подписью «The Police» некий шутник подписал слово «fuck». Бернар заметил на моем лице признаки волнения, когда я читал всё это, и сказал, что хорошо, что он не понимает по-английски.

Мы продолжали наш горный поход. Тропинка превратилась из каменистой в снежную. Ноги проваливались через снежно-ледяную корку и скоро замёрзли. Казалось, что вместо них у меня две тяжелые глыбы льда. Рональд и Свен шли так же быстро, как вначале, и, что удивительно, даже не нуждались в передышке. Я же брёл, высунув язык, и чувствовал, что силы на исходе. Мы карабкались, шли и прыгали по крутой тропинке больше двух с половиной часов. Физическая усталость медленно, но верно переходила в апатию. Рональд сказал, что осталось меньше получаса.

При мысли о прыжке с 2000-футового утеса я чувствовал себя не вполне здоровым. Как хорошо было бы растянуться на белом

песчаном берегу со стаканом ледяного пива. Чтобы мягкий песок струился между пальцами и какая-нибудь красавица нежно массировала мне спину. Вместо этого я потел, поднимаясь с парашютом в гору, чтобы броситься с неё. «Йефто, успокойся. Сконцентрируйся. Ты скоро примешь важное решение. Ты собираешься прыгнуть с утеса.» Спустя несколько секунд мысли мои поворачивались совсем в другом направлении. «Йефто, опомнись! Зачем ты приехал в Ондальснес? Ты же не собираешься прыгать с этого ужасного Тролльвеггена? Подумай, что ты делаешь!» Несмотря на все эти мысли, было трудно вообразить, что мы вдруг повернём назад. Я знал, что мы прыгнем, и боялся этого.

Рональд, казалось, мчался вперед. Мы следовали за ним по узкой дорожке, лавируя между огромными валунами. Боль в ногах была мучительной, и при каждом прыжке с валуна на валун, да ещё и с Клаудией на спине, становилось только хуже. Внезапно Рональд остановился приблизительно в 30 футах передо мной.

— Вот оно! — крикнул он.

Я посмотрел в его сторону и увидел, что земля резко закончилась. Темно-серые камни вокруг смотрелись ужасающе. Холод ледяного ветра усиливался высокой влажностью. Я медленно подошёл к обрыву. Вид был великолепен и страшен.

Если бы я был обычным туристом, я долго стоял бы и восхищался захватывающим дух пейзажем с высоты 2000 футов. Но в той ситуации, в которую я сам себя втянул, гора и обрыв заставили меня дрожать. Я что, на самом деле должен прыгать отсюда? Я повернулся к Бернару. Он стоял там, где я был несколько минут назад, и не двигался с места. Что он чувствовал, понять было несложно. Он спросил, вправду ли всё так плохо. Мой ответный кивок был серьезен, как никогда.

Мы закончили последние приготовления к прыжку. Обычно я сильно не затягиваю подвесную систему, чтобы было поудобнее, но на сей раз внезапно испугался, что в падении она ослабнет, и затянул её потуже.

Кто-то написал белой краской на скале рядом с площадкой: «600 метров до удара о землю». Это не воодушевляло.

Я слышал об одной вещи, которую обязательно должен сделать прыгающий с Тролльвеггена — перед прыжком оставить запись о себе.

В расселине скалы спрятана металлическая коробка, где лежит маленький блокнот с ручкой, своего рода гостевая книга. Надо написать там имя, национальность, номер прыжка отсюда и несколько слов от себя, если есть желание. Перелистав страницы

блокнота, я натолкнулся на несколько забавных примечаний, вроде «Пока, мама, я люблю тебя» и «А мне сказали, что внизу есть лифт!»

Номер прыжка Бернара был TV85, мой — TV86 (TV означало Тролльвегген). Номера 83 и 84 принадлежали двум немцам, которые прыгнули в предыдущий день. Мне предстояло стать 86-м человеком, прыгнувшим с Тролльвеггена.

Солнце было уже на горизонте, и темнело. Времени оставалось немного. Прыгать в темноте было бы слишком опасно. Прежде, чем прыгать, я захотел попробовать булочку, которую дала мать Рональда. Если уж я собирался умирать, так хоть не на пустой желудок. Прикончив булочку, я запил её глотком сока. И стоило мне это проглотить, как оно вылетело назад и оказалось на скале передо мной: вся булочка, сок и немного желчи. Глаза наблюдавших за мной Рональда и Свена округлились. Должно быть, они предположили, что это часть моей подготовки к прыжку. Как бы там ни было, они устроились в 15 футах справа от точки отделения и приготовились нас фотографировать.

Мы были готовы. Бернар, который должен был прыгать первым, стоял на крошечной площадке, уходящей в небытие. Он выглядел напряженным. Я задержал дыхание. Бернар взглянул на небо, затем на меня и, прокричав геральдический девиз Клуба Идиотов, сделал мощный прыжок вперед. Я быстро наклонился к краю, но не увидел его. Внезапно Рональд завопил: «Он врезался в скалу!»

Бернар погиб. Я был уверен, что его купол открылся носом к стене обрыва, и он разбился, ударившись об острые выступы скалы. Скотту повезло, он пережил столкновение с башней Монпарнас. Тролльвегген прощал меньше.

Всё произошло страшно быстро. Десять секунд назад Бернар стоял со мной на вершине, и теперь он мертв. Ушёл навсегда.

Несмотря на эту потерю, я был настроен прыгнуть. Я не видел никакой причины не делать этого. Бернар рассердился бы, если бы узнал, что из-за него мне пришлось спускаться обратно тем же утомительным путём, которым мы поднимались. Я встал на выступ. В душе было пусто. Мой лучший друг погиб в четвертом BASE-прыжке. Моя мать была права. Тролльвегген — смертельная западня.

Бернар ожил так же внезапно, как и умер. «Он там!» — опять завопил Рональд. Я посмотрел за край обрыва и заметил его синий купол, медленно летящий от скалы. Бернар жив! Камень свалился с души, и я приготовился прыгать. Проверил в последний раз снаряжение. Все, казалось, было в порядке. Стоя в трёх футах от края, я прикинул, как бы поставить ноги, чтобы

получше оттолкнуться. Отделиться с разбегу нечего было и думать, так как выступ длиной меньше шести футов и разбежаться негде. Я взглянул вниз на красивую долину, затем на небо и легкие розовые облачка…

Пора.

Я качнулся назад и вперед. «Сейчас! Нет, ещё нет. Сейчас! Нет, я сосчитаю до десяти… шесть, семь, восемь, девять, десять». Я оттолкнулся от выступа и покинул эту страшную гору раз и навсегда.

Падая вдоль голой стены утеса, я громко считал. Досчитав до трёх, я принял позу «тречки». Боковым зрением я видел серую гору, несущуюся в стороне на большой скорости. Пять. Шесть. Еще две секунды. Вот сейчас! Семь. Восемь. Я схватил вытяжной парашют и бросил его, молясь моему личному богу, чтобы Клаудия не подвела. Бум! Клаудия открылась с мощным ударом. Я поднял голову убедиться, что вверху все в порядке. Счастливый крик вырвался из моего горла, когда я увидел, что купол не поврежден и годится для приземления. Я чувствовал себя как муха, только что избежавшая мухобойки.

Маленькая посадочная площадка зеленела далеко-далеко ниже, близко к реке. Эта лужайка была только где-то 80 квадратных футов площадью. Фантастическое чувство — лететь между высокими горами. В полной тишине я плыл над красивым пейзажем, как хищная птица. Было очень трудно оценить высоту над участком земли, наклонённым приблизительно под таким же углом, как угол снижения купола. Я заметил место посадки, когда Бернар уже приземлился и собирал свой синий купол. Пару раз круто повернув над этим местом, я заставил купол побыстрее потерять высоту. На 160 футах я повернул к середине травянистой области и мягко приземлился.

Коснувшись ногами земли, я чуть не плакал от радости. Подбежал Бернар, и мы заключили друг друга в медвежьи объятия. Первое, что он сказал, было:

— Давай не прыгать больше. Никогда.

Я был полностью согласен:

— Никогда больше!

Я взглянул вверх, на Брураскарет. Крохотная точка на двух тысячах футов, где мы стояли только три минуты назад. Подумалось: нервного напряжения сильнее, чем то, что я пережил там, просто не может быть. В моей жизни не было тяжелее испытания, чем прыжок с Тролльвеггена, но не было и ничего более захватывающего. Всплеск адреналина давал о себе знать ещё много часов.

Я собрал купол, и, обняв друг друга за плечи, мы пошли к

дороге, ведущей в Ондальснес. По пути Бернар кое-что рассказал о своём прыжке. Свободное падение шло вроде бы как запланировано, но купол раскрылся в опасной близости к стене обрыва. Всегда трудно оценить расстояние до плоской стены, но Бернар настаивал, что был приблизительно в 30 футах от неё. Немедленно повернув на 180 градусов, он полетел прочь. Тогда Рональд и крикнул, что он, оказывается, жив. Видимо, тречил Бернар не очень-то хорошо, оставив между собой и стеной мало места, отчего Рональду сначала показалось, что он врезался в скалу.

Нам снова повезло — какая-то машина ехала в сторону Ондальснес и остановилась, когда мы подняли руки. Глаза норвежца-водителя загорелись, когда мы сказали ему о прыжке, и все 20 минут, что мы ехали, он снова и снова расспрашивал нас о нём. Остановившись у дома родителей Рональда, он чуть ли не просил нас дать ему автографы.

К нашему удивлению, в доме оказались две симпатичные девушки, обе — румяные блондинки. Не далее как сегодня Рональд говорил, что «их нет ни одной в Ондальснес», но мы предположили, что это подруги Рональда и Свена. Мое единственное желание состояло в том, чтобы плюхнуться на удобную кушетку с кружкой холодного пива. Наполненному адреналином телу требовался отдых.

На улице была непроглядная темень, а ни Рональд, ни Свен ещё не вернулись. Но я не сильно волновался; они выросли здесь и могли, вероятно, найти дорогу домой в любую погоду. В подтверждение моих мыслей, через несколько минут они вприпрыжку вбежали во двор. Сбежав с горы, они даже не запыхались. Истинные железные люди. Они были счастливы видеть нас живыми и поздравили с первым прыжком с Тролльвеггена. Мы с Бернаром вышли во двор, чтобы поставить палатку. На это ушли наши последние силы.

Несмотря на полный упадок этих самых сил, мы решили всё же заглянуть в одно местечко деревни, где жизнь по-прежнему била ключом — дискотеку «Бельвю». Бернара очень позабавило такое богемное французское название дискотеки в крошечной деревне, похожей больше на край света, чем на что-то еще. «Бельвю», однако, выглядела как дискотека в любом большом городе. Огромные динамики пульсировали от музыки, и танцующие делали все, чтобы поддержать зажигательную атмосферу. Мы сели и заказали два пива.

В какие-то полчаса мы превратились в знаменитостей. Рональд рассказал о нас своим друзьям, и этот вечер стал нашим. Я провел бы всю ночь, танцуя с симпатичными норвежскими

девушками, если бы был в лучшей форме. Глаза мои слипались, а у Бернара язык высовывался изо рта. Чем симпатичнее была девушка рядом с ним, тем больше он высовывался.

Поэтому после короткого, но насыщенного визита в «Бельвю» мы отправились к себе в палатку.

Мы не могли дождаться, когда наконец сможем упасть и уснуть. По пути к палатке Бернар признался, что обманул меня. Он так испугался, что придётся прыгать последним, что, когда бросали жребий, сжульничал — я, оказывается, выбрал руку с монетой, а он переложил её в другую руку. Но теперь всё это уже было полной ерундой.

Когда я наконец вполз в спальный мешок и закрыл глаза, то чувствовал, что счастлив. Мы прыгнули с Тролльвеггена и остались живы. И никогда не надо будет делать этого больше.

BASE 66

Мы с Бернаром провели в Ондальснес три дня. Каждое утро перед завтраком мы купались в ледяной воде реки за деревней, а днём гуляли по горам. На второй день нам уже казалось, что мы знакомы со всеми местными жителями; все приветствовали нас везде, куда бы мы ни пошли. Я не знаю, было ли это потому, что они знали нас как парашютистов, прыгнувших с Тролльвеггена, или у них это обычное дело — приветливо здороваться с каждым.

Погода эти три дня была очень плохой, что оказалось в своём роде весьма здорово. Не давила мысль о том, что можно бы прыгнуть и ещё, но очень страшно. У нас было оправдание перед самими собой — нет погоды. Так уж устроены парашютисты.

Прежде чем отправиться в Париж, я послал маме открытку, где написал, что мы прыгнули с Тролльвеггена и все хорошо.

Вернувшись в мою маленькую комнату в Париже, я написал ещё письмо вдове Карла Бениша Джин насчёт нашего со Скоттом и Бернаром членства в клубе BASE. Я описал четыре прыжка: с моста Кохертальбрюкке (S), башни Монпарнас (B), антенны Хэрбю (A) и Тролльвеггена (E), приложил несколько фотографий и указал даты прыжков, высоты объектов и их географическое положение. Почти четыре месяца спустя, 25 октября 1984 года, пришёл ответ:

«Дорогой Йефто!

Пожалуйста, извини за задержку. Поздравляю! Ты — BASE 66, а Бернар Пуарье — BASE 65. По моей информации, европейцев-бейсеров теперь 16, считая вас. Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что ты — первый швед из них, а Бернар — первый француз. День Моста у нас прошел очень хорошо; 248 парашютистов за 6 часов сделали 563 прыжка. Я рада, что парашютистов было не слишком много; мы надеемся, в следующем году их будет столько же, и ты тоже среди них.

С уважением, Джин Бениш».

Она приложила к письму три эмблемы бейсера, которые можно пришить на рукав. На эмблемах был вышит человек в свободном падении между зданием, антенной, скалой и мостом, а вокруг этой картинки — слова «BASE JUMPER».

Членство в клубе BASE было нашей главной целью, и эмблема BASE доказывала, что мы её достигли. Мы состояли в клубе, в котором было только 66 человек из всего мира. И я стал одним из них.

В конце июля я уволился из «Фаси» и возвратился в Швецию. У меня появилась идея: сделать немного денег, продавая историю

о наших BASE-прыжках шведской прессе. Первой газетой, с которой я связался, была «Квельспостен». Они послали журналиста, чтобы встретиться со мной, и два дня спустя в субботнем номере появилась статья на двух страницах. Стиль статьи был весьма сенсационным. Заголовок гласил: «ДА, МЫ — ЧОКНУТЫЕ!» Первые несколько строк кратко описывали нас. «Йефто Дедьер отбрасывает с лица светлые волосы и по-детски улыбается. Йефто — первый швед, который стал так называемым BASE-джампером. Он — один из только 16 таких смелых людей во всей Европе». Журналист описал четыре наших BASE-прыжка и закончил: «Они объединены братством, противник которого — смерть. Йефто смеется вслух: „Мы — чокнутые!“»

Целую страницу занимала фотография башни Монпарнас. От её верха до улицы у подножия шла пунктирная линия. «Вот где это случилось!»

Пару раз прочитав статью «Квельспостен», я понял, что журналист интересовался не тем, чего я достиг, а только тем, как сделать статью как можно эффектнее и драматичнее, чтобы газета лучше продавалась. Мое отношение к средствам массовой информации и прессе в особенности было идеалистическим и наивным. Я-то думал, что журналисты будут интересоваться существом дела и пытаться побольше узнать о BASE-прыжках.

Перед следующим интервью я решил попробовать заставить журналиста написать о том, что я вправду испытал в BASE-прыжках, и воздержаться от всякой отсебятины.

Следующая статья появилась в мужском журнале «Лектюр». Я несколько колебался, когда оттуда позвонили и спросили, когда и где мне будет удобно дать интервью. Прочитав несколько номеров журнала, я не был уверен, что хочу, чтобы в таком журнале появились моё имя и фотография. Но, немного подумав, согласился. К этому времени я понял, что и как говорить в интервью и, самое важное, что не надо его начинать, пока журналист не согласится на гонорар, который я прошу. Это могло отнять много времени, и потом много раз журналистам приходилось звонить своим редакторам, чтобы всё согласовать. Я чувствовал себя обманутым журналистом из «Квельспостен» и не хотел, чтобы это повторилось. Журналисты из «Лектюр» с готовностью согласились заплатить то, что я просил.

Статья «Лектюр» мне понравилась. Она заняла два разворота и была написана очень хорошо. Как обычно, заголовок был броским, и затем следовало вступление в сенсационном духе. «ОДНА ОШИБКА ОЗНАЧАЕТ СМЕРТЬ!» И далее: «Стоя только в 300 метрах от земли, Йефто Дедьер прыгает с антенны Хэрбю в Сконе. В прыжке все должно пройти без сучка, без задоринки —

или Йефто умрет!» Единственным, против чего я возразил, была просьба сфотографироваться с бутылкой шампанского в руке. «21-летний Йефто Дедьер празднует с шампанским после четырех успешных прыжков BASE» — хотели они написать. Журналист привёз бутылку из Стокгольма, только чтобы сделать эту фотографию. Когда они уезжали, бутылку им пришлось везти обратно. Я счёл такую фотографию слишком надуманной.

Однажды вечером позвонил журналист газеты «Арбетет» и спросил, прокомментирую ли я фатальный прыжок с Тролльвеггена. Он объяснил, что там разбился 19-летний швед. Я отказался комментировать смерть молодого человека, но хотел рассказать о моих собственных прыжках. На следующий день в этой газете вышла двухстраничная статья о последнем прыжке того парня и обо мне. «ЙЕФТО ГОВОРИТ, ПОЧЕМУ ОН ИГРАЕТ СО СМЕРТЬЮ!» «Правила созданы, чтобы их нарушать», — говорит 22-летний Йефто Дедьер из Лунда. — «Я не подталкиваю никого к BASE-прыжкам, но никогда не откажусь дать совет». Рядом со статьей обо мне была большая фотография Тролльвеггена со стрелкой и текстом: «Здесь 19-летний Йорген нашёл смерть!» Газета приобрела фотографию этого парня, и статья получила продолжение: «Авантюра на Тролльвеггене закончилась смертью 19-летнего Йоргена Хаканссона…»

Те же самые новости более драматично рассматривала вечерняя газета «Экспрессен». «ОН НАБЛЮДАЛ СМЕРТЕЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ ДРУГА», гласил заголовок. Как и «Арбетет», они показали фотографию Тролльвеггена с пунктиром, указывающим падение. «Парашют Йоргена Хаканссона не открывался. Он неудержимо падал и разбился о скалы. Затем, перевернувшись через уступ скалы, он падал ещё 700 метров». Бедные родители Йоргена должны были читать о его смерти, ужасающе и часто оскорбительно описанной в деталях каждой газетой в Швеции.

После этого несчастного случая друзья спрашивали меня о прыжке с Тролльвеггена и не собираюсь ли я прыгнуть там снова. Странно, но люди фактически любят читать о всяких ужасных несчастных случаях. Человек так устроен. Мы процветаем на страдании других людей. Когда парашютист погибает в прыжке, случается нечто парадоксальное. Число желающих прыгать с парашютом увеличивается. Казалось бы, смертельный случай оттолкнёт людей от парашютного спорта, но происходит противоположное — интерес к нему возрастает.

Спустя несколько недель после смерти Йоргена Хаканссона финский парашютист погиб на Тролльвеггене. Три месяца спустя произошёл ещё один несчастный случай. «СМЕРТЕЛЬНЫЙ УТЕС ТРЕБУЕТ ЧЕТВЕРТОЙ ЖЕРТВЫ», — написала «Квельспостен».

«Смертельный норвежский утес, опасный 5000-футовый (?!) обрыв Тролльвегген вчера потребовал четвертой жертвы». Если бы журналисты могли писать свои статьи, пользуясь только прилагательными, я уверен, что они так бы и делали.

Странно, что за пять лет с Тролльвеггена было сделано больше 200 прыжков без единого фатального случая — и внезапно сразу четыре несчастья. Карл Бениш, Йорген Хаканссон и эти два парня. Возможно, дело в недооценке сложности прыжка.

Прыжок через Атлантику

На заработок от одного интервью можно было прожить несколько недель, но доходы эти были очень нерегулярны. Я устроился нештатным преподавателем английского и французского языка в Лунде и сэкономил достаточно денег для поездки в Соединенные Штаты к Скотту. Прошёл целый год, как мы не виделись с ним и Бернаром. Мы договорились встретиться дома у Скотта в Стэмфорде, в штате Коннектикут, недалеко от Нью-Йорка, а ещё — прыгнуть с 876-футового моста Нью-Ривер-Гордж, одного из самых высоких в мире. В течение последних нескольких лет во вторую субботу октября Джин Бениш устраивала прыжки с этого моста. Мы подумали, что очень здорово будет объединить нашу встречу с одним или двумя BASE-прыжками.

Накануне поездки от Скотта пришла по почте фотография «Бейсмобиля», который он арендовал, чтобы с комфортом ехать 12 часов от его дома к мосту. На фото был жилой прицеп с пятью кроватями, душем, печкой для готовки, холодильником, стерео и телевизором. Скотт писал, что осталось только заполнить холодильник пищей и купить 16-галлонный бочонок пива.

Мы встретились в доме матери Скотта за два дня до прыжка. Первый вечер мы праздновали, как никогда прежде. Мы были искренне счастливы снова встретиться. Дорога до моста Нью-Ривер-Гордж прошла быстро и незаметно. Я впервые путешествовал таким образом. Удобно устроившись на кровати с книгой и пивом, я скоро забыл, что мы едем по дороге.

Мы прибыли на место в 4:00, так что оставалось ещё три часа сна перед перекличкой.

После хорошего завтрака в «Бейсмобиле» мы вышли посмотреть на других парашютистов, и, к моему великому удивлению, нас оказалось больше 250. Все должны были прыгнуть между 9:00 и 16:00. Прыгать в другое время категорически запрещалось. Эти BASE-прыжки — важная часть большого праздника по случаю очередной годовщины строительства моста. Люди как из близлежащих мест, так и издалека приезжают расслабиться и посмотреть, как какие-то сумасшедшие прыгают с него. За часть праздника, связанную с сумасшедшими, отвечала Джин Бениш. Она сказала нам о уровне воды в реке под мостом (площадка приземления представляла собой песчаную отмель в этой реке), кое-что о безопасности и снаряжении. Для многих участников это был первый BASE-прыжок, и Джин особо остановилась на положении тела при

отделении. Я воспользовался возможностью поговорить с другими бейсерами. Фил Смит, у которого тогда было 150 BASE-прыжков, дал мне много хороших советов.

К 9:00 на мосту нас ждала толпа зрителей ни много ни мало в 150 000 человек, и через них приходилось почти проталкиваться. Как всегда в Соединенных Штатах, было предусмотрено все. Ларьки с хот-догами и пиццей, бар с молочными коктейлями, магазины подарков, продавцы леденцов… и так далее, и тому подобное. Когда я ждал в толпе вместе с другими бейсерами, казалось, что я пришёл на почту и стою там в очереди. После больше чем двух часов моя очередь наконец-то настала.

На мне были шорты с земляничным рисунком и красочная футболка. Ранец на их фоне, видать, не сильно бросался в глаза, и не все распознавали во мне парашютиста. Не иначе как поэтому, когда я уже подходил к месту прыжка, ко мне вдруг подошла женщина, продающая леденцы, и предложила что-нибудь купить. Я вежливо отказался.

Кто-то из зрителей помог мне подняться на перила моста. Футах в десяти выше меня я увидел оператора, удобно расположившегося в люльке подъемника, вроде тех, что используются пожарными в спасательных целях. Должно быть, так он мог делать лучшие в мире съёмки BASE-прыжков.

Я взглянул в камеру, крикнул: «Да здравствует Швеция!» и прыгнул. Клаудия открылась после четырех секунд свободного падения, быстро и чётко. Почти сразу я решил не пытаться попасть в песчаную отмель, называемую площадкой приземления, и вместо этого мягко приземлился на берегу, прямо у воды. «Официальная» площадка приземления из-за высокого уровня воды была уж очень мала, а рядом с ней обнаружилось полно того, что с воздуха выглядело как маленькие камешки, но оказалось валунами немалого размера. Несколько парашютистов недооценили это и сломали ногу или лодыжку. Скотт и Бернар прыгнули вместе спустя несколько секунд после меня и всё-таки приземлились на песчаной отмели.

Приземлившись, я взглянул на мост. Чем хорош этот Нью-Ривер-Гордж — можно увидеть сотни BASE-прыжков за один день. Но в конце концов и это стало мне скучно. Ниже по реке в воде ждали три быстроходных моторных лодки, чтобы вылавливать оттуда незадачливых парашютистов, у которых не хватит умения приземлиться ни на песчаную отмель, ни на берег.

Я подождал, пока прохладный октябрьский бриз высушит Клаудию, и уложил ее для второго прыжка. Вернувшись на мост, мы поняли, что большинство хотело сделать только один прыжок,

потому как никакой очереди уже не было. Скотт и Бернар прыгнули, держась за руки. Они отпустили друг друга после двух секунд падения, разлетелись в стороны и раскрыли парашюты. Мой второй прыжок не отличался от первого, за исключением того, что перед отделением я позволил себе малость пошутить со зрителями. Позади меня стояла маленькая девочка с матерью. Я серьезно посмотрел на девочку и спросил, не хочет ли она прыгнуть со мной. Девочка испуганно покачала головой. Ее молодая мама, подыгрывая мне, стала подговаривать дочь согласиться. Бедная девочка, думая, что мама говорит серьёзно, собиралась уже удариться в панику, и тут я прекратил игру, успокоительно погладил ее по голове и мощным прыжком покинул зрителей, испытав несколько волнующих секунд.

Вечером все парашютисты собрались в гостинице, чтобы посмотреть видео прыжков. Этих прыжков за день было сделано шестьсот пятьдесят, и худшими их последствиями были несколько сломанных лодыжек. Никогда прежде я не встречал так много психов в одном месте. Тут собрались все, с кем мама не велела вам связываться, когда вы были в нежном возрасте. Всегда приятно оказаться там, где вокруг только твои единомышленники. И как же здорово, что можно поговорить о BASE-прыжках с кем угодно, при этом твой собеседник понимает и уважает тебя, когда вы даже не знакомы! У каждого из нас похожие взгляды на BASE-прыжки и на жизнь вообще.

Самым очаровательным в прыжках с Нью-Ривер-Гордж была атмосфера.

В то время это было одно из очень немногих мест в мире, где мы могли собраться и прыгать с моста без риска, что нас задержат или арестуют. Всё казалось настолько естественным, что часть неизбежного волнения перед прыжком исчезла. Но, если честно, я предпочитаю прыжки в тихих местах. 150-тысячная толпа, магазины и всякое такое представляются мне явно лишним. Тем не менее Бернар, Скотт и я прекрасно провели время вместе, и это главное. Переночевав в нашем «Бейсмобиле», рано утром мы направились в Нью-Йорк. В выходные пора было возвращаться домой.

Назад в Город огней

Вернувшись в Лунд, я устроился работать ночным портье в тамошнем «Гранд-Отеле». Это была скучная работа, общаться с посетителями я мог очень немного. Когда в 23:00 начиналось моё рабочее время, гости обыкновенно не въезжали в гостиницу и не выезжали из неё, а собирались ложиться спать, и мои основные обязанности состояли в том, чтобы удостовериться, что гостиница всё ещё на месте, ничего не горит и гости могут спать спокойно. Проведя таким образом немного больше года, я решил опять поехать во Францию. Воспоминания о времени, проведённом в Париже, у меня остались хорошие, а французский образ жизни явно по мне.

Однажды утром, читая газету «Сюдсвенскан», я заметил объявление о работе, которое меня заинтересовало. «Шведский организатор автобусных туров ищет управляющего для недавно построенной гостиницы в Париже». Я послал в это туристическое агентство свои данные, и меня пригласили на собеседование. Оно прошло хорошо, и неделю спустя меня вызвали для второго собеседования. Оба раза я был очень возбужден, почти как перед BASE-прыжком, и старался расслабиться, говоря себе: «Йефто, если ты смог прыгнуть с Тролльвеггена, то уж как-нибудь справишься с собеседованием при устройстве на работу». Это немного помогло.

Спустя неделю после второго собеседования позвонил президент агентства и спросил, интересует ли меня еще эта вакансия. Так я и стал управляющим гостиницы.

Несмотря на то, что сам затеял всё это дело, я вдруг сильно забеспокоился и засомневался, то ли я делаю. Получится ли у меня управлять гостиницей в Париже после только лишь года работы портье? «Так не пойдёт. Надо успокоиться и идти дальше», — думал я. «Если продолжать сомневаться, то я никогда этого не смогу!»

После двух недель обучения в Мальмё меня наконец послали в Париж. И я увидел свою гостиницу.

Вместо входной двери было две толстых доски с цепью и замком. В вестибюле красовалась огромная бетономешалка. Шестиэтажная гостиница представляла собой полный беспорядок. Таких весьма желательных вещей, как мебель, ковры и даже обои, не было и в помине. Единственным, что я знал наверняка, было то, что гости прибудут через 12 недель.

Где мне приобретать продукты для гостиницы? Чем заполнить мини-бары в гостиничных номерах? Как нанять

обслуживающий персонал? Какой лучше сделать пол в вестибюле? Какая пекарня печёт лучшие круассаны? Приходилось не спать ночами, решая эти и другие вопросы. Я нанял уборщиц из Португалии, ночных портье из Алжира и официанток из Дании. Закончив этот процесс, я начал обучать новых служащих, изучая в то же самое время бухгалтерский учет. Разумеется, в мои обязанности входило и управление финансами гостиницы, и поскольку я прежде никогда не имел дела с миллионными суммами, потребовалось срочно ликвидировать этот пробел.

Первые гости прибыли 17 февраля 1987 года и, к сожалению, были приняты не совсем лучшим образом. Мини-бары были пусты из-за задержек поставок, а телевизоры не работали, потому что спутниковая антенна на крыше еще не была установлена. Когда гости звонили в обслуживание номеров, чтобы заказать чашку кофе, я посылал за ним кого-нибудь в ближайшее кафе. Кофеварка в комнате для завтрака была не в порядке.

Приблизительно через месяц все оборудование в гостинице наконец заработало, но возникли другие проблемы. Зима была необычно холодна, а в строительстве есть понятие «разрушение от мороза». В общем, когда снег начал таять, часть талой воды переместилась через крышу прямо в гостиницу. Краска на лестничной клетке отслоилась, и её куски приземлялись на ковры и постояльцев гостиницы, как огромные снежинки. Маляры исправили это, и тут случилась новая неприятность.

В подвале находился, скажем так, фекальный насос. Обычно стоки из туалетов двух нижних этажей собирались в отстойнике, расположенном ниже уровня земли, рядом с комнатой для завтрака. Оттуда упомянутый насос перекачивал их на 20 футов вверх и далее в парижскую канализацию. И вот однажды проклятый насос почему-то решил качать не из отстойника, а в него. Сначала заполнился отстойник, потом туалеты, затем — холл перед обеденным залом, и наконец начал наполняться сам этот зал. Естественно, то, что туда полилось, не было чистой водой и пахло ужасно. Когда гости стали спрашивать, не развожу ли я в гостинице свиней, я понял, что случилось страшное. Надо было срочно что-то делать. Даже жители соседних домов жаловались на зловоние, пропитавшее весь квартал. Специальный грузовик с цистерной осушил мой бедный отель с помощью большой трубы, а несколько нанятых мной водопроводчиков быстро заменили старый насос.

Первый год, который я был управляющим гостиницы, я работал семь дней в неделю и 12 часов в день. Мой офис, куда едва помещался стол Ikea, был в 13 футах под землей и без окон. Я не мог стоять в нем во весь рост и редко приглашал кого-нибудь

в эту «дыру в земле». Несмотря на все трудности, гостиница работала в целом удовлетворительно. Штат состоял из трудолюбивых людей, и я был доволен, что создал хорошую атмосферу. Те немногие из посетителей, которые оказались моими земляками, сказали, что я напоминаю Джона Клиза из телешоу «Отель „Башни Фолти“». Надо признать, я был рад услышать это. Я всегда мечтал однажды выпить пива с Джоном Клизом в лондонском пабе.

Однажды в воскресенье меня пригласили на чай к одной француженке, которую я знал через Скотта. Ее дом располагался в богатом Седьмом районе Парижа. Все гости были очень элегантно одеты и, к сожалению, невероятно скучны. Нечаянно я обратился к молодому человеку примерно 25 лет не совсем, возможно, в тех выражениях, какие приняты в этом обществе, и стоило мне упомянуть, что не выезжаю на охоту и не живу в замке, как он отвернулся, чтобы продолжить разговор с кем-то из его круга.

Проведя таким образом час и выпив три чашки чая, я собирался уехать, когда заметил худощавую миниатюрную темноволосую женщину, которая не казалась столь рафинированной, как другие гости. Я предложил ей чашку чая «Граф Грей» и представился. Она тоже представилась. Мне пришлось попросить её повторить то, что она сказала. Она повторила. Затем она была столь любезна, что повторила в третий раз, и тогда я окончательно понял и запомнил: Йолэн де Сен-Жюст д'Отэнж. Мы проболтали несколько часов, и прежде чем уехать, я спросил у нее номер телефона и тщательно записал его в записной книжке. Ее простые, прямые манеры и чувство юмора очень понравились мне.

Через две недели после нашей первой встречи мы с Йолэн пообедали вместе. Нам было так приятно общество друг друга, что в конце концов я перебрался к ней жить. Впервые с начала моей карьеры управляющего я работал меньше 12 часов в день. А ещё впервые в жизни я влюбился, и это было фантастическое чувство. Йолэн читала мне стихи и рассказывала о французской истории и культуре.

После года знакомства мы поженились. Свадьбу сыграли в замке ее тети, Шато де Гамбэ, недалеко от Парижа. Я хорошо помню, как отец Йолэн извиняющимся тоном сказал, что не мог устроить большую свадьбу. Маленькая свадьба лучше, чем никакая, подумал я, и не поверил своим ушам, когда он сказал, что пригласил только 250 гостей. Двадцать моих лучших шведских друзей присоединились к нам на свадебном обеде. Когда обед заканчивался и должен был начаться танец, один друг

приблизился ко мне и прошептал: «Йефто, это лучше, чем Даллас». (Он имел в виду телесериал с таким названием).

От адреналиновых приключений со Скоттом и Бернаром я перешёл к новым — с Йолэн.

После шести месяцев семейной жизни Йолэн доказала мне свою любовь, впервые испытав свободное падение. Она прыгнула в тандеме с моим хорошим другом Андерсом Тулином. У Андерса тогда было больше 1 500 прыжков. Йолэн и Андерс прыгнули с 13 000 футов, а я — за ними и падал рядом. Я подлетел к Йолэн и поцеловал её в губы, пока мы падали на скорости 120 миль в час. Мы держались за руки все 60 секунд падения к матушке-земле. Йолэн и Андерс приземлились мягко. Её первый прыжок вполне удался.

Клуб Идиотов сегодня

BASE-прыжки сейчас распространены во всем мире. Дух первопроходцев, который был сначала, исчез, хорошо ли это или плохо. Некоторые даже не занимаются в жизни ничем, кроме BASE-прыжков (часто это ненадолго). Сегодня есть компании, изготовляющие снаряжение для BASE-прыжков — специально разработанные купола, ранцы, вытяжные парашюты и все прочие принадлежности. Поскольку такие парашютные системы обеспечивают более быстрое раскрытие, стало возможно прыгать с более низких высот. Недавно я читал об англичанине, который прыгнул с собора Нотр-Дам в Париже, и регулярно делаются прыжки в Квебеке с моста через реку Сент-Лоуренс высотой всего 165 футов. Однако этим спортом по-прежнему занимается горстка любителей приключений. На время написания этих строк только 900 человек во всем мире сделали 4 прыжка, нужные, чтобы получить индивидуальный номер бейсера. Сравните это с 404 астронавтами, которые побывали в космосе, или с 1 900 альпинистами, покорившими Эверест.

Интернет особенно полезен для относительно маленького BASE-сообщества. Есть немало сайтов, позволяющих узнать о BASE-прыжках как можно больше. Ник Ди Джованни, BASE 194, поддерживает и регулярно обновляет «World BASE Fatality List» в сети. 5 октября 2004 года опытный бейсер с более чем 1200 прыжками погиб, прыгнув с башни Цзинь Мао в Шанхае. Он раскрылся с закруткой строп и врезался в крышу смежного здания, став 82-м погибшим бейсером.

Том Айелло, BASE 579, за плечами которого больше 500 прыжков за прошедшие 3 года с более 100 различных неподвижных объектов, недавно опубликовал в сети статью «Входя в BASE». Под заголовком «Проверьте пригодность» он пишет:

«Для BASE больше всего подходит человек, который любознателен, имеет хорошую реакцию, быструю и правильную (не имея необходимости думать в критической ситуации), превосходную координацию, дисциплинирован и внимателен к мелочам. Ничего, если вы слабоваты в одном или двух из этих качеств, но если у вас нет большинства их, BASE не для вас».

Пока неплохо, но дальше он переходит к собственному опыту, и вот тут начинается веселье.

«Прыгайте, только если абсолютно уверены, что BASE — то, чего вы хотите. Этот спорт опасный, иногда незаконный и очень захватывающий. И он может забрать вашу жизнь. Я никогда не

советовал бы никому им заниматься (и, по-моему, это обстоятельство — самый полезный опыт моей жизни). За короткое время, что я занимаюсь этим делом, я видел два спасательных вертолета снаружи, еще два — изнутри, заднее сиденье полицейского автомобиля (где меня отнюдь не подвозили по доброте душевной), несколько сломанных костей и похороны. Я также провел три недели в палате интенсивной терапии и 18 часов — в нейрохирургии. Вы всё ещё хотите прыгать BASE?»

Когда я читал это, невольно вспомнил наши прыжки и подумал, как нам повезло. Нам мешала полиция, у Скотта был перелом, а я разрезал ногу, но никаких спасательных вертолетов или нейрохирургии, слава богу, не понадобилось. Том добавил немного внушительной статистики:

«Есть много разных причин прыгать BASE, и я бросил попытки решить, какие из них „правильные“. Главное — определить, что важнее для вас: ваши собственные причины прыгать или возможные последствия. Если вы не гонщик, BASE — безусловно самое опасное, что вы будете когда-нибудь делать. По статистике вероятность того, что ваша BASE-карьера закончится смертью, где-то 5 %. Хуже то, что вероятность серьезной травмы (то есть больницы) примерно 95 %. Я знаю трех бейсеров с более чем 500 прыжками, которые провели немало времени (не день и не два) в больнице из-за несчастных случаев, связанных с прыжками. Даже они соглашаются, что серьезная травма — только вопрос времени. Специфика BASE-прыжков в том, что прежде чем начать ими заниматься, нужно серьёзно обдумать последствия своей травмы или смерти. Как это отразится, например, на вашей семье и родных? Если вы не готовы погибнуть в BASE-прыжке, вы к нему не готовы».

Я лично знаю людей, которые сделали больше 1000 BASE-прыжков и все еще живы. Но показатель смертности увеличился соответственно росту популярности этого спорта. Можно, всего лишь начав обучаться у опытного бейсера, убиться через несколько дней. Опасное это дело.

Ну а что же случилось с моими друзьями Скоттом и Бернаром? Бернар — археолог и теперь проводит время, выкапывая разные находки из-под Парижа и Сюрнэ. Он женат на красивой француженке-агентессе по недвижимости по имени Изабель, у них три прекрасных дочери. Скотт пошёл по стопам своего отца и стал летчиком, только не гражданской авиации, а Национальной гвардии США. Проучившись два года в Дель Рио в штате Техас, он стал отличным пилотом самого уродливого в мире самолёта, A-10 Warthog. Этот штурмовик успешно применялся в операции «Буря в пустыне» в Ираке. Отлетав на

А-10 несколько лет, Скотт перебрался в Таиланд, где теперь работает переводчиком-помощником-организатором в американских ВВС. Скотт обеспечивает всё, что требуется, когда американские специальные подразделения приезжают в Таиланд для тренировок. Его 9-летний сын Роберт Ромео — прирожденный атлет и представляет Таиланд в катании на роликовой доске, футболе, лыжном спорте и скалолазании.

Что касается меня, то, женившись на Йолэн, я прекратил BASE-прыжки, поскольку теперь отвечаю не только за себя, но и за семью. Каждый раз, когда сын Дэмьен или дочка Хло карабкаются на 10-футовый валун или прыгают с него, я говорю им: «Осторожно. Спокойно. Не пораньтесь». Они немедленно отвечают: «Если ты можешь прыгнуть с крыши здания, почему мы не можем прыгнуть с камня?» Тогда я замолкаю.

Фантастические приключения, которые испытали мы со Скоттом и Бернаром, сделали нас друзьями на всю жизнь. Мы поддерживаем контакт друг с другом и несколько раз в год встречаемся во Франции, Соединенных Штатах или где-то ещё. Хотя мы больше не прыгаем вместе, наше братство по-прежнему с нами. Риск и опасность BASE-прыжков объединили нас в сильную команду. Опыт BASE очень помог в развитии моего характера. Теперь, столкнувшись с какой-нибудь трудностью, я думаю: «Если я могу прыгнуть с башни Монпарнас, то могу и вот это». Проще говоря, я стал психологически сильнее.

Пережитые опасности изменили мое отношение к жизни. На меня нагоняют тоску атрибуты «нормальной» жизни — планирование карьеры, пенсионное страхование, три недели оплачиваемого отпуска и тому подобное. Перечень моих приоритетов давно перестроен. Свой дом, покупка нового автомобиля, всякие новые высокотехнологичные штучки — где-то в конце его. А в начале — значительные события и новые открытия. Американский педагог Элен Келлер, которая была слепой и глухой, выразила мой взгляд на жизнь лучше, чем кто-нибудь: «Жизнь — это смелое приключение или ничто».